

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Философский факультет

Кафедра философии политики и права

На правах рукописи

Гайдт Анна Юрьевна

**СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ:
ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Специальность – 23.00.01 – теория и философия политики, история и
методология политической науки

Диссертация
на соискание учёной степени
кандидата политических наук

Научный руководитель:
доктор социологических наук,
профессор,
Шамшурин Виктор Иванович.

Москва – 2016

Оглавление

Введение.....	3
Глава I Политическая система как объект сравнительного анализа.....	14
1.1 Эволюция методологии сравнительного анализа политических систем: основные этапы и их содержание.....	14
1.2 Структура политической системы в объектной области сравнительного анализа.....	42
Глава II Основные виды сравнительного анализа политических систем: методология и эвристический потенциал.....	73
2.1 Методологические особенности кросснациональных сравнительных исследований политических систем.....	73
2.2 Методологические особенности бинарных сравнительных исследований политических систем.....	91
2.3 Методологические особенности сравнительно-ориентированного исследования «случая» (одной политической системы).....	109
2.4 Эвристические возможности сравнительного анализа политических систем.....	123
Заключение.....	140
Библиография.....	146

Введение

Актуальность исследования. Масштабные геополитические и социально-экономические трансформации последних десятилетий привели к изменениям как отдельных политических систем, так и отношений между ними. В ходе научного познания этих процессов в российской политической науке происходит формирование заметного интереса к сравнительному анализу политических систем с точки зрения их функционирования и развития. И если в первом случае главным исследовательским инструментом является сама категория «политическая система», то во втором – в этом качестве выступает сравнительный анализ как метод её познания. Это требует определённого уровня методологической компетентности от специалистов-политологов.

Несмотря на то, что элементы сравнительного подхода опираются на длительную традицию политической мысли, ряд теоретико-методологических вопросов политической компаративистики остается открытым для дискуссий. В центре теоретических обсуждений и политических практик находится проблема оптимальных форм и реализации базовых функций политических систем. Сравнение позволяет совершенствовать теоретический инструментарий политической науки и оптимизировать модели политического управления. В частности, это даёт возможность систематизировать и обобщать большие объёмы информации, уточнять понятийный аппарат, корректировать типологии, прогнозировать развитие систем и оценивать эффективность политических решений. Одной из актуальных теоретико-методологических проблем современной политической науки является выявление и концептуализация основополагающих принципов компаративизма как метода научного исследования. Особую остроту современным дискуссиям придаёт отсутствие единой теоретико-методологической базы в понимании того, что делает возможным сопоставление политических систем, и каковы критерии релевантности такого сравнения. Всё это позволяет считать тему диссертационного исследования актуальной.

Степень научной разработанности проблемы. Процесс становления сравнительного анализа в политической науке XX века связан с острыми теоретико-методологическими дискуссиями. В трудах классиков социально-политической мысли XIX-XX вв. были сформулированы идеи, послужившие фундаментом сравнительных исследований в политической науке¹. В России разработка проблем методологии анализа и сравнения политической реальности начинается в работах Н.Н. Алексеева, Б.А. Кистяковского, М.М. Ковалевского, П.И. Новгородцева, В.И. Сергеевича².

В XX веке идею о методологической автономности элементов политического пространства разрабатывала Чикагская школа политологии: Ч. Мерриам, Л. Уайт, Г. Госнелл, К. Райт, Г. Лассуэлл, сформулировав принципы и критерии сравнения политики³. Наибольшее значение для

¹ См., например: Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. – М., 1998; Конт О. Общий обзор позитивизма. – М., 2011; Спенсер Г. Основания социологии // Западно-европейская социология XIX века. – М., 1995. – С. 279-321; Дюркгейм Э. Социология. Её предмет, метод и назначение. – М., 1995; Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. – М., 1991; Вебер М. Основные социологические понятия / Вебер М. Избранные произведения. – М., 1990.

² См., например: Алексеев Н.Н. Науки общественные и естественные в историческом взаимоотношении их методов. Очерки по истории и методологии общественных наук. Ч. 1. – М., 1912; Кистяковский Б.А. Социальные науки и право. Очерки по методологии и социальных наук и общей теории права. – М., 1916; Ковалевский М.М. Историко-сравнительный метод в юриспруденции и приемы изучения истории права // Российский журнал сравнительного права. – 2002. – №2. – С. 165-178; Новгородцев П.И. О задачах современной философии права [1902] // Новгородцев П.И. Сочинения. – М., 1995; Сергеевич В.И. Задача и метода государственных наук. Очерки современной политической литературы. – М., 1900. См. также: Моцелков Е.Н. История философии права в университетском образовании России (XIX – начало XX в.). – М., 2011; Шамшурин В.И. Человек и государство в русской философии естественного права // Вопросы философии. – 1990. – №6. – С. 132-140; Шамшурин В.И. Консерватизм и свобода. – Краснодар, 2003. – С. 301-356.

³ На русский язык переведены: Мерриам Ч. Новые аспекты политики // Социально-политический журнал. – 1996. – №5; Лассуэлл Г. Как интегрировать науку, мораль и политику // Социально-политические науки. – 1990. – №11; Лассуэлл Г. Принцип тройного действия: ключ к анализу социальных процессов // Социологические исследования. – 1994. – №1; Оберемко О.А. Чикагская традиция и политическая наука Г. Лассуэлла // Социально-политические науки. – 1990. – №11; Самсонова Т.Н. Ч. Мерриам: у истоков создания «новой науки о политике» // Социально-политический журнал. – 1996. – №5; Бойцова О.Ю. Политическая наука в XX в.: общие характеристики и основные этапы становления // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. – 2001. – №1; Короткова Н.В. Разработка Г.Д. Лассуэллом методов политического психоанализа // Социально-политический журнал. – 1998. – №4; Короткова Н.В. Г.Д. Лассуэлл. Методология

формирования теоретико-методологических оснований сравнительного анализа политики имели системные представления о социально-политической реальности. Оставляя в стороне значительный по объёму массив литературы, посвящённый общей теории систем и эволюции взглядов на понятие «система»¹, мы акцентируем внимание на работах, заложивших основу развития теории политической системы. К их числу относятся теоретические разработки Т. Парсонса, Р. Мертона, Д. Истона, Г. Алмонда, К. Дойча².

Дальнейшее осмысление системные представления о политической жизни получают в рамках теории модернизации, в которой одна группа авторов исходит из того, что политическая система развивается либо однолинейно, либо с одинаковым результатом³, вторая группа исходит из посылки нелинейной эволюции с неодинаковыми результатами⁴. Особое значение приобретает также культурологический теоретико-методологический подход к исследованию и

исследования проблем политики // Политическая наука. – 2000. – №4; Аллюшин А.Л. Гарольд Лассуэлл о природе политической реальности // Политические исследования. – 2006. – №5.

¹ См., например: Бергаланфи К.Л. фон. История и статус общей теории систем // Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник. – М., 1973. – С. 20-37; Бергаланфи К.Л. фон. Общая теория систем – критический обзор // Исследования по общей теории систем. Сборник переводов. – М., 1969. – С. 23-82; Бергаланфи К.Л. фон. Общая теория систем – обзор проблем и результатов // Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник. – М., 1973. – С. 30-55; Рэдклифф-Браун А. Структура и функция в примитивном обществе. Очерки и лекции. – М., 2001; Малиновский Б. Научная теория культуры. – М., 2005; Шилз Э. Общество и общества: макросоциологический подход // Американская социология: перспективы, проблемы, методы. – М., 1972; Никишенков А.А. История британской социальной антропологии. – СПб., 2008; Блауберг И.В., Мирский Э.М., Садовский В.П. Системный подход и системный анализ // Системные исследования. – М., 1982. – С. 47-64; Блауберг И.В. Проблема целостности и системный подход. – М., 1997 и др.

² См.: Парсонс Т. Система современных обществ. – М., 1998; Парсонс Т. О социальных системах. – М., 2002; Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. – М., 2006; Easton D. The analysis of political structure. – N. Y., 1990; Истон Д. Категории системного анализа политики // Политология: хрестоматия. – М., 2000; Алмонд Г., Пауэлл Дж. Б., Стром К., Далтон Р. Сравнительная политология сегодня: мировой обзор. – М., 2002; Deutch K. The nervs of government: models of political communication and control. – N.Y., 1963.

³ См., например: Растоу Д. А. Переходы к демократии (попытка динамической модели) // Политические исследования. – 1996. – №5; Липсет С. Американская демократия в сравнительной перспективе // Современная сравнительная политология: хрестоматия. – М., 1997; Аптер Д. И. Сравнительная политология: вчера и сегодня // Политическая наука: новые направления. – М., 1999 и др.

⁴ См., например: Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века. – М., 2003; Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. – М., 2004; Алмонд Г., Пауэлл Дж. Б., Стром К., Далтон Р. Сравнительная политология сегодня: мировой обзор. – М., 2002 и др.

сравнению политических систем, изучающий «субъективную» сторону политики¹.

Критика системного и структурно-функционального подходов к сравнению политических систем образует иной взгляд и на его методологическую составляющую, призывая к возвращению сравнительных исследований политики в институциональную плоскость. Эти мысли находят отражение в статьях и монографиях Дж. Марча, Й. Ольсена, Т. Скочпол, Э. Остром, Д. Норта, М. Олсона, Дж. Бьюкенена, Г. Таллока² и др.

Во второй половине XX в. появляются работы, направленные на анализ методических проблем сравнительных исследований политики, отдельных уровней сравнений и их эвристического потенциала – например, труды Х. Алкера, П. Мэра, Р. Чилкота, М. Догана, Д. Пеласси, Ч. Рэйгина, Д. Берг-Шлоссера, Ж. де Мёра, Дж. Мангейма, Р. Рича, К. Ньютона, Дж. В. Ван Дета³ и др. Особое внимание уделяется глобальным сравнениям с применением

¹ См., например: Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура: политические установки и демократия в пяти странах. – М., 2014; Пай Л. Незападный политический процесс // Политическая наука. – 2003. – №2; Rosenbaum W. Political culture: basic concepts in political science. – N.Y., 1975; Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. – М., 1999; Чилкот Р. Теории политической культуры: индивид и борьба за коллективизм и нового человека // Чилкот Р. Теории сравнительной политологии. В поисках парадигмы. – М., 2001; Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: последовательность человеческого развития. – М., 2011; Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Политические исследования. – 1997. – №4.

² См., например: March J. G., Olsen J. P. Rediscovering institutions. – N.Y., 1989; March J.G., Olsen J.P. The new institutionalism: organizational factors in political life // American political science review. – Wash., D.C., 1984. – Vol. 78. – №3; Downs A. An economic theory of democracy. – N.Y., 1957; Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. – М., 1997; Норт Д. Понимание процесса экономических изменений. – М., 2010; Бьюкенен Дж. Сочинения. – М., 1997. – Т. 1; Вейнгаст Б. Политические институты с позиций концепции рационального выбора; Гофман Б. Теория Даунса и перспективы развития политэкономии // Политическая наука: новые направления. – М., 1999.

³ См.: Алкер Х. Политическая методология: вчера и сегодня, Мэр П. Сравнительная политология: общие проблемы; Рэйгин Ч., Берг-Шлоссер Д., де Мёр Ж. Политическая методология: качественные методы // Политическая наука: новые направления. – М., 1999; Доган М., Пеласси Д. Сравнительная политическая социология. – М., 1994; Рэйгин Ч. Особенности компаративистики // Современная сравнительная политология: хрестоматия. – М., 1997; Мангейм Дж., Рич Р. Методы политических исследований. – М., 1997; Newton K., Van Deth J. W. Foundation of comparative politics. Democracies of the modern world. – Cambridge, 2010.

индексного метода¹. На настоящий момент основные методологические проблемы сравнений в политологии, предметная определённость компаративистики остаются в поле оживлённых дискуссий.

В современной российской политической науке проблематика сравнительного анализа политических систем получает представление в первую очередь в формате учебных пособий². Учебные курсы по сравнительной политологии читаются на факультетах российских университетов, готовящих политологов, уже более пятнадцати лет, однако до сих пор в столичных вузах имеется только три вузовских кафедры сравнительной политологии³. Среди комплексных политических исследований, реализованных российскими компаративистами, следует выделить проект «Политический атлас современности: опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств»⁴, выполненный авторским коллективом под руководством А.Ю. Мельвиля. Кроме того, имеются работы по сравнительному изучению государственных институтов, кросснациональному и кросстемпоральному анализу влияния политико-культурных различий на

¹ См., например: Bollen K.A. Liberal Democracy: validity and method factors in cross-national measures // *American Journal of Political Science*. – 1993. – №37(4); Vanhanen T. The emergence of democracy: a comparative study of 119 states, 1850-1979. – Helsinki, 1984; Vanhanen T. The process of democratization: a comparative study of 147 states, 1980-1988. – N.Y., 1990; Vanhanen T. Prospects of democracy: a study of 172 countries. – N.Y., 1997; Доннер С., Хартман Х. Индекс трансформации: введение // *Свободная мысль*. – 2010 – №7.

² См.: Голосов Г.В. Сравнительная политология. – СПб., 2001; Сморгунов Л.В. Современная сравнительная политология. – М., 2002 (2012); Демчук А.Л. Лекции по сравнительной политологии. – М., 2007; Желтов В.В. Сравнительная политология. – М., 2008; Василенко И.А. Сравнительная политология. – М., 2009 (2015); Зазнаев О.И. Основы сравнительной политологии. – Казань, 2009; Ачкасов В.А. Сравнительная политология. – М., 2011; Гаджиев К.С. Сравнительная политология. – М., 2012; Михайлова О.В. Сравнительная политология. – М., 2015; Яшкова Т.А. Сравнительная политология. – М., 2015; Сравнительная политология / Под ред. Гаман-Голутвиной О.В. – М., 2015.

³ На настоящий момент кафедры сравнительной политологии открыты в Московском государственном институте международных отношений при Министерстве иностранных дел РФ (МГИМО МИД), в Московском государственном университете (МГУ) имени М.В. Ломоносова, в Российском университете дружбы народов (РУДН).

⁴ См: Политический атлас современности: опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств. Рук. авт. колл. Мельвиль А.Ю. – М., 2007.

политические процессы, а также по сравнительному контексту режимных изменений, консолидации демократии и её измерения¹.

Эвристические возможности сравнительного анализа политических систем рассматриваются российскими политологами по большей части в двух плоскостях: теоретические основания сравнений (Ю.М. Баскакова, В.В. Желтов, М.В. Ильин, А.А. Казанцев, М.М. Лебедева, Т.Н. Митрохина, М.М. Смирнов, Л.В. Сморгунов, О.Ф. Шабров и др.)², и их методологический потенциал (Л.В. Сморгунов, Н.С. Федоркин, А.Ю. Мельвиль, М.Г. Миронюк,

¹ См., например: Баталов Э.Я. Политическая культура современного американского общества. – М. – 1990; Политическая культура: теория и национальные модели / Отв. ред. Гаджиев К.С. – М., 1994; Пивоваров Ю.С. Политическая культура: методологический очерк. – М., 1996; Рукавишников В.О., Халман Л., Эстер П. Политическая культура и социальные изменения: международные сравнения. – М., 1998; Фарукшин М.Х. Современный федерализм: российский и зарубежный опыт. – Казань, 1998; Рукавишников В.О. Качество российской демократии в сравнительном измерении // Социологические исследования. – 2003. – №5; Линецкий А.В. Российские институты политического представительства в условиях радикальных общественных трансформаций. Опыт сравнительного анализа. – СПб., 2008; Перегудов С.П. Политическая система России в мировом контексте: институты и механизмы взаимодействия. – М., 2011; Мельвиль А.Ю., Стукал Д.К. Условия демократии и пределы демократизации. Факторы режимных изменений в посткоммунистических странах: опыт сравнительного и многомерного статистического анализа // Политические исследования. – 2011. – №3.

² См.: Баскакова Ю.М. Некоторые возможности применения системного подхода в сравнительных исследованиях // V Всероссийский конгресс политологов: сборник тезисов. – М., 2009; Желтов В.В. Сравнительный метод в политологии. – Кемерово, 2008; Ильин М.В. Основные методологические проблемы сравнительной политологии // Политические исследования. – 2001. – №6; Ильин М.В. Сравнительная политология: научная компаративистика в системе политического знания // Политические исследования. – 2001. – №4; Казанцев А.А. Политическая наука: проблема методологической рефлексии // Политические исследования. – 2001. – №6; Лебедева М.М., Мельвиль А.Ю. Сравнительная политология, мировая политика, международные отношения: развитие предметных областей // Политические исследования. – 1999. – №4; Митрохина Т.Н. Методология политической компаративистики. – Саратов. – 2008; Смирнов М.М. Теоретико-методологические истоки теорий системного структурно-функционального анализа // Социология власти. – 2010. – №1; Смирнов М.М. Неосистемная политология: поздний системный структурный функционализм // Научные ведомости БелГУ. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. – 2010; Сморгунов Л.В. Проблема методологического синтеза в современной сравнительной политологии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. – 2011. – Вып. 1; Сморгунов Л.В. Сравнительная политология в поисках новых методологических ориентаций: значат ли что-либо идеи для объяснения политики? // Политические исследования. – 2009. – №1; Шабров О.Ф. Системный подход и моделирование: общие принципы и специфика применения в политической сфере // Моделирование в социально-политической сфере. – 2007. – №1.

О.В. Гаман-Голутвина и др.)¹. К примеру, в трудах Л.В. Сморгунова анализируются не только применяемые методологические подходы, но и те, которые только формируются. Разработка строгой методологии остаётся актуальной задачей и для российских компаративистов.

Различные аспекты рассматриваемой темы стали предметом диссертационных исследований². В них проблема методологии сравнения политических систем рассматривается лишь как составляющая основной темы, связанной с изучением российской политической системы в сравнительной перспективе. Несмотря на все возрастающий интерес к сравнительному анализу политических систем, приходится констатировать, теоретико-методологические аспекты данной проблематики изучены недостаточно полно.

Цель и задачи исследования. Целью диссертационной работы является определение теоретических и методологических оснований сравнительного анализа политических систем как метода познания политической реальности. Достижение поставленной цели сопряжено с решением ряда **исследовательских задач**, главными из которых являются:

- выявление и анализ этапов формирования методологии сравнений политических систем;
- исследование основных концептуальных подходов к изучению и сравнению политических систем;

¹ См., например: Сморгунов Л.В. Событийное политическое знание и его значение для сравнительной политологии // Политические исследования. – 2011. – №1; Федоркин Н.С. Методологический потенциал сравнительных исследований политических систем // Пространство и время. – 2013. – №3; Мельвиль А.Ю. Опыт теоретико-методологического синтеза структурного и процедурного подходов к демократическим транзитам // Политические исследования. – 1998. – №2; Миронюк М.Г., Тимофеев И.Н., Ваславский Я.И. Универсальные сравнения с использованием количественных методов анализа (обзор прецедентов) // Политические исследования. – 2006. – №5; Мельвиль А.Ю. Как измерять и сравнивать уровни демократического развития в разных странах? (По материалам исследовательского проекта «Политический атлас современности»). – М. – 2008.

² См., например: Митрохина Т.Н. Методология сравнительного изучения политики: автореф. дисс. док-ра полит. наук. – Саратов, 2005; Смирнов М.М. Контент-системный подход в политическом моделировании: автореф. дисс. док-ра. полит. наук. – М., 2013.

- анализ специфики сравнительных исследований политических систем на различных уровнях: глобальном, бинарном и сравнительно-ориентированном изучении случая;
- определение эвристических возможностей сравнительного анализа политических систем.

Научная новизна диссертационной работы. Теоретические выводы, полученные в результате исследования, обладают определёнными элементами новизны. В ходе анализа содержания темы:

- на основе авторского анализа выявлено содержание основных этапов формирования методологии сравнений политических систем;
- показано, что на современном этапе сравнение политических систем как исследовательская стратегия характеризуется плюрализмом методологии, при котором ни один из теоретико-методологических подходов не может претендовать на исключительность или универсальность;
- выявлена специфика сравнительного анализа политических систем на трёх уровнях, наиболее часто практикуемых в научных дискуссиях – глобальных сравнений, бинарных сравнений, а также сравнительно-ориентированных изучений случаев с точки зрения соотношения в них теоретических, методологических и эмпирических аспектов политики;
- установлено, что ограничения в использовании сравнительного подхода связаны с рядом проблем, требующих решения, в частности, таких, как определение объектной области сравнения, отбор объяснительных переменных и интерпретация результатов, а также особенности самой процедуры сравнения.

Положения, выносимые на защиту:

1) Методология сравнительного анализа политических систем прошла в развитии три качественных этапа: 1) изучение содержания конституционно-правовых норм методом описания (конец XIX – середина XX веков); 2) анализ политических систем, рассматриваемых в категориях ролей, структур и функций методами, разработанными в период бихевиоральной революции 1950-1960 гг. XX века; 3) переход на микроуровень – уровень политических

институтов в 1970-х гг., которые понимаются как «ограничительные рамки» политических взаимоотношений. На всех этапах проблема метода сохраняет основополагающее значение.

2) Сегодня сравнительные исследования как научная стратегия опираются на обширный методологический и методический инструментарий и устойчивую концептуальную основу. Преобладающие структурно-функциональные (макро-) и неоинституциональные (микро-) теоретико-методологические ориентации не могут быть чётко отделены друг друга ни на уровне метода, ни на уровне теории, что свидетельствует о методологическом плюрализме, при котором ни один из теоретико-методологических подходов не является доминирующим. Методологические подходы выступают как взаимодополняющие, оставляя за исследователем возможность выбора соответствующей его целям теоретико-методологической концепции.

3) Методология сравнительного анализа политических систем характеризуется многообразием уровней сравнения, каждый из которых имеет свои методические особенности, ограничивающие область их применения. Глобальные сравнения, имея статистический характер и сочетая качественную и количественную методологию, демонстрируют высокую эффективность при применении индексного метода. В общем, они нацелены на сопоставление не только похожих, но и радикально различающихся систем. Бинарные сравнения отличаются ориентацией на сопоставление относительно похожих политических систем с применением метода описания. Сравнительно-ориентированные исследования случая имеют отличительную особенность в том, что в них сравнительная перспектива не является самоцелью исследователя, а выступает как методологический инструмент, повышающий объективность и надёжность результатов исследования.

4) Развитие метода сравнения политических систем и его познавательного потенциала определяется через возможности решения следующих проблем: 1) состоятельность макросравнений политических систем и определения объектной области сравнительного исследования политических систем; 2)

проблема «мало случаев, много переменных»; 3) интерпретация результатов исследования (интерсубъективность и ценностная нейтральность исследователя); 4) строгие процедурные стандарты сравнительных исследований политики; 5) концептуальная эквивалентность и универсальность аналитических категорий; 6) соотношение качественных и количественных ориентаций в исследовании и допустимость количественного измерения характеристик политической системы (проблема измерения); 7) возможность рассмотрения национальных политических систем как самостоятельных единиц исследования (проблема Гэлтона); 8) индуктивная (или дедуктивная) ориентация сравнений политических систем. Несмотря на перечисленные проблемы, эвристический потенциал сравнительного метода в исследованиях политических систем остаётся высоким, прежде всего потому, что получаемые объяснения результатов сравнений носят вероятностный характер.

Теоретической и методологической основой исследования являются труды зарубежных и отечественных авторов, посвящённые различным аспектам проблематики сравнительного анализа политических систем, его теоретических и методологических оснований, объектной и предметной области, эвристическим возможностям и методическим проблемам. Теоретической основой диссертационного исследования можно считать теорию политической системы.

Методологическую основу исследования составляет совокупность существующих научных подходов к изучению и сравнению политических систем. В диссертации используются подходы системного, структурно-функционального и неоинституционального анализа. Специфика темы исследования потребовала использования сравнительного метода как общенаучного способа выявления сходств и различий между явлениями и процессами.

Теоретическая и практическая значимость диссертационного исследования определяется тем, что содержащиеся в ней основные положения и выводы уточняют и расширяют сферу научных представлений о сравнении

политических систем как исследовательской стратегии. Материалы исследования могут найти применение при подготовке лекций и специальных курсов по проблемам политологии и сравнительной политологии, политической социологии и методологии политических исследований. Результаты исследования могут быть использованы в дальнейшей научно-исследовательской работе по изучению методологических и методических аспектов сравнительного анализа политических систем с учётом многообразия уровней сравнений.

Апробация результатов исследования. Диссертация была обсуждена, одобрена и рекомендована к постановке на защиту на заседании кафедры философии политики и права философского факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Основные идеи и положения диссертации были отражены в выступлениях автора на конференциях: Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов» (Москва, 2011-2013), Международная научная конференция «Сорокинские чтения» (Москва, 2011), II Международная заочная научно-практическая конференция «Современные аспекты общественно-политического развития России и стран мира» (Краснодар, 2012), IV Всероссийская научная конференция «Россия 2030 глазами молодых учёных» (Москва, 2012). Автором опубликовано пять печатных работ в рецензируемых научных журналах «Социология: журнал Российской социологической ассоциации», «Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение», «Теория и практика общественного развития», рекомендованных ВАК РФ для публикации основных научных результатов диссертаций на соискание учёной степени доктора и кандидата наук. Общий объём публикаций автора составил 3,95 печатных листа.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, двух глав, в которые входит шесть параграфов, заключения и библиографии.

Глава I Политическая система как объект сравнительного анализа

1.1 Эволюция методологии сравнительного анализа политических систем: основные этапы и их содержание

В современной политологии сравнительный метод выступает как особая форма исследования, имеющая собственное методологическое основание, средства и приёмы изучения сходств и различий между сопоставляемыми объектами, в качестве которых выступают, как правило, политические системы. С помощью сравнительного метода в науке и политической практике может быть решён ряд задач – от обогащения теоретического знания до повышения эффективности конкретных политических решений, поскольку сравнение даёт возможность увидеть то, что остаётся «невидимым» вне контекста сопоставления. И чем более широкой является область задач, решаемых тем или иным научным методом или подходом, тем более значимыми становятся вопросы их методологической сущности. Иначе говоря, несмотря на то, что методологическое основание сравнений в политологии кажется сформированным и устоявшимся, мы не можем говорить, что оно не содержит определённого рода противоречий и дискуссионных вопросов, которые не требовали бы отдельного научного анализа. Более того, в случае сравнений, противоречия имеют достаточно глубокие «исторические корни», в том смысле, что именно в сравнительной политологии получили развитие те тенденции и процессы, которые наметились в политической науке еще на рубеже XIX-XX веков. Рассмотрим их более подробно.

Элементы сравнительного анализа опираются на длительную традицию политической мысли, и имели своё применение ещё в начальный классический период существования политического знания. По выражению индийского политолога П. Шарана этот отрезок в развитии сравнительных исследований следует назвать «простейшим»¹, – от античности до конца XIX столетия. Вклад классиков философской и социально-политической мысли в развитие

¹ Цит. по: Ачкасов В.А. Сравнительная политология. – М., 2011. – С. 11.

политической компаративистики и сравнительного метода не подлежит сомнению. Вместе с тем представляется справедливым мнение о том, что становление сравнительной политологии как самостоятельной субдисциплины следует рассматривать именно с конца XIX в. – момента завершения «простейшего» периода в терминологии П. Шарана. В это время в научном познании в целом – в естественных, точных и социогуманитарных отраслях, – происходят качественные изменения, осмысление их выливается в ряд теоретико-методологических дискуссий, общей темой которых в отношении политического знания были вопросы определения его предмета и принципов познания политической жизни. А в качестве критерия, определяющего специфику политической науки и знания, выделяется метод как совокупность приёмов и действий познавательной деятельности.

В более широком ракурсе на методе как инструменте демаркации естественных и социальных научных направлений настаивали неокантианцы, прежде всего, в лице В. Виндельбанда и Г. Риккерта, идеи которых обладали большим влиянием в европейских университетах. В частности, Г. Риккерт полагал, что следует выделить два типа наук – о природе, применяющих «обобщающий» метод восхождения от единичных явлений к общим понятиям, и о культуре, опирающихся на «индивидуализирующий» метод, ориентированный на познание уникальных и неповторимых явлений. «Это различие даёт нам искомый формальный принцип деления наук, – писал он, – и тот, кто наукознанию хочет придать действительно логический характер, должен будет основываться на этом формальном отличии»¹. М. Вебер также говорил о том, что «науки о природе» следует отличать от «наук о культуре» в первую очередь в силу того, что они имеют дело с «немотивированными явлениями и событиями».

Расхождения по вопросам метода логично порождают дискуссии и о сравнительном методе, который всё больше и больше привлекал внимание политологов конца XIX века. Так, возникающая в 80-е годы XIX в. в

¹ Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. – М., 1998. – С. 75.

Соединённых Штатах Америки политическая наука как автономная дисциплина характеризовалась практически полным соответствием процесса функционирования политической системы (само это понятие ещё не было введено в научный оборот) и содержания конституционно-правовых норм. Обращаясь к периодизации становления западной политологии Д. Истона, выделившего в ней четыре основных этапа – формальный (правовой), традиционный (неформальный или добихевиоралистский), бихевиоралистский и потсбихевиоралистский – отмечаем, что вопрос о сравнительном методе в политической науке на рубеже веков ещё не был столь актуален, поскольку ограничивался рамками сравнительно-правового и сравнительно-исторического анализа¹. Вместе с тем уже в первой четверти XX в. сравнительная политология как самостоятельная ветвь исследования политики начинает своё обособление².

На этом этапе было бы более правомерно говорить об оформлении субдисциплины «сравнительное правление», одним из наиболее известных представителей которой является Э. Фримен. Он ещё в 1873 г. в Оксфордском университете читает курс лекций «Сравнительное изучение политических институтов и форм правления», в котором в качестве предмета политической науки обозначает сравнение государственного устройства стран «в высшей степени удалённых друг от друга». Методом сопоставления Э. Фримен объявляет установление сущностных аналогий, предполагающее высокий уровень теоретического и практического обобщения различного рода фактов и норм³. Необходимо также отметить, что вопросам методологии в государствоведческих науках посвящено большое количество работ и среди отечественных мыслителей. Так, например, В.И. Сергеевич отмечает, что сравнительный метод создает научную основу исследования социально-

¹ Замечаем, что в предмет диссертационного исследования не входит дескриптивный анализ каждого из этапов, изучение которых (в большей или меньшей степени) является необходимым постольку, поскольку оно имеет отношение к формированию и развитию методологии сравнительного анализа политических систем.

² См.: Blondel J. Then and now: comparative politics // *Political studies*. – 1999. – Vol. 47. – №1. – P. 155.

³ См.: Freeman E. *Comparative politics*. – L. – 1873. – P. 19.

политической реальности, «поскольку позволяет установить повторяющиеся, закономерные связи между явлениями и фактами истории».¹ М.М. Ковалевский уточняет, что данный метод правильнее назвать «сравнительно-исторический», он позволяет исследовать эволюцию политико-государственных институтов и отношений в истории одного народа. Однако так как всякий народ включает «этнографическое смешение» с другими, выводы из подобного анализа, не только показывают, как одна ступень развития в рамках одного народа сменяет другую, но и получают «всемирно-исторический масштаб», обретая эвристическую функцию.²

Впрочем, в большинстве случаев при сравнении государственных институтов и конституционных норм реальная политическая практика фактически выпадает из рамок научного поиска. По этой причине политическая наука *формального этапа*, понимаемая как исторически ориентированная «политическая философия», ещё не соответствовала современному качественному пониманию объектно-предметной области этой отрасли знания. Приоритеты исследователей начинают трансформироваться лишь к концу XIX – началу XX в.: во многом благодаря трудам таких учёных, как В. Парето, Г. Моска, Р. Михельс, П. Херринг, М.Я. Острогорский, А. Бентли и др. в поле зрения политологии попадают такие структуры, как политические элиты, политические партии и заинтересованные группы. Так, Г. Моска, вслед за представителями неокантианства, отстаивая идею о методологической автономности элементов политического пространства, полагал, что предметом политической науки служит не государство как юридический институт, а система власти, её устройство и её носители – правящий класс.³ В результате этих открытий к первой половине XX в. развитие политологии вступило в новый этап – *традиционный*, где помимо описания политических процессов,

¹ Цит. по: Мощелков Е.Н. История философии права в университетском образовании России (XIX – начало XX в.). – М., 2011. – С. 118.

² Там же. – С. 118-119.

³ См.: Бойцова О.Ю. Становление политической науки и теоретико-методологические дискуссии конца XIX – начала XX вв. // SCHOLA-2007: сборник научных статей философского факультета МГУ. – М., 2007. – С. 114.

работа была направлена на сбор эмпирической информации через «исследование случая» (case study) нескольких ведущих на тот момент времени стран – США, Великобритании, Германии, Франции, России.

Основная проблема, с которой не справлялись политическая философия и политическая теория того времени, – концептуализация (частичная или полная) политической науки, что также позволяет сделать вывод о том, что она к началу 1930-х гг. впадает в *методологический кризис*. Политология не может ответить на вопросы о том, «что и как происходит; почему данные факты действительности существуют и почему обладают такими, а не иными свойствами; а также какой будет политическая действительность в будущем, и когда наступят определённые события?»¹. Кроме того, не выполняя фундаментальные (дескриптивную, объяснительную и прогностическую) функции, политическая наука не решила и проблему метода познания политической жизни. «Специализированные методики сбора и анализа данных использовались крайне мало, – пишет Д. Истон, – а собирать и анализировать информацию мог любой. В результате отсутствовали какие-либо формальные приёмы проверки достоверности собранной информации, а также оценки, основанных на такой информации интерпретаций»². Так, уже к началу 1950-х гг. политическая наука фактически «утонула в эмпиризме». Теоретическая рассогласованность традиционной политологии дополнялась игнорированием вопроса «ценностной нейтральности» и степени профессионализма исследователей политики.

Для решения этих проблем необходимо было, прежде всего, внести в накопленный массив эмпирических данных конституирующие теоретические концепты. Впрочем реальная исследовательская практика политологов того времени в большинстве своём была подкреплена определёнными теоретическими постулатами: во многом они неосознанно транслировали мысль о том, что политический процесс – это огромный механизм принятия

¹ См.: Алексеева Т.А. Современные политические теории. Опыт Запада. – М., 2000. – С. 9-22.

² Истон Д. Политическая наука в Соединённых Штатах: прошлое и настоящее // Современная сравнительная политология: хрестоматия. – М., 1997. – С. 12.

решений», а решения есть следствие «параллелограмма сил» – воздействия многообразных общественных групп¹. Это даёт основание полагать, что представители «традиционной политологии «объективно создавали среду и почву для качественного прогресса в изучении политического знания, мотивируя на создание «оптимистических» политических теорий»². При этом наибольшую популярность в период между двумя мировыми войнами имели не «оптимистические» теории, а, напротив, концепции кризиса и «заката» Запада. К числу работ, стоявших на позициях цикличности и круговорота в развитии общества, отрицая возможности прогресса, относятся такие известные труды, как «Закат Европы» (2 тома, 1918, 1922) О. Шпенглера, «Постижение истории» (первые 11 томов вышли в 1934) А. Тойнби, «Социальная и культурная динамика. Исследование смены основных систем искусства, знания, этики, права и социальных отношений» (4 тома, 1937-1941) П. Сорокина, позднее «Смысл и назначение истории» (1949) К. Ясперса.

Далее в преодолении кризисного состояния и развитии «качественного прорыва» в политологии особую роль сыграл *период межвоенных десятилетий* – «переходный мостик» среди различных представлений о предмете и методе политической науки. Чикагская школа политологии, её основатель – Ч. Мерриам, не возлагая больших надежд на «формально-институциональный» подход в изучении политики, впервые обосновывает «необходимость переработки методов политического исследования и создания новой науки о политике, ориентированной на изучение реальной действительности»³. Новая наука о политике должна опираться на точные эмпирические исследования и их убедительные результаты. Реализуя поставленную задачу, представители Чикагской школы не только разрабатывают специализированные программы исследований и первые учебные курсы, уделяющие «существенное внимание

¹ Истон Д. Указ. соч. – С. 11.

² Федоркин Н.С. Методологический потенциал сравнительных исследований политических систем // Пространство и время. – 2013. – №3(13). – С. 37.

³ Самсонова Т.Н. Ч. Мерриам: у истоков создания «новой науки о политике» // Социально-политический журнал. – 1996. – №5. – С. 158.

психологической и социологической интерпретациям политики»¹, но и впервые предпринимают выявление предпочтений порядка шести тысяч избирателей в 1923 году, на выборах мэра города Чикаго. Кроме того, Г. Лассуэллом выдвигается идея о создании интегральной теории политической науки, ориентированной, прежде всего, на изучение демократии. Он полагал, что для получения полной картины формирования и распределения власти в обществе необходимо учитывать «специфику социального контекста». А для этого изучать деятельность, связанную с принятием решений, с помощью методов, созданных другими науками². Ориентация на социальный контекст, по сути, и представляет собой «системный» взгляд на политику, в развитии которого политическая наука начинает акцентировать внимание не только на исследовании демократии, но и власти. «Когда мы говорим о политической науке, – писал он, – мы имеем в виду науку о власти»³.

Предметную область политической науки вынуждает меняться и сама политическая реальность, поскольку за практическим распространением демократической идеи последовали такие события, как появление всеобщего права голоса, институционализация большого количества политических партий и общественных объединений, политическое «возвышение» средств массовой информации, включение масс в число активных участников политического процесса. Центром объектно-предметной области политологии становится поведение индивидов в политической ситуации. Неслучайно именно к середине XX века со стороны научного политологического сообщества обретает должный уровень интереса работа А. Бентли «Процесс правления: исследование общественных давлений». Произошло это в 1949 году, в то время как первое издание книги датируется 1908 годом. Немаловажную роль сыграли и изменения в мироустройстве после второй мировой войны: если в 1945 г. в

¹ Алмонд Г. Политическая наука: история дисциплины // Политическая наука: новые направления. – М., 1999. – С. 69.

² См.: Короткова Н.В. Г.Д. Лассуэлл. Методология исследования проблем политики // Политическая наука. – 2000. – №4. – С. 174-175.

³ Lasswell H.D. Language of politics: studies in quantitative semantics. – Cambridge, 1949. – P. 8.

мире существовало 68 независимых государств, то в ходе последующей деколонизации к ним прибавилось ещё почти 100 новых стран. Эти процессы, и появившиеся в результате новые государственные образования, становившиеся самостоятельными участниками мировой политики, с необходимостью требовали создания новой исследовательской модели, пригодной для объяснения и прогнозирования развития социально-политических и иных процессов в этих странах, а также выявления общего и особенного в развитии «старого света» и новых государственных образований. Термин «государство» как универсальный политический институт с традиционно сформировавшимися признаками уже не вмещал в себя все многообразные «параметры» разнородных политических процессов «старых» и «новых» стран¹.

С научной точки зрения главным событием, на фоне которого политическая наука вступает в очередной этап своего развития, является бихевиоралистская (поведенческая) революция, расцвет которой пришёлся на 50-60-е годы XX в. – «*бихевиоралистский*» («*бихевиористский*») этап в развитии западной политологии. Появление же бихевиорализма², как исследовательского подхода в западной научной мысли относится к периоду межвоенных десятилетий – 20-м годам XX века. А чуть ранее была опубликована статья американского психолога Дж. Уотсона «Психология с точки зрения бихевиориста» (1913), в которой изложены представления о том, при каких обстоятельствах в строгом смысле слова психологию можно считать наукой. Согласно мнению Дж. Уотсона таким условием является объективный подход к изучаемым явлениям³. В политическую науку термин «бихевиорализм» был введён группой учёных Чикагской школы, в работах

¹ См.: Федоркин Н.С. Указ. соч. – С. 38.

² Замечаем, что в зарубежной специализированной литературе распространено употребление термина «бихевиорализм», изначально созданного для обозначения его принадлежности к сфере политических исследований в отличие от бихевиоризма в психологии. В диссертационной работе в дальнейшем категории «бихевиоризм», «политический бихевиоризм» и «бихевиорализм» будут применяться как синонимы, имеющие отношение к сфере политического.

³ См. подробнее о психологических основаниях бихевиоризма: Ирхин Ю.В. Достижения и ограничения бихевиоризма и постбихевиоризма // Социально-гуманитарные знания. – 2009. – №1. – С. 95-97.

которых были заложены основы формирования метода «бихевиорального анализа». Он сочетает позитивистский подход и посылку о «единообразии, повторяемости и исчисляемости элементов, составляющих в совокупности политические феномены»¹. Таким образом, именно бихевиоральная революция, являясь, по сути, закономерной реакцией на назревший методологический кризис в политической науке, акцентирует внимание на вопросах методов исследований, поставив на повестку дня проблему научности политологии. По выражению С. Вербы, этот период можно назвать «революционным» для науки о политике, поскольку специалисты стали видеть «за одним фактом сравнение многих фактов; видеть за формальными институтами управления политические процессы и политические функции; и видеть за странами Западной Европы новые государства Азии, Африки и Латинской Америки»².

Сторонники политического бихевиоризма ставили перед политической наукой смелые и масштабные задачи, которые нашли своё воплощение в методологических (процедурных) основаниях бихевиоралистской программы, квинтэссенция которой может быть выражена в ряде общих принципов и положений. Во-первых, проявление единообразия в политическом поведении должно быть выражено в виде верифицируемых (проверяемых) обобщений (теории). Во-вторых, исследователю необходимо стремиться к применению более строгих методов сбора и анализа данных, которые должны быть квантифицируемы (измеряемы). В-третьих, ученый должен проводить разграничение между ценностями, относящимися к суждениям этического характера и суждениям, эмпирически доказуемым. В-четвёртых, «чистая теория» как отличная от прикладных исследований должна и может играть самостоятельную роль в решении общественных проблем, а политические исследования должны быть систематизированы и интегрированы с изысканиями, проводимыми в рамках других социальных наук³. Из этого

¹ Гаджиев К.С. Сравнительная политология. – М. – 2012. – С. 65.

² Verba S. Some dilemmas in comparative research // World politics: a quarterly journal of international relations. – 1967. – Vol. 20. – №1. – P. 111.

³ См.: Истон Д. Указ. соч. – С. 14-15.

следует, что методологическая основа политического бихевиоризма имеет выраженную сциентистскую ориентацию и может быть оформлена в виде более простой формулы – синтез опыта и теории.

Новизна методологии политического бихевиоризма должна быть обозначена как минимум на трёх уровнях: общефилософском, конкретно-научном и эмпирическом. С общефилософской точки зрения, политический бихевиоризм опирается на позитивистские философские принципы, мало что к ним добавив, но приспособив их к целям и задачам политической науки, а впоследствии и сравнительной политологии. На конкретно-научном уровне бихевиорализм привнес в политологию ранее не применявшуюся совокупность правил и методов исследования политической жизни, базирующихся на принципе квантифицируемости и стремящихся к высокой познавательной эффективности. Эмпирическая сторона политического бихевиоризма раскрывается через принципы верифицируемости и достоверности (степени соответствия) конкретных исследований объективному характеру изучаемых политических сообществ. Это позволяет полагать, что в предметно-логической сфере политической науки появляется особое направление деятельности, ориентированное на «создание корпуса методологических принципов – от общих мировоззренческих установок до конкретных эмпирических методик»¹. Кроме того, как уже отмечалось ранее, особая роль в бихевиоральном подходе отводится теории, главной целью которой становится создание «сквозных обобщений, с помощью которых будут выведены эмпирические законы функционирования и эволюции политической структуры общества»².

Говоря же о практических последствиях бихевиоральной революции для американской политической науки, нельзя не отметить и то, что, в определённой мере её интеллектуальный потенциал увеличился в связи с притоком учёных из Европы в период второй мировой войны. А её исследовательские возможности возросли за счёт усиления финансирования со

¹ Никишенков А.А. История британской социальной антропологии. – М., 2000. – С. 175.

² Короткова Н.В. Указ. соч. – С. 158.

стороны правительства США, что также стимулировало рост специальных научных организаций: только за период между мировыми войнами в США было создано около 30 центров по изучению политики¹. Временной и пространственной точкой отсчёта существования *сравнительной политологии как автономной субдисциплины* со своей методологией и системой понятий является Эванстонский семинар в Северо-Западном университете США и последовавшее за ним заявление (1953), в котором американская политическая наука традиционного этапа объявлялась излишне описательной и несоответствующей реалиям политической жизни. В качестве выхода из создавшейся ситуации авторы заявления, идейным вдохновителем которого был Р. Макридис, провозгласили развитие научного сравнительного метода. В дальнейшем в становлении новой субдисциплины политической науки значительную роль играет также создание «Комитета по сравнительной политологии при Совете по обществоведческим исследованиям» (1954) под руководством Г. Алмонда, в рамках которого периодически организовывались крупные сравнительные политические исследования. «Новым явлением, – пишет А.А. Никишенков, – стала обстановка работы в рамках научной школы, которая по сравнению с предшествующим периодом приобрела гораздо более ярко выраженную форму замкнутого сообщества, состоящего из руководителя и его последователей»². Возникновение такого рода комитетов (иными словами научных школ, появившихся не только в политологии) качественно меняет процесс научной деятельности, делая его более продуктивным и рациональным.³

Таким образом, в контексте решения методологической программы бихевиорального подхода по созданию новой «большой» политической теории, в политологии формируются системный и структурно-функциональный

¹ См.: Дмитриев А.В. Политическая социология США. Очерки. – Л., 1971. – С. 7.

² Никишенков А.А. Указ. соч. – С. 176.

³ См. подробнее о формировании системных представлений в политологии: Гайдт А.Ю. Предпосылки становления теории политической системы в западной политической науке // Теория и практика общественного развития. – 2014. – №2. – С. 340-342.

подходы, в русле которых вызревает *теория политической системы*, а сравнительная политология окончательно утверждается в качестве автономной субдисциплины. Общий исходный тезис системных теорий базируется на предположении, что любое явление социальной действительности можно рассматривать как систему или системы – «абстракции реально существующего общества»¹. Тогда как предшествующие, «несистемные» средства анализа, напротив, определялись преимущественно через «разложение» изучаемого объекта на его части и качественное описание этих частей»².

Среди наук, изучающих общество, впервые теоретически и методологически обосновал фундаментальные постулаты системной теории Э. Дюркгейм, напрямую не относящийся к числу представителей этого подхода. Взгляд Э. Дюркгейма на общество можно назвать объективистским: особая сущность, независимая от отдельных индивидов и несводимая к простой совокупности своих частей – совокупность социальных фактов. «Социальные факты, – пишет он, – это способы мышления, деятельности и чувствования, находящиеся вне индивида и наделённые принудительной силой, вследствие которой они ему навязываются»³. Социальные факты нужно рассматривать как вещи, являющиеся внешними по отношению к индивиду и оказывающие на него принудительное воздействие. Ввиду чего объяснение социального порядка нужно искать в свойствах самого общества, а не индивидов, а главной целью анализа взаимосвязанных частей системы является изучение того, как они удовлетворяют потребности системы в целом. Оппонентом Э. Дюркгейма в отношении представлений о сущности общества является М. Вебер. Он, исходя из субъективистских позиций, предлагал в исследовании общества отталкиваться от понятия «общественно-ориентированных» (социальных) действий, которые всегда обладают субъективным смыслом и ориентированы на «Другого», то есть являются целерациональными. Такие действия – основа интеграции и координации (порядка) в обществе, и именно анализ

¹ Чилкот Р. Теории сравнительной политологии. В поисках парадигмы. – М., 2001. – С. 178.

² См.: Блауберг И.В. Проблема целостности и системный подход. – М., 1997. – С. 235.

³ Дюркгейм Э. Социология. Её предмет, метод, предназначение. – М., 1995. – С. 31.

целерациональных действий помогает «понять» функционирование социальной реальности. Социальное действие – основная методологическая категория М. Вебера, выражающая переход от внутренней приверженности традиционным нравам к планомерному приспособлению к соображениям интереса¹. Иными словами, Э. Дюркгейм и М. Вебер являются основателями двух базовых направлений изучения социальной реальности, сложившихся в социологической науке: социологических объективистских (макро-) и субъективистских (микро-) теорий, соответственно.

В дальнейшем, качественную разработку теория социальных систем получает в трудах Т. Парсонса и Р. Мертона, во многом благодаря именно их работам системный анализ проникает в политическую науку. Т. Парсонс, пытаясь преодолеть недостатки объективистского и субъективистского подходов к исследованию общества, предпринял попытку создать «большую» теорию, подходящую для анализа любых живых систем: от одноклеточного организма до человеческих цивилизаций. Фундаментальная категория его теории – волевое действие – выражает понимание поведения человека как мотивируемого и направляемого теми ценностями и нормами, которые он обнаруживает во внешнем мире, учитывая и реагируя на них. В структуре волевого действия можно обозначить следующие элементы: актер, цель и средства её достижения, а также ситуационные условия, нормы, ценности и идеи, оказывающие влияние на актора. Любое волевое действие одновременно представляет собой совокупность единичных действий и составную часть более широкой целостности – общества как «системы, образуемой состояниями и процессами социального взаимодействия между действующими субъектами»². Социальная система есть то, что связывает единичные действия между собой, иначе говоря, интегрирует их, а актер, де-факто, представляет собой «набор» статусов и ролей, где статус есть позиция актора по отношению к другим, а роль – это функция статуса, процессуальный аспект взаимодействия.

¹ См. подробнее об этом: Вебер М. О некоторых категориях понимающей социологии // Вебер М. Избранные произведения. – М., 1990. – С. 494-498.

² Парсонс Т. Система современных обществ. – М., 1998. – С. 17.

Т. Парсонсом также были обозначены функции, необходимые для существования любой системы: адаптация, целедостижение, легитимация (воспроизводство образца) и интеграция, где функция есть совокупность действий («наблюдаемых последствий»), направленных на удовлетворение потребностей системы.

Концепцию социальных систем Т. Парсонса можно рассматривать более подробно, но в контексте становления системного подхода в сравнительном анализе политики наиболее значимо, что в его системе социального действия «выделяются в качестве её компонентов как элементы устойчивости (структура), так и их роли, и значения (функции)»¹. А структуру социальных систем, по мысли Т. Парсонса, следует анализировать, «применяя четыре типа независимых переменных: ценности, нормы, коллективы и роли»². Его коллега Р. Мертон дополнил функциональную составляющую анализа социальных систем, утверждая, что исследование «явных» функций не является достаточным, поскольку нужно изучать также латентные (скрытые) функции и дисфункции. Основная эвристическая цель данного различения – возможность обнаружить, что «явно иррациональное поведение является временами позитивно функциональным для группы»³. В целом же идеи Т. Парсонса и Р. Мертона ориентировали последователей на то, что все субъективные события и поведенческие акты в обществе являются «объектами исследования не сами по себе, а в системе, характеристики которой придают этим действиям смысл и качество»⁴.

Первым применить выводы коллег-социологов по отношению к политической реальности пытается Д. Истон, с именем которого и связывается оформление в политической науке системного подхода. В 1953 г. он создаёт модель политической системы, которую рассматривает как совокупность

¹ Гончаров П.К. Политическая система российского общества: теория и практика постсоветского транзита. – М., 2008. – С. 32-33.

² Парсонс Т. Указ. соч. – С. 17.

³ Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. – М., 2006. – С. 162.

⁴ Смирнов М.М. Теоретико-методологические истоки теорий системного структурно-функционального анализа // Социология власти. – 2010. – №1. – С. 86.

взаимодействий субъектов политики, «посредством которых ценности авторитарным способом приносятся в общество»¹. Власть – свойство, отличающее политическую систему от всех прочих. Анализ политических систем Д. Истон предлагает проводить через исследование таких компонентов, как «вход», «конверсия», «выход» и «обратная связь», приобретающих вид стадий политического процесса. Вход – переменная, фиксирующая изменения в политической системе и окружающей её среде в виде политического давления – требований и поддержки. Конверсия – переменная, закрепляющая процесс преобразования требований в политические решения. Выход – переменная, определяющая порядок принятия и реализации решений. А обратная связь (feedback) – переменная, регистрирующая формирование новых требований к системе и изменений в отношениях поддержки (в сторону усиления или ослабления). В обобщении модель политической системы Д. Истона представляет собой объяснение политических процессов как непрерывного потока взаимосвязанного поведения индивидов.

Вслед за Д. Истоном, Г. Алмонд предпринимает попытку применить его схему анализа к национальным политическим системам. Организационно он имел важное преимущество, поскольку действовал в рамках упоминаемого выше Комитета по сравнительной политологии и выступал как руководитель коллектива специалистов, принадлежащих к «общей для них науке, занимающейся одними и теми же теоретическими проблемами, предоставляя им одну и ту же методологию исследования»². Г. Алмонд также рассматривает политическую систему одновременно как самореферентную, и как составляющую «глобальной» общественной системы, связанную с осуществлением монополии на легитимное физическое принуждение в рамках определённой территориальной организации. Руководствуясь базовыми постулатами и понятиями структурного функционализма Т. Парсонса и Р.

¹ Истон Д. Категории системного анализа политики // Политология: хрестоматия. – М., 2000. – С. 323.

² Мэр П. Сравнительная политология: общие проблемы // Политическая наука: новые направления. – М., 1999. – С. 312.

Мертон, он переносит их в политическую сферу, рассматриваемую как систему, состоящую из структур, ролей и функций, а не институтов и организаций, как было ранее. Структура в терминологии Г. Алмонда есть доступная наблюдению деятельность, формирующая политическую систему, или модель взаимодействия, определяемая через совокупность политических ролей. Политическая роль – «первичная системная единица»¹, конкретные действия людей, участвующих в политическом процессе. Политическая система также как и социальная, имеет ряд необходимых функциональных требований (функций), обеспечивающих её сохранение и развитие. Отсюда функция – любое действие («наблюдаемое последствие»), направленное на поддержание системы в устойчивом состоянии. Или же механизм, закономерность, с помощью которой устанавливается связь между структурами (элементами) системы. А поскольку в политической системе все внутренние межструктурные взаимодействия носят властный характер, то фактически мы имеем право замечать соотносимость понятий «функция» и «власть». Кроме того, функции есть константы политических систем, потому как структур в системе – всегда несколько, однако все они ориентированы на реализацию определённых постоянных функций.

Таким образом, для того чтобы анализировать (и *сравнивать*) национальные политические системы, необходимо сосредоточиться на их структурно-функциональной составляющей. Решая эту задачу, Г. Алмонд выделяет в политической системе три уровня её функционирования, описываемые в категориях возможностей и функций системы, и рассматриваемые им в двух вариантах типологий – 1950-1960 гг., и 1960-1970 гг.². Второй вариант, созданный в соавторстве с Дж. Б. Пауэллом, и сегодня выступает авторитетным аналитическим инструментом исследования и

¹ Камалов М.М. Системный структурный функционализм Габриэля Алмонда как методология сравнительного политического анализа // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. – 1997. – №6. – С. 71.

² См. подробнее об этом: Дегтярёв А.А. Основы политической теории. – М., 1998. – Гл. XIII-IX.

сравнения политических систем. В нём, первый уровень – системы в целом, описывает действия, происходящие, пользуясь терминологией Д. Истона, как на «входе», так и на «выходе» политической системы, и получает выражение через процессы социализации, рекрутирования и коммуникации, в совокупности обеспечивающие воспроизводство политических отношений. Второй уровень – политического процесса – преобразования системных «входов» (требований и поддержки) в системные «выходы» (в решения и действия). На данном уровне Г. Алмонд и Дж. Б. Пауэлл рассматривают пять функций преобразования – артикуляции и агрегирования политических интересов и предпочтений, определения и осуществления политического курса, а также контроля и арбитража за соблюдением норм и правил политических взаимодействий. Третий уровень – государственного управления (или политического курса), демонстрирует регулятивные, экстрактивные, дистрибутивные, реактивные и символические возможности «входа» и «выхода» политической системы. На этом уровне не только решаются задачи распоряжения системными (общественными) ресурсами, но и повышения легитимности системы, быстрого реагирования на внешние и внутренние изменения.

Данная функциональная матрица фактически становится теоретико-методологической основой новой субдисциплины – сравнительной политологии, а также понимается как общая теория, претендующая на роль «глобальной», поскольку содержит относительно строгую систему понятийного аппарата и принципов, «отвечающих особенностям этого вида знания, закономерности которого носят вероятностный характер и имеют относительно короткий период действия». В некотором смысле её можно представить даже своего рода «модернизированным эквивалентом искомой поведенческой революцией универсальной научной политической теории»¹. Однако данное видение было бы не полным, поскольку помимо структурно-функциональной составляющей анализа политических систем, не менее важное значение имеет и

¹ См.: Федоркин Н.С. Указ. соч. – С. 42.

его культурное наполнение. Впервые данный тезис Г. Алмонд сформулировал в своей статье «Сравнительные политические системы» в 1963 году. «Когда мы говорим о политической культуре общества, – пишет он в другой работе, – то подразумеваем политическую систему, как она интернализуется в когнитивных способностях, познаниях, ощущениях и оценках тех, кто его составляет»¹. Причём эти «ориентации на политические действия» относимы к системе в целом, её структурам и роли отдельного человека в ней. Ограничивая в целом политическую культуру сферой сознания, Г. Алмонд и его коллеги создали типологию культур, соответствующую различным уровням развития политической системы, обозначив приходскую, подданническую, активистскую и культуру гражданственности. Отношение к политической жизни в них варьируется от индифферентного и пассивно-подданнического до активного, а культура гражданственности включает характеристики всех типов, представляя собой «не просто переплетение, а баланс противоречий»².

Сегодня значение концепта «политическая культура» рассматривается как определяющее своеобразие национальных моделей политических систем, и часто служит инструментом глобальных сравнительных исследований, одна из главных целей которых – выявление связи между ценностными и поведенческими установками граждан и устойчивостью демократических процедур. Однако в развитии методологии сравнительного анализа не меньшее значение имеет и категория «политическая система». Объединяя данные постулаты, мы получим целостное представление, в котором политическая система предстаёт как состоящая из взаимодействующих между собой ролей, структур, функций и лежащей в их основе политической культуры. Иначе говоря, теория Г. Алмонда позволяет обозначить как минимум *два уровня анализа и сопоставления политических систем – институционально-процедурный (структурный)*, где единицей анализа являются роли и ролевые

¹ Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура: политические установки и демократия в пяти нациях. – М., 2014. – С. 29.

² Баталов Э.Я. Проблема демократии в американской политической мысли XX века (из истории политической философии современности). – М., 2010. – С. 195.

структуры, и *ценностно-поведенческий (культурный)*, в котором исследуются реальные индивиды с их типом ориентаций на политику. Новый импульс научному осмыслению системных и структурно-функциональных представлений о политической жизни дала разработка *теории модернизации*, формирование идей которой также началось в 1950-е прошлого столетия. Данный подход, становится, по сути, способом преодоления некоторых ограничений структурного функционализма Г. Алмонда – а именно, его статичности и этноцентризма. Теория модернизации, не став единой концепцией, определяется скорее как «мощное интеллектуальное движение, сконцентрированное во времени и (по крайней мере, на начальном этапе) в пространстве, ... мегапроект интеллектуальной элиты, частных благотворительных фондов и государственных структур США»¹. В ней модернизация трактуется как «вестернизация», считается, что запуск механизмов экономического роста естественным образом приведёт к внедрению политических институтов западного типа в странах Азии, Африки и Латинской Америки². Однако, в том числе и потому, что проверка данного тезиса на практике не всегда имела позитивный результат, поле критических замечаний в адрес структурного функционализма и основных методологических положений политического бихевиоризма ещё более расширяется, и на этом фоне сравнительная политология вступает в новый «*постбихевиоральный*» этап развития.

Хронологической точкой отсчёта периода постбихевиорализма можно считать «президентскую речь» Д. Истона на очередном съезде Американской ассоциации политической науки в 1969 г.³. Бихевиоральная основа структурного функционализма дистанцирует политологию от социально-

¹ Ефременко Д.В., Мелешкина Е.Ю. Теория модернизации о путях социально-экономического развития // Социологические исследования. – 2014. – №6. – С. 3-4.

² См.: Старостин Б.С. Проблема модернизации: история и современность // Модернизация и национальная культура: материалы теоретического семинара Международного фонда социально-экономических и политологических исследований (Горбачёв-Фонда). – М., 1995. – С. 11-12.

³ См.: Истон Д. Новая революция в политической науке // Социально-политический журнал. – 1993. – №8.

политической реальности, удаляет исследователей от изучения индивида, внутренних мотивов и механизмов его политического поведения, ориентируя на излишнее внимание к «внешнему контексту» (условиям), влияющим на поведение людей в политике. Практическая проверка методологических постулатов политического бихевиоризма, к тому моменту господствовавших в исследованиях политики уже более двадцати лет, показала, что политическая наука (в том числе и сравнительная политология) не может быть выстроена по «жёстко сциентистскому», естественнонаучному образцу, в ней невозможно сформировать «сквозные обобщения», претендующие на роль законов. На концептуальном уровне критика структурного функционализма получает выражение в статье Дж. Марча и Й. Ольсена «Новый институционализм: организационные факторы в политической жизни» (1984), в которой выделяется ряд черт, присущих теориям политики начала 1950-х гг. – периода «забвения институтов». Первая черта – контекстуализм – политика трактуется как зеркальное отражение контекста (внешнего окружения) – неотделимой части общества. Вторая характеристика – редукционизм – теории 1950-х годов отличаются стремлением к рассмотрению политических феноменов как общих последствий индивидуального поведения, а не организационных структур. Третья черта – утилитаризм – представители политического бихевиоризма полагают, что политические акторы руководствуются в первую очередь собственным интересом, а не приписываемыми обязанностями и долгом. Четвертая характеристика – функционализм – главная цель деятельности политических систем есть достижение равновесия (стабильности). Пятая черта – инструментализм – центральная проблема политической жизни, по мнению представителей системного подхода, – процесс принятия политических решений и распределения ресурсов¹.

¹ См.: Категории политической науки: очерки / Под ред. Фарукшина М.Х. – Казань, 2007. – С. 12.

Таким образом, накопившееся к концу 1960-х гг. «глубокое разочарование в итогах бихевиорализма»¹ привело к тому, что стали предприниматься попытки обращения к несистемным средствам анализа, связанным с институционализмом. И если в 1960-е гг. ещё сохраняется интерпретация политических институтов как нормативно-правовой основы политических явлений и процессов, то уже в середине 1980-х формируется «новый» институционализм, который, с одной стороны, продолжает традиции институционалистов первого поколения, с другой, – применяет достижения своих оппонентов – бихевиоралистов, представителей системного и структурно-функционального подходов. Теперь политические институты есть взаимосвязи формальных норм и неформальных правил игры – сложные организационные отношения, формы взаимодействий и сама общественная деятельность людей, обеспечивающая стабильность и воспроизводящая порядок в обществе. Методологически «новый» институционализм ориентируется на количественные методы, признаёт самостоятельное значение теории и акцентирует внимание на изучении результатов публичной политики, а не только внутриорганизационных процессов². Объективно, институциональному возрождению в сравнительных исследованиях политики в немалой степени способствовало появление в 1960-1970-х гг. авторитарно-бюрократических режимов в Африке и Латинской Америке. Стремление осмыслить происходящие в этих странах изменения, позволяют неоинституционализму не просто стать доминирующей теоретико-методологической парадигмой сравнительных политических исследований, но и получить развитие в отдельных направлениях (школах).

Представители *социологического направления неоинституционализма* – Дж. Марч и Й. Ольсен и их последователи – главной задачей нового подхода считали расширение автономной роли политических институтов в

¹ Истон Д. Политическая наука в Соединённых Штатах: прошлое и настоящее // Современная сравнительная политология: хрестоматия. – М., 1997. – С. 17-18.

² См.: Институциональная политология: современный институционализм и политическая трансформация России / Под ред. Патрушева С.В. – М., 2006. – С. 13-16.

исследованиях политики. Политические «институты, – пишут учёные, – это пути (способы), по которым политическое поведение глубоко внедряется в институциональную структуру правил, норм, ожиданий и традиций»¹. Такая трактовка института представляется несколько размытой, однако исходя из сочетания «правила поведения», замечаем, что они могут иметь как формальное, так и неформальное выражение, и способны изменяться в той мере, в какой меняется реальная политическая практика. Более того, динамичность является определяющим свойством института: если практика идёт вразрез с устоявшимися правилами, то вероятнее всего эти правила со временем утратят смысл и перестанут действовать. В целом же институты оказывают детерминирующее воздействие на поведение индивидов в политике, устанавливая рамки индивидуального выбора. В итоге, главная методологическая установка социологического направления неоинституционализма – исследование процесса «конструирования общественных норм в ходе социализации индивидов и формирования устойчивых идентификаций»².

Представители *экономического направления неоинституционализма* – Э. Остром, Д. Норт, М. Олсон, Д. Бьюкенен, Г. Таллок и др., – основываются на принципе «методологического индивидуализма», который получает воплощение в теории рационального (общественного или публичного) выбора. Методологический индивидуализм основывается на идее М. Вебера о первичности индивида над обществом и структурой. Так, в одной из самых цитируемых работ по теории общественного выбора «Расчёт согласия: логические основания конституционной демократии» (1962), в качестве «единственных субъектов, принимающих окончательные решения по поводу как коллективных, так и индивидуальных действий обозначены индивидуальные (частные) лица»³. Рассматривая индивида в центре всякой общественной организации, сторонники данной теории делают его

¹ March J. G., Olsen J. P. Rediscovering institutions. – N.Y., 1989. – P. 5.

² Сморгунов Л.В. Сравнительная политология. – СПб., 2012. – С. 71.

³ Цит. по: Миронюк М.Г. Мир политической науки. Книга 2. Персоналии. – М., 2005. – С. 71.

рациональным, всегда стремящимся максимизировать свою выгоду. Максимизация собственного интереса, в свою очередь, рассматривается как необходимое условие оптимизации социальных (экономических, политических в том числе) взаимодействий. При этом индивиды всегда осуществляют свой «рациональный выбор» в институциональных условиях, определяющих «взаимную зависимость выборов», которые также нельзя не принимать в расчёт, но следует рассматривать их как изменяющиеся. Индивиды, следуя своим интересам, скорее не приспосабливаются к институциональным условиям, а пытаются приспособить условия к своим целям и потребностям¹. В политической сфере теория рационального выбора получает особое воплощение в модели демократического электорального процесса Э. Даунса, согласно которой «всякий избиратель голосует за партию, которая, как он надеется, принесёт ему больше пользы, чем любая другая»². Таким образом, главная методологическая установка экономического направления неоинституционализма заключается в понимании института как «первоначального консенсуса», «правил игры» («ограничительных рамок»), придающих «определённую структуру человеческим взаимоотношениям»³ и определяющих условия рационального выбора взаимодействующих субъектов политики.

Теоретико-методологические установки неоинституционализма приводят к тому, что в 1980-е политологи уже не пытаются создать «большую» политическую теорию, а, напротив, фокусируются на многочисленных исследованиях среднего уровня, каждое из которых имеет свои аналитические цели и задачи. Если и предпринимается попытка получения обобщающих выводов, то, по справедливому замечанию П. Мэра, метод компаративистов чаще «ограничивается регионом или статусом»⁴. Вслед за методологией

¹ См. подробнее о предпосылках теории рационального выбора: Сморгун Л.В. Указ. соч. – С. 77-82.

² Downs A. An economic theory of democracy. – N.Y., 1957. – P. 36.

³ Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. – М., 1997. – С. 17-18.

⁴ Мэр П. Указ. соч. – С. 316.

меняется и тематика сравнительных исследований: происходит переход от изучения традиционных институтов и факторов политической деятельности к осмыслению новых явлений, таких как окружающая среда политики, групповые интересы и неокорпоративизм, новые массовые движения, постматериальные ценности, этнические, языковые, возрастные и гендерные факторы.¹ Делая акцент на изучении ценностной составляющей политики, Р. Инглхарт замечает, что происходит качественный сдвиг «приоритета от «материалистических» ценностей (когда упор делается, прежде всего, на экономической и физической безопасности) к ценностям «постматериальным» (когда на первый план выдвигаются самовыражение и качество жизни)»². Кроме того, крушение коммунистических режимов также вносит корректировки в большинство существующих политических теорий, особенно акцентирующих внимание на проблемах модернизации и демократического транзита. Распад Советского Союза и последовавшее за ним сближение социалистического и капиталистического «миров» снова перевернули «все бытовавшие ранее в теориях модернизации положения об экономических предпосылках, необходимых для успеха политической демократизации»³.

В целом же, произошедшие теоретико-методологические обновления можно назвать состоявшимися лишь относительно, поскольку задачи, не решённые политическим бихевиоризмом и структурным функционализмом, не реализовались и новым институционализмом. Так, Д. Трумэн замечает, что было бы ошибкой излишне стандартизировать определение бихевиоризма, поскольку главным объединяющим принципом его сторонников было разочарование в ограничениях и формальностях традиционной политологии⁴. Очевидно, подобная ситуация сложилась и в 1980-е годы, поскольку новый

¹ Сравнительная политология / Под ред. Гаман-Голутвиной О.В. – М., 2015. – С. 65.

² Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Политические исследования. – 1997. – №4. – С.8.

³ Байме К. фон. Политическая теория: эмпирическая политическая теория // Политическая наука: новые направления. – М., 1999. – С. 501.

⁴ Цит. по: Институциональная политология: современный институционализм и политическая трансформация России / Под ред. Патрушева С.В. – М., 2006. – С. 11.

институционализм также по большей мере обогащался эмпирическими данными, теоретическими концептами и методологическими установками предшествующего «золотого» этапа сравнительных исследований политики. И в целом, в новых теоретико-методологических подходах 1980-х гг. не было таких сущностных моментов, которые имплицитно не присутствовали бы в структурно-функциональной теории политической системы¹.

Итак, обретая теоретико-методологические контуры, современная сравнительная политология также может быть определена через ответ на вопрос: следует ли ей стремиться построить «универсальную политическую теорию», или же оставаться в пределах концепций среднего уровня? С одной стороны, структурный функционализм, сознательно развивая соответствующую систему понятий, ориентирован на сравнительный макроуровень, даже если «конкретный анализ на практике ограничен лишь конкретным случаем»². С другой – неоинституционализм, оставляет приоритет за теориями среднего уровня: «ничто так не демонстрирует недостатки сверхобобщённых сравнительных теорий, как добротное моноисследование»³. Отсутствие единства мнений о том, что и как нужно исследовать, позволяет зафиксировать единственную интегрирующую установку сравнительных исследований современности – «равноправие самых разнообразных подходов к изучению сферы политического, и принципиальная недопустимость признания приоритета какого-либо одного исследовательского направления»⁴. Такая ситуация, с одной стороны, может быть оценена как методологически кризисная, но с другой, – общность исследуемых проблем и «многоплановость и полисемантичесность контекстов» (*термин О.В. Гаман-Голутвиной*) изучаемых явлений и процессов способствует теоретико-методологическому сближению

¹ См.: Алмонд Г. Политическая наука: история дисциплины // Политическая наука: новые направления. – М., 1999. – С. 92.

² См. подробнее об этом: Мэр П. Указ. соч. – С. 310-316.

³ См.: Аптер Д.И. Сравнительная политология: вчера и сегодня // Политическая наука: новые направления. – М., 1999. – С. 377.

⁴ Бойцова О.Ю. Политическая наука в XX в.: общие характеристики и основные этапы становления // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. – 2001. – №1. – С. 15.

существующих исследовательских подходов в познании политической реальности. Ранее замечалось, что современный институционализм уже не ограничивается анализом «формальных рамок», а, напротив, исходит из субъективистских позиций, делая акцент на индивиде как политическом акторе. Структурный функционализм также учитывает влияние не только «социального контекста» (политической системы), но и, с помощью анализа политической культуры, «субъективную сторону политики». Иными словами, в целом «нынешняя фрагментация дисциплины похожа не на хаос, а на реорганизацию, – пишет Д. Истон, – выдвигаются альтернативы, они анализируются, оценивается их сила и слабость... Оказываются востребованными фундаментальные теоретические знания, происходит переход в новую фазу дисциплины, имя которой – необихевиорализм»¹.

Необихевиорализм как очередной этап в развитии политической науки ориентирован на формирование нового подхода к исследованию и сравнению политической жизни, основная задача которого – более глубокое проникновение в суть политических процессов современных национальных политических систем. В XXI веке методология сравнительного анализа политики снова имеет стремление найти методологическую парадигму, но не может этого сделать, поскольку изменился сам объект исследования – политическая система. Сохраняя в целом сциентистскую ориентацию, оставаясь плюральной предметно и методологически, сравнительная политология формирует новые исследовательские подходы. Так, например, в область анализа всё чаще входят «когнитивные составляющие политического процесса, идеи, которыми люди руководствуются в политике»². Этот методологический подход получил название *конструктивизм*. Суть его заключается в том, что именно идеи объясняют поведение индивидов в

¹ Истон Д. Будущее постбихевиоральной фазы в политической науке // Политическая наука. – 2000. – №4.. – С. 113.

² Сморгунов Л.В. Сравнительная политология в поисках новых методологических ориентаций: значат ли что-либо идеи для объяснения политики? // Политические исследования. – 2009. – №1. – С. 120.

политике, и они не сводимы к функциям, институтам, структурам, интересам и т.д. Сам по себе этот тезис также не придуман впервые, поскольку находит отражение в теориях Н. Макиавелли, Т. Гоббса, М. Вебера, Г. Алмонда, частично – неоинституционалистов. Логика конструктивизма такова: если исследователя интересуют изменения, происходящие в политической системе, вызванные её «движением к некоему социально-политическому миропорядку, следует рассматривать именно идеи, мотивы, нравы, верования людей как свободных, независимых и разумных индивидов»¹. И всё-таки данная методология также не даёт исчерпывающих решений проблем, выявленных на предыдущих этапах развития субдисциплины «политическая компаративистика». На этом основании мы ещё раз убеждаемся в том, что сегодня *все существующие и возникающие методологические направления оказываются равны и, де-факто, неопровержимы*. Несмотря на то, что каждый из научных подходов фактически характеризуется различным пониманием связи между элементами политической реальности, выбор той или иной исследовательской стратегии определяется поставленными задачами и возможностями самой стратегии в их решении и реализации. Компаративист может отказаться от объяснительной модели, в случае если она теряет свои эвристические способности, не выдерживая конкуренции с другими теориями.

Кроме того, всякое методологическое направление, с одной стороны, «подчинено исследовательской субстанции – политике», с другой – имеет дело с обобщениями вероятностного характера. Многоаспектность политической реальности действительно не даёт возможности компаративисту открывать и формулировать законы в традиционном понимании этого слова. Чаще он имеет дело с вероятностным знанием, с закономерностями и тенденциями. «Сравнительная политология не может сказать нам, что произойдёт с высокой степенью достоверности, а лишь то, что произойдет при определённых обстоятельствах, поскольку в политической реальности почти всегда есть исключения из общего правила. ... Эта проблема не обошла стороной большое

¹ Шамшурин В.И. Консерватизм и свобода. – Краснодар, 2003. – С. 101.

количество научных направлений. Сравнительная политология в этом отношении, конечно, не идеальна, но от этого не перестаёт быть в строгом смысле научной»¹. В этом контексте политическая система, оставаясь на национальном уровне в объектно-предметной области сравнительного анализа, аналитически – выступает как наиболее концептуально выверенная и логически обоснованная категория, позволяющая осуществлять сопоставления. Современный сравнительный анализ политики как исследовательская стратегия, с одной стороны, ориентируется на демонстрацию уникальности современных политических систем, с другой – стремится сформировать вероятностные обобщения, совершенствуя политическую теорию и практику. В условиях методологического плюрализма ни один из теоретико-методологических подходов не может претендовать на исключительность или универсальность, в том числе и потому, что имеет дело с обобщениями вероятностного характера.

Сравнивая политические системы, мы можем выделять в них институционально-процедурный (структурный) уровень посредством выявления ролей и ролевых структур, и ценностно-поведенческий (культурный) уровень, через фиксацию индивидуальных политических ориентаций и идей. Данные уровни содержательно не перекрывают друг друга, а, напротив, взаимно дополняют. Кроме того, в зависимости от поставленных целей и концептуальных предпочтений исследователь может анализировать политическую систему и во всей полноте, и на уровне отдельных структурных и культурных характеристик. Отсюда, наиболее важная задача следующего этапа диссертационной работы – анализ структуры политической системы в объектной области сравнения с обозначением отдельных элементов, рассматриваемых как оперативные переменные – количественные и качественные составляющие, изменяющиеся в пространстве и во времени.

¹ Newton K. And Van Deth J. W. Foundation of comparative politics. Democracies of the modern world. – Cambridge, 2010. – P. 6.

1.2 Структура политической системы в объектной области сравнительного анализа

Известно, что претерпев значительные качественные изменения, системный подход включает базовые принципы, которые одним из первых сформулировал К.Л. фон Берталанфи. Так, общепризнано, что всякая система есть совокупность элементов, находящихся во взаимодействии, характеризующаяся принципами открытости, иерархичности и «возможного неравновесного состояния»¹. Однако в рамках системных представлений о политической реальности на повестке дня по-прежнему остаётся проблема отношений власти и влияния между политической макроорганизацией и обществом, государственными и негосударственными институтами. Власть, выступая как фактор, делающий политическую систему «особой» в отношении прочих социальных систем, определяет «содержание, направление развития и формы взаимодействия всех других структурных элементов политической системы общества»². Властные субъект-субъектные взаимодействия могут быть определены как субъективная психологическая составляющая человека в качестве политического существа и как элемент сложного механизма политических взаимодействий, осуществляемых под влиянием окружающего социально-политического пространства. В первом случае понятие «власть» соотносится с категорией «политическая воля», во втором – рассматривается как функция политической системы, посредством которой вырабатывается и осуществляется политический курс. И именно функциональное понимание власти является наиболее релевантным в сравнительном анализе политических систем.

Властная функция выступает измерением, позволяющим обозначить в структуре политической системы элементы – оперативные переменные количественного и качественного сравнительного анализа. *Структура* в таком

¹ См.: Берталанфи К.Л. фон. Общая теория систем – критический обзор // Исследования по общей теории систем. Сборник переводов. – М.: Прогресс, 1969. – С. 23-82.

² Мокшин В.К. Власть и человек в политической системе современной России. – Архангельск, 2007. – С. 14.

понимании выступает как совокупность социально-политических связей, принципов построения и отношений социальных и политических субъектов, находящихся во взаимодействиях друг с другом и с политической системой в конкретных условиях места и времени. И если в структурно-функциональной теории политическая система есть набор «определённым образом взаимосвязанных институтов и учреждений, занимающихся постановкой, формулированием и осуществлением коллективных целей общества, или определённых групп в нём»¹, то структура политической системы как раз и выражает эти взаимосвязи между институтами и прочими элементами политического пространства, выступая как определённая модель взаимодействия, фиксирующая совокупность политических ролей и функций в системе. Такое обозначение с аналитической точки зрения даёт возможность представить для сравнения совокупность «явлений, факторов и зависимостей, образующих некий целостный феномен, исследование устройства которого позволяет глубже разобраться в изучаемых закономерностях»². В целом, через призму структуры объяснение «значения различий в использовании и распределении власти в различных политических системах, – пишет Д.И. Аптер, – есть общая задача, лежащая в основе разнообразных подходов в сравнительной политологии»³. Иными словами, выявление и анализ структуры политической системы есть то общее, что объединяет различные существующие теоретико-методологические подходы к анализу политической реальности, и позволяет сравнивать современные многообразные национальные политические системы.

Традиционно структуру политической системы рассматривают как состоящую из трёх основных плоскостей властных взаимодействий –

¹ Алмонд Г., Пауэлл Дж. Б., Стром К., Далтон Р. Сравнительная политология сегодня. Мировой обзор. – М., 2002. – С. 37-38.

² Заславская Т.И., Ядов В.А. Социальные трансформации в России в эпоху глобальных изменений // Социология и общество: пути взаимодействия. Материалы пленарного заседания Всероссийского социологического конгресса 21 октября 2008 года. – М., 2010. – С. 99.

³ Аптер Д.И. Указ. соч. – С. 360.

«господство-подчинение», «контроль-влияние», «управление-давление». Отношения «господства и подчинения» отражают процесс воспроизводства и поддержания легитимного порядка в политической системе, в котором ключевую роль играют такие элементы политической культуры, как социально-политические ценности, традиции и стереотипы. Иными словами, господство есть «процесс реализации власти»¹, причём властные отношения могут рассматриваться на этом уровне только в том случае, когда оцениваются их участниками как легитимные. Отношения «контроля-влияния» связаны с основными механизмами распределения ресурсов в политической системе. К числу ресурсов относятся количественно ограниченные различные материальные и духовные блага, имеющие социальную и политическую значимость. Отношения «управления и давления» включают в себя две основные фазы – фазу волеизъявления и реализации политического решения, в рамках которых гражданское общество может оказывать «давление снизу» с помощью различных институциональных механизмов («обратная связь»). Такое понимание структуры политической системы является наиболее известным и распространённым, но не в полной мере соответствует реализации задач сравнительного анализа, поскольку не позволяет обозначить отдельные (универсальные) элементы системы, а лишь ограничивает сферы политической активности.

Р. Макридис и С. Бург выделяют четыре основных процесса взаимодействия между элементами политической системы, в совокупности описывающих её структуру. К этим процессам относятся: организация власти и правления, оформление интересов, организация согласия в обществе и организация прав. На уровне организации власти и правления авторы предлагают рассматривать государство как главный институт политической системы, включающий разнообразные структуры – исполнительные и законодательные органы власти, административно-бюрократические и

¹ Вебер М. Основные социологические понятия / Вебер М. Избранные произведения. – М., 1990. – С. 637.

судебные институты, работа которых определяется принципом разделения властей и объёмом их компетенций. Особую роль в процессе принятия политических решений играет политическая элита, причём одним из важнейших критериев различения политических систем в сравнительной перспективе служит степень концентрации и ограничения власти правящей элиты. На уровне оформления интересов исследователь обращается уже не к институтам, а к политическим акторам, формирующим и выражающим свои потребности посредством деятельности групп и организаций. В этом отношении различие между политическими системами фиксируется через степень политического, экономического и социального плюрализма среди групп интересов. На уровне организации согласия в обществе Р. Макридис и С. Бург обращают внимание на способ обеспечения легитимности политической власти. Традиционно наиболее эффективным средством сохранения социально-политического порядка является умеренная политическая мобилизация масс и ценностный и нормативный консенсус между властью и обществом. В этом контексте политические системы сопоставимы между собой через модели политической мобилизации граждан и идеологические ориентации власти в процессе обеспечения лояльности со стороны общества. На уровне организации прав политические системы различаются по фиксации их состояния, насколько признаются и выполняются права человека¹.

Подход Р. Макридиса и С. Бурга нацелен на определение режимных характеристик системы и также является широко распространённым. Так, например, *Х. Линц и А. Степан* предлагают свою *структуру элементов политической системы*, практически не отличающуюся от варианта Р. Макридиса и С. Бурга. Они выделяют такие составляющие, как наличие или отсутствие политического плюрализма, роль идеологии в обществе, характеристики политического руководства, особенности политической мобилизации и возможности сдерживающих факторов в системе разделения

¹ См.: Macridis R., Burg S., Introduction to comparative politics. Regimes and change. – N.Y., 1991. – P. 4.

властей¹. Однако решению задач сопоставления политических систем в большей степени релевантен подход Г. Алмонда и Б. Пауэлла, которые, создав функциональную матрицу анализа, фактически заложили основу её структуры на уровне функций политического процесса – де-факто преобразования элементов структуры политической системы. В таком понимании структура политической системы соотносится с классической трактовкой структурного функционализма, в рамках которой представляется как доступная наблюдению деятельность, формирующая политическую систему. Итак, *в соответствии с концепцией Г. Алмонда и Б. Пауэлла структура политической системы в объектной области сравнительного анализа включает в себя следующие элементы:* формирование политической системы; формирование альтернативных вариантов политического курса; формирование политического курса; реализация политического курса; осуществление «обратной связи». Кроме того, рассматривая структуру политической системы через призму политической культуры, мы добавляем к ней элемент политических ориентаций субъектов политического взаимодействия. Подчёркиваем, что такое представление структуры политической системы служит аналитическим целям, в реальной политической практике все элементы взаимосвязаны и взаимодействуют друг с другом. Далее, рассматривая элементы структуры более подробно, обращаем внимание на их сравнительный контекст, то есть на то, что позволяет ответить на вопрос, почему одни и те же элементы структуры в национальных политических системах имеют разное функциональное значение.

Формирование политической системы как элемент её структуры в объектной области сравнительного анализа определяет воспроизводство политических институтов и акцентирует внимание, прежде всего, на избирательной системе, общее устройство которой выступает в качестве критерия сопоставления политических систем. Классификации избирательных

¹ См.: Linz J., Stepan A. Problems of democratic transition and consolidation. Baltimore and London, 1996. – P. 38.

систем многообразны, но в подавляющем большинстве случаев на базе главного критерия – способа подсчёта голосов, выделяют избирательные системы большинства (мажоритарные, «победитель получает всё») и пропорциональные избирательные системы. Однако в современной политической науке выборы рассматриваются не только как инструмент легитимации и стабилизации власти, но и в качестве механизма контроля граждан над политической элитой. В этом отношении избирательный процесс как демократическая процедура не имеет альтернативы, поэтому распространён практически повсеместно. Тем не менее, с точки зрения истории, выборы рассматриваются как атрибут именно демократических политических систем, основывающийся на ряде принципов: обеспечение равных возможностей участия и политической борьбы, обеспечение периодичности (регулярности) организации процесса выборов, обеспечение справедливой процедуры определения результатов голосования и др. Эти принципы, с одной стороны, обуславливают универсальность избирательной процедуры, с другой, фактическое отсутствие хотя бы одного из них ведёт к тому, что выборы выполняют в политической системе дисфункциональную роль, выступая инструментом легитимации и «умножения» авторитарной власти. Из этого следует, что в сравнительной перспективе политические системы отличаются не наличием или отсутствием самого института выборов, а качеством его функционирования.

Среди современных политических систем, наиболее часто попадающих в поле сравнительного анализа, проблема дисфункциональности института выборов особенно актуальна для так называемых «новых» демократий Центральной и Восточной Европы¹, в большинстве из которых «акт

¹ Здесь и далее, соглашаясь с мнением Марка М. Ховарда, к категории «старых» демократий мы относим политические системы, прошедшие консолидацию после второй мировой войны, и к настоящему моменту достигли уровня демократической стабильности – системы Австралии, Финляндии, Японии, Норвегии, Швеции, Швейцарии, США, Германии и др. К числу «новых» демократий, соответственно, относятся политические системы Испании, Уругвая, Бразилии, Болгарии, Чешской Республики, Латвии, России, Украины и др. // См.:

голосования служит лишь для того, чтобы придать законность выбору, уже сделанному режимом»¹. Так, например, в российском избирательном процессе элементом его дисфункциональности может служить практика «преемничества». Таким способом была реализована передача власти в 2000 г. от Б.Н. Ельцина к В.В. Путину, в 2008 г. – от В.В. Путина Д.А. Медведеву, в 2011 г. – обратно от Д.А. Медведева к В.В. Путину. В целом, стратегия избирательных кампаний в странах «новых» демократий общегосударственного или регионального уровня основывается на нарушении принципа справедливой конкуренции, потому что в итоге всегда побеждает кандидат «опытный и с заслугами», которого поддерживают, прежде всего, не голосующие массы, а политическая элита. Однако даже в такой ситуации выборы играют не только отрицательную роль, а выступают как инструмент демонстрации национального единства и способ повышения уровня легитимности действующей власти. В целом же практика недобросовестной конкуренции на выборах оценивается как главный признак того, что в политической системе формальные институты начинают вытесняться неформальными правилами действий².

Современная политическая наука называет политические системы, в которых роль выборов остаётся явно неопределённой – «делегативной (полномочной) демократией»³, или демократией переходного периода. Особенность формирования политического режима полномочной демократии в том, что первое демократическое правительство, пришедшее к власти после «эпохи» авторитаризма, как правило, не справляется с предъявляемыми народными требованиями, связанными преимущественно с решением социально-экономических проблем, по причине чего происходит «откат к

Ховард Марк М. Слабость гражданского общества в посткоммунистической Европе. – М., 2009. – С. 77-79.

¹ Ачкасов В.А. Указ. соч. – С. 317.

² См.: Меркель В., Круассан А. Формальные и неформальные институты в дефектных демократиях // Повороты истории. Постсоциалистические трансформации глазами немецких исследователей: в 2 т. – СПб., М., Б., 2003. – Т. 1. – С. 269-270.

³ См.: О' Доннелл Г. Делегативная демократия [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://polit.msk.su/library/dem/odonnell.html#_ftn1.

авторитаризму», и демократические преобразования всё более теряют общественную одобряемость и поддержку. Далее фиксируется «подрыв реального влияния на важнейшие политические решения таких формальных политических институтов, как партии, парламент и законодательство в целом. И ещё более усиливается роль таких неформальных практик как административная мобилизация избирателей, коррупция, клиентелизм»¹. В итоге внешне демократический приход к власти того или иного лидера влечёт за собой установление вовсе не демократического режима. Оценивая перспективы демократического транзита систем полномочной демократии, Х. Линц справедливо замечает, что подобный «институциональный выбор», кроме указанных выше противоречий, неизбежно приводит к росту политической нестабильности и возрастанию влияния ошибок в управлении на прогресс кризиса в стране².

Институт выборов в политической системе является также механизмом рекрутирования политической элиты, в рамках которого определяется качественный и количественный состав элитных групп, что в свою очередь также рассматривается как основание для сравнения политических систем. В большинстве современных государств политические и административные позиции формально открыты для каждого кандидата, обладающего соответствующими знаниями, умениями и навыками. Однако на практике, несмотря на то, что публично акцентируется внимание на равенстве политических прав и возможностей граждан, фактически господствует принцип элитизма, в рамках которого политическая элита пополняется из представителей узкого круга её самой. Главным принципом отбора претендентов на государственный пост в данном случае является не уровень их профессионализма, а степень лояльности власти, по крайней мере, при перемещении нижестоящих чиновников на более высокие посты и должности,

¹ См.: Гельман В.Я. Трансформация в России: политический режим и демократическая оппозиция. – М., 1999. – С. 114.

² См. подробнее об этом: Линц Х. Опасности президентства // Пределы власти. – 1994. – №2-3. – С. 3-24.

что ещё более отдаляет процесс рекрутирования от формы «честного конкурса». В этом отношении выборы выполняют свою функциональную нагрузку в полном объёме только в том случае, если происходит регулярная частичная или полная смена состава избираемых органов власти и представителей отдельных должностей (постов). В противном случае выборы приобретают характер имитационной процедуры: чем больше всеобщая уверенность, подтверждаемая на практике, в том, кто будет победителем в политической борьбе, тем вероятнее, что в данной политической системе выборы играют дисфункциональную роль¹.

Формирование политической системы определяется также через характеристики электоральной формулы. Данная тема подробно исследована в западной и отечественной политической науке, и мы не ставим себе цели ещё раз описать и проанализировать её. Однако в контексте исследования структуры политической системы в объектной области сравнительного анализа, замечаем, что избирательная система – это «наиболее легко манипулируемый институт в составе любой политической системы»². Внести изменения в Основной закон государства с процедурной точки зрения, как правило, достаточно сложно. Изменения в избирательных законах, напротив, одобряются простым парламентским большинством. В зависимости от типа избирательной системы объектом изменения может стать тот или иной её принцип (элемент) – от основного требования, предъявляемого к победителю процесса народного голосования, до структуры избирательного бюллетеня. Так, например, в российской политической практике объектом изменения избирательной системы часто становится возможность граждан голосовать «против всех»: впервые данная альтернатива появилась у избирателей в СССР в 1989 г., в 2006 г. граждане её утратили, а в начале 2014 г. вновь обрели³. В

¹ Пшеворский А. Демократия и рынок: политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке. – М., 2000. – С. 30-32.

² Голосов Г.В. Сравнительная политология. – СПб., 2001. – С. 211.

³ См.: ФЗ-№20 «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации». Принят ГД ФС РФ 22.02.2014 // Российская газета. – 2014. – №45.

целом же, с одной стороны, изменчивость избирательной системы может свидетельствовать об «усвоении» демократических норм и правил взаимодействия, с другой – не способствует стабильному функционированию системы. Таким образом, в сравнительной перспективе формирование политической системы исследуется в соответствии с двумя базовыми критериями – наиболее полный учёт предпочтений индивидов и адекватное ему представительство интересов в органах государственной власти.

Формирование альтернативных вариантов политического курса как элемент структуры политической системы в объектной области сравнительного анализа получает выражение через процессы артикуляции и агрегирования интересов различными социальными группами. Артикуляция и агрегирование осуществляются отдельными индивидами, заинтересованными группами и политическими партиями. В современных обществах в поле зрения заинтересованных групп попадает множество проблемных сфер, чем и объясняется их количественное и качественное разнообразие. Выделяют организации, действующие исключительно для достижения политических целей, либо, напротив, организации, для которых политическое давление составляет лишь часть их деятельности, но не основную. По своей внутренней структуре заинтересованные группы подразделяются на кадровые и массовые, институциональные или группы по «обычаю», созданные по инициативе «сверху» или являющиеся результатом самоорганизации граждан. Взаимодействие групп интересов может осуществляться по плюралистской или корпоративистской модели, причём в первом случае в политическом процессе принимает участие большое количество акторов, в ведении которых находится широкий спектр средств воздействия, в то время как во втором случае имеет место специфический, часто централизованный механизм артикуляции интересов. Иными словами, характеристики групп интересов и особенности взаимодействия их между собой и с органами власти выступают в качестве одного из критериев сопоставления политических систем на уровне формирования альтернативных вариантов политического курса.

С содержательной точки зрения суть формирования альтернативных вариантов политического курса – артикуляции и агрегирования интересов – заключается в умении индивидов и заинтересованных групп преобразовать множественные часто конфликтующие между собой общественные интересы в единый социально-политический интерес, и представить его органам государственной власти. С деятельностной точки зрения – определяется способностью индивидов организовываться в группы и использовать имеющиеся каналы влияния для реализации своих интересов. Причём эти группы должны быть созданы именно гражданами, выступая результатом реализации их политической воли, а сам процесс артикуляции должен иметь публичный характер. Если инициатива исходит сверху, мы получаем лояльные и подконтрольные властным структурам заинтересованные группы, причём «чем жестче и репрессивнее режим (даже в целом рассматриваемый как демократический), тем более затруднено для граждан участие в автономных добровольных организациях»¹. А если имеющиеся предпочтения не были доведены до органов власти, ответственных за принятие соответствующих решений, следовательно, процесс артикуляции не произошёл, требования граждан остались несформированными и неучтёнными.

Иными словами, дисфункция формирования альтернативных вариантов политического курса свидетельствует о том, что, с одной стороны, политическая система не обладает эффективными механизмами обратной связи, не реагирует на запросы, идущие от населения. С другой – о том, что массы не способны артикулировать интересы, которые, возможно и обсуждаются, но не превращаются в конкретные программы развития. В такой ситуации проблема развития различных форм общественного и политического участия фиксируется не только на протестном политическом и добровольческо-благотворительном уровнях, но и на локальном, где речь идёт о практике низовой самоорганизации в пространстве непосредственной среды обитания индивида. В целом же, неравенство среди групп интересов имеет место не

¹ Ховард Марк М. Указ. соч. – С. 94-95.

только в «новых», но и в «старых» демократиях, где де-факто представительство интересов характеризуется высоким уровнем конкуренции между заинтересованными группами в борьбе за политическое представительство и возможность влиять на принимаемые властные решения. В частности, в США роль «привилегированных» групп часто получают представители интересов крупного бизнеса, поэтому нередко в политическом процессе Соединённых Штатов возникают ситуации, в которых крупный бизнес даже «не считает нужным открыто защищать свои позиции: в большинстве случаев администрация, предчувствуя его реакцию, сама стремится принять соответствующие решения»¹.

Заинтересованные группы могут использовать различные средства взаимодействия с представителями власти, которые отличаются, прежде всего, степенью легальности, что также выступает основанием для сравнения политических систем на данном аналитическом уровне. Группы интересов могут воздействовать как на само общество (общественное мнение) в целях его мобилизации и привлечения внимания к наиболее значимой проблеме, так и на один из элементов управленческого аппарата – на отдельный властный орган, на политическую партию, или же отдельное должностное лицо. Кроме того, объектом влияния могут быть уже принятые политические решения, но, как правило, такие воздействия носят форму прямого давления в виде митингов, забастовок и других способов выражения несогласия. В большинстве современных политических систем одной из наиболее популярных и эффективных форм воздействия на власть в целях реализации общественно значимых интересов является индивидуальный (личный) контакт, который фактически представляет собой сделку между воздействующим представителем группы давления и лицом, непосредственно участвующим в процессе принятия политических решений. Так, известно, что в современных западных демократиях профессиональные союзы и ассоциации предпринимателей оказывают финансовую и избирательную поддержку тем лицам, которые

¹ Голосов Г.В. Указ. соч. – С. 145.

обещают реализовать необходимый интерес, вне зависимости от того, какую политическую силу они представляют. Примечательно, что в европейских странах только 15% заинтересованных групп контактируют в таких случаях с парламентариями, тогда как большая часть из них стремится оказать давление на представителей исполнительной власти и административных органов¹. И всё-таки эффективное лоббирование бюрократических структур через индивидуальный контакт происходит чаще всего тогда, когда речь идёт об узких интересах, непосредственно не относящихся к большинству граждан, а лишь к отдельной социальной группе или конкретному лицу. Кроме того, неформальные персональные связи зачастую основываются на системе коррупции и клиентелизма, что также несёт в себе элемент дисфункциональности не только для процесса формирования альтернативного политического курса, но и для политической системы в целом.

Вторая часть элемента формирования альтернативных вариантов политического курса – процесс агрегирования общественных интересов, главную роль в котором играют политические партии как промежуточное звено между обществом и политической элитой. Задача партий заключается в выявлении наиболее актуальных и социально значимых интересов и в преобразовании их в вариацию политического курса, в политическую программу. В этом контексте процесс агрегирования есть трансформация того, что «можно назвать сырым материалом политики – интересов и требований – в саму политику и решения»². Именно политические партии способны наилучшим образом структурировать электоральные предпочтения граждан, определять политический курс и осуществлять рекрутирование политической элиты. В настоящее время политические партии как организационные структуры, вовлеченные в электоральную борьбу за получение определённого количества кресел в парламенте, и осуществляющие законодательные и контрольные функции, широко распространены по всему миру. По выражению

¹ См.: Ачкасов В.А. Указ. соч. – С. 367.

² Macridis R. Introduction: The history, functions and typology of parties // Political parties: Contemporary trends and ideal. – N.Y., 1967. – P. 17.

Дж. Брайса «существование партий неизбежно», в демократических системах они являются основными участниками избирательного процесса, но существуют и в современных авторитарных системах. В любом случае, сильные партии являются залогом стабильности политической системы: исследования показывают, что партийные режимы самые устойчивые, средняя продолжительность существования военного режима с партией в три раза выше, чем военного беспартийного, а самые неустойчивые режимы – многопартийные без доминирующей партии¹. Чем же могут отличаться характеристики процесса агрегирования интересов в разных политических системах, если в целом политические партии выполняют одинаковые, чётко определённые (на уровне законов) функции?

Агрегирование интересов как элемент формирования альтернативных вариантов политического курса в большей степени определяется не формой организации партий, а влиянием политической и избирательной систем как факторов внешних по отношению к политическим партиям. Функциональная роль политических партий в политической системе «напрямую зависит от широты полномочий парламента, закреплённых в конституции».² Причём большинство исследователей сходятся во мнении, что парламентские системы укрепляют, а президентские, напротив, ослабляют функциональную нагрузку партий в политическом процессе. В парламентских системах стабильность и эффективность развития политической системы в значительной степени зависит от уровня консолидации между партиями при формировании парламентского большинства. В президентских же, «функции парламента ограничены законодательной деятельностью, а в политическом соревновании личности оказываются важнее, чем позиции, так что функции партий ограничиваются влиянием на законодательство и номинированием кандидатов»³. При этом если «президент и его администрация выступают ведущей силой политической системы, то партии в первую очередь озабочены

¹ Сравнительная политология / Под ред. Гаман-Голутвиной О.В. – М., 2015. – С. 193.

² Михалёва Г.М. Российские партии в контексте трансформации. – М., 2009. – С. 23.

³ Там же. – С. 23.

результатами президентских выборов, на их обеспечение они бросают основные ресурсы»¹. Так, например, в политической системе США, главным событием политической жизни для представителей всех ветвей и уровней власти, групп давления и интересов, особенно в последние десятилетия, являются именно президентские выборы.

Кроме того, известно, что партийная система оказывает влияние на реализацию принципа разделения властей, что также является основанием для сопоставления политических систем на уровне формирования альтернативных вариантов политического курса. «Степень разделения властей, – подчёркивает М. Дюверже, – гораздо больше зависит от партийной системы, чем от положений, записанных в конституциях»². Так, однопартийная система с неизбежностью ведёт к чрезмерной концентрации власти в руках единственной партии, которая фактически «срачивается» с государственным аппаратом. Если же в политической системе действуют несколько политических партий, то чем острее соперничество между ними, тем более вследствие этого ослабляются связи между парламентом и правительством. Однако двухпартийность и многопартийность всё-таки приводят к разным институциональным эффектам, особенно связанным с функциональным значением оппозиции в партийной и политической системах. По выражению М. Дюверже «сущностной характеристикой западной демократии является наличие организованной оппозиции, а демократии восточной – её отсутствие»³. По мнению большинства исследователей именно двухпартийная система позволяет оппозиции играть роль «полноценного» политического института. В этом отношении наличие доминирующей партии при многопартийности, напротив «низводит оппозицию до полной несостоятельности», поскольку надолго отстранённая от власти оппозиция начинает руководствоваться демагогической тактикой, а население,

¹ Исаев Б.А. Теория партий и партийных систем. – М., 2008. – С. 339.

² Дюверже М. Политические партии. – М., 2013. – С. 458.

³ Там же. – С. 480.

в свою очередь, начинает терять интерес к выборам, не веря в их силу и предназначение¹.

Результативность деятельности оппозиции также является одной из важнейших составляющих формирования альтернативных вариантов политического курса, поскольку она обеспечивает регулярную сменяемость власти в процессе свободных и честных выборов, и, следовательно, устойчивость политической системы в целом. А. Степан, подчёркивая значение давления оппозиции на властные структуры в процессе демократизации, выделяет следующие её функции: сопротивление интеграции в рамках авторитарного режима; защита зон автономии против режима; подрыв легитимности режима; увеличение политической цены авторитарного правления; создание приемлемой демократической альтернативы². Эти функции становятся особенно важны в так называемый период «консолидации демократии», причём о «позитивной консолидации можно говорить лишь в том случае, – пишет Г.М. Михалёва, – если система легитимна и не только не имеет альтернативы в глазах элит, но и установки, ценности и образцы поведения граждан основаны на представлениях о демократической легитимации»³. В целом же, говоря о формировании альтернативных вариантов политического курса, необходимо отметить, что ввиду усложнения и расширения многообразия групп интересов всё больше политологов указывает на их возвышение в системе политического представительства. У этого процесса, как и всякого, связанного с трансформацией политических систем, есть свои положительные и отрицательные стороны, выявление которых также может быть предметом сравнительного анализа национальных политических систем на уровне формирования альтернативных вариантов политического курса.

Артикулированные и агрегированные интересы вызывают определённые реакции политической системы, составляющие в совокупности основу

¹ Дюверже М. Указ. соч. – С. 484.

² См.: Stepan A. On the tasks of democratic opposition // Diamond L., Plattner M. (eds.) The global resurgence of democracy. – Baltimore and London, 1993. – P. 61-69.

³ Михалёва Г.М. Указ. соч. – С. 31.

формирования политического курса. *Формирование политического курса как элемент структуры политической системы в объектной области сравнительного анализа* представляет собой процесс принятия политических решений, в идеале нацеленный на максимально лучшее воплощение воли граждан. Главными политическими институтами, обеспечивающими процесс определения и утверждения политического курса, являются высшие органы государственной власти, а также другие субъекты политики. Роль главы государства, парламента и правительства в принятии политических решений раскрывается через понятие «форма правления», определяющее порядок образования и принципы организации высших органов государственной власти, их взаимоотношения друг с другом и с населением. Так, в сравнительной перспективе структурное разделение властей позволяет разграничить демократические и недемократические политические режимы, демонстрируя, насколько самостоятельны и независимы в реализации своих полномочий ветви государственной власти. Сопоставляя территориальное распределение властных полномочий, существующее в трёх основных формах (унитарной, федеративной и конфедеративной), исследователь установит уровень централизации (децентрализации) государственного управления. Диапазон возможностей судебной власти по сдерживанию репрессивных мер иных ветвей (прежде всего исполнительной) характеризует порядок определения и утверждения политического курса, и тоже может рассматриваться как основание для сравнительного анализа политических систем на уровне формирования политического курса.

Основополагающие правила, касающиеся принятия политических решений, объёма полномочий и распределения власти в политической системе определяются в основном законе государства – Конституции. Во всех современных странах, объявивших себя в Основном законе демократическими, в качестве главного конституционного условия осуществления государственной власти определяют принцип разделения властей. Известно, что в соответствии с ним, законотворческая деятельность осуществляется

законодательным (представительным) органом, исполнительно-распорядительная деятельность – органами исполнительной власти, судебная власть – судами, при этом каждая из ветвей власти самостоятельна и относительно независима. Рассматривая законотворческую и законодательную деятельность, следует отметить, что даже в условиях демократической политической системы современные парламенты редко законодательствуют монопольно. Влияние прочих структурных элементов властной вертикали на этот процесс отличает современные политические системы друг от друга. Роль парламента в процессе законотворчества в современных демократиях может быть определена как доминирующая, автономная или ограниченно автономная. В первом случае парламент имеет возможность не только принимать законы, но и формировать и контролировать исполнительную власть. Во втором случае парламент контролирует законодательный процесс, но у него «нет достаточных полномочий для «свержения» исполнительной власти»¹. В третьем случае «ограниченно автономный парламент можно рассматривать как поле конфронтации (зачастую ритуализированной) между правительством и оппозицией»².

В этом контексте необходимо также отметить, что для того чтобы иметь более полное представление об особенностях процесса рассмотрения и принятия законопроектов, исследователю нужно учитывать и то, каким образом принимаются решения внутри того или иного политического института. Так, А. Пшеворский, изучая и анализируя возможности влияния на консолидацию демократии различных аспектов институционального выбора, подчёркивает, что «решающим шагом на пути к демократическому государству является передача власти от группы лиц своду правил»³. Иначе говоря, в процессе обсуждения и принятия законопроектов немаловажную роль играют фундаментальные принципы, определяющие, каким образом должны приниматься политические решения. Сравнивая, замечаем, что в большинстве

¹ Голосов Г.В. Указ. соч. – С. 290.

² Там же. – С. 291.

³ Пшеворский А. Указ. соч. – С. 33.

современных демократий при рассмотрении законопроектов в парламентах действует правило простого большинства, согласно которому «при выборе между двумя альтернативными предложениями побеждает получившее наибольшее число голосов»¹. Причём для принятия особо важных решений требуется квалифицированное большинство, составляющее от трёх пятых до трёх четвертых общего количества голосов. Однако при этом немаловажную роль играет и такая характеристика, как партийная дисциплина. Так, например, британские партии отличаются высоким уровнем партийной сплочённости, именно поэтому голосование отдельного парламентария, идущее вразрез с интересами партии, в которой он состоит, фактически не представляется возможным. В то время как во многих других политических системах такая ситуация, напротив, не является редкостью (например, в американской).

В некоторых политических системах парламент и вовсе выступает в роли подчинённого по отношению к исполнительной власти. В них глава государства или глава исполнительной власти через определённые механизмы (например, используя право вето или законодательную инициативу) получает возможность участвовать в процессе определения политического курса на уровне «последней инстанции». Такие системы имеют выраженный иерархический характер, в рамках которого при принятии политических решений фактически в расчёт принимается лишь мнение человека, занимающего наиболее высокую позицию во властной вертикали. Иерархическая модель определения политического курса характерна по большей части для демократий Центральной и Восточной Европы, а также Латинской Америки. В этой ситуации глава государства или глава кабинета министров, выступающий в процессе определения политического курса как «последняя инстанция» де-факто получает совершенно иной статус и положение. Так, глава государства, кроме основной своей задачи – выступать гарантом Конституции, обретает и специфическую функцию – «наделяется

¹ Алмонд Г., Пауэлл Дж. Б., Стром К., Далтон Р. Указ. соч. – С. 190.

высшей арбитражной властью в государстве»¹. При этом эффективно выполнять функции «арбитра и посредника в конфликтах между ветвями власти президент может только тогда, когда не нарушено равновесие и баланс властей, и они не поставлены в зависимость от президента»². Если же оно нарушено, глава государства получает неограниченную власть и при этом не несёт ответственности ни перед одним другим политическим институтом. Так, например, в российской политической практике право главы государства в определении направлений развития политического курса подкрепляется мощными институциональными инструментами, такими как, например, право законодательной инициативы и право отлагательного вето. В итоге, «в споре (если таковой возникает) любого из властных институтов с главой государства, конституция «назначает» последнего заведомым победителем»³. Отсюда, роль главы государства в процессе формирования политического курса в разных системах неодинакова, что также является критерием сопоставления политических систем на этом уровне.

Институциональные решения, принимаемые в условиях нарушения равновесия между ветвями власти, оказывают непосредственное воздействие на реализацию политического курса. *Реализация политического курса как элемент структуры политической системы в объектной области сравнительного анализа* связана с осуществлением принятых политических решений на основе действующих (законодательно закреплённых) правил. Так, очевидно, что решения, принимаемые в условиях нарушения баланса политических сил, ориентируют на выбор стратегии, направленной на воплощение интересов лица, стоящего во главе властной вертикали, которые, обретая форму законов, могут быть просто навязаны обществу сверху. В этом контексте А. Лейпхарт

¹ Сюткина А.П. Институциональный аспект политической культуры: формирование институтов представительной власти // Гражданская культура современной России: сборник научных работ грантополучателей МОНФ. – М., 1999. – С. 63.

² Линецкий А.В. Российские институты политического представительства в условиях радикальных общественных трансформаций. Опыт сравнительного анализа. – СПб., 2008. – С. 245.

³ Краснов М.А. Конституционная модель «отеческого попечения» // Отечественные записки. – 2007. – №6. – С. 84.

полагает, что подобные политические системы порождают «эффект большинства», выражающийся в стремлении к формированию большинства, отстаивающего исключительно собственные идеи, а также ведёт к доминированию исполнительной власти над законодательной и судебной¹. К числу политических систем, имеющих «эффект большинства», относятся современные президентские-полупрезидентские политические системы «новых» демократий, которые, однако, проявляют себя более эффективно в процессе реализации политического курса, чем системы парламентские. Это связано с тем, что реализация политического курса связана по большей части с реализацией экономических задач и выполнением социальных обязательств, для решения которых необходима сильная исполнительная власть. В такой ситуации глава государства получает «функцию своеобразного клапана безопасности, позволяющего нейтрализовать негативные следствия политической фрагментации и поляризации общества»².

В целом, реализация политического курса – сложный феномен, раскрывающийся на уровне целого ряда задач государственного управления, связанных с процессами регулирования и контроля, извлечения и распределения, а также реагирования и символизации, где главную роль также играют исполнительные органы власти. Первая пара процессов – регулирование и контроль – во многом определяют так называемые «режимные» характеристики политической системы, поскольку фактически выступают как «мера свободного усмотрения властвующих и свободы подвластных, то есть мера господства и подчинения, мера власти и политического участия, отражающая и определяющая состояние и распределение свободы в обществе»³. Регулятивная политика, определяя характер политического режима, в сравнительной перспективе, выстраивает

¹ См. подробнее об этом: Лейпхарт А. Конституционные альтернативы для новых демократий // Политология: хрестоматия. – М., 2000. – С. 324-343.

² Линецкий А.В. Указ. соч. – С. 253.

³ Бессонов Б.Н. Философия политики. Книга III «Властные факторы в политической системе общества». – М. – 1993. – С. 178-179.

политические системы по шкале, где в качестве одного полюса выступает авторитаризм, характеризующийся широкой сферой применения государственного регулирования, другого – демократия, где эта сфера значительно уже. В политических системах, имеющих авторитарные черты, подобные ограничения главным образом затрагивают сферу реализации политических прав граждан через ликвидацию автономии «центров принятия решений» и упразднение легальной политической оппозиции. В демократических политических системах, эти права, напротив, соблюдаются и защищаются, и выступают в качестве главных ценностей политической культуры.

Регулятивная политика сопоставляемых систем будет отличаться не только в зависимости от механизмов и инструментов реализации, но и таких параметров, как сфера применения государственного регулирования и его субъекты. Сравнивая регулятивную политику современных политических систем, необходимо, во-первых, определить соотношение средств убеждения, финансового поощрения и принуждения. Во-вторых, проанализировать степень государственного влияния на различные аспекты поведения и взаимодействия людей в обществе (семья, экономика, религия, политика, трудовая деятельность, наука и образование, средства массовой коммуникации, защита личности и собственности). В-третьих, конкретизировать применение санкций к различным общественным группам (единообразно или дифференцированно), а также рассмотреть процедурные ограничения такого регулирования и особенности осуществления защиты прав¹. Например, прогрессивная шкала налогообложения рассматривается многими экономистами и политологами как наиболее соответствующая всем трём основным принципам, на которых должна основываться система налогообложения в современных политических системах – платежеспособности, эффективности и справедливости. В соответствии с этим единая ставка налогообложения может быть рассмотрена как мера, умножающая разницу в доходах богатых и бедных, и, следовательно,

¹ Алмонд Г., Пауэлл Дж. Б., Стром К., Далтон Р. Указ. соч. – С. 254-255.

закрепляющая определённое преимущество за социальной (точнее политической) группой, дискриминируя все остальные. В этом же контексте, Ф. Редер в качестве «идеальных типов» режимов, получивших развитие на постсоветском пространстве, называет автократию (например, как в политической системе Казахстана) и олигархию (как в Таджикистане), где власть либо подотчётна узкому кругу политической элиты, либо является агентом чиновничества и клановых группировок, дискриминируя интересы общественного большинства¹.

Процесс контроля (арбитража) получает выражение через надзор за соблюдением норм и правил политического процесса, выявления фактов их нарушения и реализации соответствующих наказаний. В структуре органов государственной власти функцию арбитража выполняют судебные и специализированные правоохранительные органы и службы, однако только судебная власть имеет монопольное право на интерпретацию Основного закона при возникновении конфликтной ситуации между субъектами политического взаимодействия. В силу своего особого положения в системе разделения властей судебная власть всегда стоит над политическими конфликтами, и только она может противостоять государству, в случае нарушения действующих «правила игры», выраженных в соответствующих нормах закона. При этом основная цель вынесения судебных решений заключается не в простом выявлении несоответствия реализуемой политики действующим нормативным правовым актам, а в исправлении этого несоответствия в процессе корректировки политического курса в целом. На этом основании степень включённости судебной власти в реальный политический процесс может рассматриваться как показатель, на основании которого различаются современные политические системы. Так, например, в Соединённых Штатах Америки «многие политико-управленческие решения, в других государствах составляющие прерогативу законодательных органов и правительства,

¹ Цит. по: Гельман В.Я. Указ. соч. – С. 48.

вырабатываются и принимаются в тиши совещательных комнат судей»¹. Главная задача судебной системы США – ограждение юридических прав и интересов тех, «кого этот процесс может выбросить или выбрасывает на маргинальные позиции»².

Особый интерес представляют также экстрактивные и дистрибутивные процессы в политической системе. Способность политической системы извлекать внутренние ресурсы (человеческие, финансовые, природные, материальные) позволяет выявить, насколько стабильно развивается система и какое направление примет это развитие в будущем. Политологи отмечают, что если у политических систем авторитарного типа выше регулятивные возможности, то в современных демократических политических системах воздействие на общество осуществляется преимущественно через механизм извлечения ресурсов, причём в наиболее развитых обществах извлекаются, прежде всего, интеллектуальные, а не материальные ресурсы. Совокупность интеллектуальных ресурсов получает выражение через понятие «человеческий капитал», трактуемый как объём «имеющихся у людей знаний, их убеждения, а также институты (структуры), создаваемые ими на основе этих убеждений»³. Каждая политическая система одновременно и извлекает, и формирует национальный человеческий капитал, создавая для этого систему образования, здравоохранения, трудоустройства и т.д. Соответственно, чем эффективнее организованы эти системы жизнеобеспечения, тем большую результативность в сравнительной перспективе имеет выбранный государством политический курс на уровне своих экстрактивных возможностей.

Дистрибутивная политика также является критерием эффективности реализуемого политического курса, и может быть оценена через такие показатели, как количество распределяемого, сферы человеческой жизнедеятельности, охваченные распределением, адресаты дистрибутивной

¹ Власихин В.А. Судебная власть в политической системе США // Политическая система США: актуальные измерения. – М., 2000. – С. 131.

² Там же. – С. 136.

³ Норт Д. Понимание процесса экономических изменений. – М., 2010. – С. 79.

политики (группы населения, на которые она направлена), а также соотношение между потребностями граждан и объёмом государственного распределения, направленного на удовлетворение этих потребностей¹. Наиболее высокого уровня эти показатели достигают в так называемых «социальных государствах», основным принципом функционирования которых является стремление к сглаживанию социального неравенства. Мировая практика показывает, что в сравнительной перспективе сфера дистрибутивной политики шире в тех политических системах, которые достигли определённого уровня прогресса экономики, однако больше всего нуждаются в этом, напротив, не развитые, а развивающиеся политические системы стран Африки, Азии и Латинской Америки.

Реактивные и символические процессы в политической системе также могут служить критерием оценки эффективности реализации политического курса в ней. Реактивные возможности связаны со способностью системы адекватно и быстро реагировать на изменения, происходящие внутри неё и вне её пределов. Отвечая на импульсы, так или иначе способные, выражаясь словами Д. Истона, «вызвать стресс», политическая система должна стремиться к «сохранению себя» в процессе взаимодействия с обществом и внешней окружающей средой. Реактивные возможности политической системы находят своё отражение в ситуации возникновения внутренних беспорядков, внешних угроз, мировых экономических и финансовых кризисов, т.е. в условиях, когда под влиянием определенных изменений внутренней или внешней среды системы резко снижается уровень легитимности и эффективности её развития. В сравнительной перспективе немаловажное значение имеют также и способы реагирования системы на возникающие кризисы: насколько они радикальны, или же, напротив, ориентированы на мирное разрешение противоречий.

Повышение уровня легитимности определяет характеристики символических возможностей политической системы, действующих через создание и распространение популярных идей, убеждений и символов.

¹ Алмонд Г., Пауэлл Дж. Б., Стром К., Далтон Р. Указ. соч. – С. 246.

Известно, что идейно-образная структура любого символа проявляется в том, что он приобретает значимость «не сам по себе», а как средство выражения заложенной в него идеи, поэтому наиболее привлекательные политические символы получают своё выражение, прежде всего, через политические традиции. Совокупность символов, закреплённых в политических традициях, позволяет «выразить, передать, закрепить традиционные для субъектов политики идеи, идеалы, нормы, вызвать у участников действий определённые чувства, настроения, переживания, создать соответствующую морально-психологическую атмосферу и наглядно-образными средствами отметить важные события политической жизни»¹. Такие политические символы и ритуалы, как герб, гимн, флаг, церемония инаугурации главы государства, вручение государственных наград важны потому, что их участники чувствуют себя не просто зрителями, а главными действующими лицами происходящего. В этом отношении исследователю важно понять, насколько эффективно политическая элита использует свои «символические» ресурсы: только для решения оперативных и прагматических задач, или же её стремления направлены на усиление уровня сплочённости общества, укрепления патриотизма и гражданственности.

Совокупность реакций общества («сигналов снизу») на политическую систему, её решения, действия и символы составляет содержание последнего обозначаемого нами *элемента структуры политической системы в объектной области сравнительного анализа – осуществление «обратной связи»*. Обратная связь, также как формирование и реализация политического курса, нацелена на максимально лучшее воплощение воли граждан, показывая насколько полно политическая система учитывает запросы общественных групп и реагирует на них. В сравнительной перспективе мы можем фиксировать общественные сигналы как минимум на трёх уровнях – на уровне прямого управленческого воздействия, с помощью политикокультурных регуляторов, а также через процессы самоорганизации общественности. Прямое управленческое

¹ Бессонов Б.Н. Указ. соч. – С. 147.

воздействие органов государственной власти реализуется через принимаемые решения, постановления, программы развития и возможности населения участвовать в обсуждении и принятии этих решений. Политикокультурные регуляторы выражаются через транслируемые нормы, ценности, установки, политикокультурные символы и образцы, которые могут в большей или меньшей степени разделяться и приниматься общественностью. Самоорганизация общественности проявляется в способности формировать группы давления и организовывать коллективные действия для оказания воздействия на процесс принятия политических решений, а также определяется правовыми гарантиями, которые политическая система создаёт и обеспечивает в границах, позволяющих всем общественным объединениям влиять на политический курс и контролировать процесс принятия политических решений. В совокупности эти уровни «обратной связи» позволяют удерживать в «динамическом равновесии» многообразные политические взаимодействия, обеспечивая, со стороны политической системы – управляемость общества и легитимность власти, со стороны гражданского общества – эффективность власти и контроль над ней. Кроме того, сравнивая сигналы обратной связи в политических системах, мы также можем обратиться к изучению каналов влияния – выборы, референдумы, воздействие через общественные организации, через СМИ, протестные действия и т.д. Подобные каналы есть в каждой политической системе, однако, они могут либо не функциональны, либо намеренно сужены, оказывая ограничивающее воздействие на деятельность гражданского общества.

Кроме того, *обратная связь как элемент структуры политической системы включает в себя и отношения индивидов к политике*, отражая то, насколько они включены в политический процесс. В данном случае мы исследуем ценностно-поведенческие (культурные) характеристики политической системы, которые имманентно присутствуют во всех обозначенных ранее элементах механизма функционирования политической системы. Говоря о том, насколько индивиды включены в политическую жизнь,

необходимо, прежде всего, понять, каковы их представления о своих политических ролях. Следуя терминологии Г. Алмонда и С. Вербы, индивиды могут выбрать роль «участника», реально включённого в политический процесс, роль «поданного», пассивно выполняющего минимальный набор политических функций, или роль «прихожанина», не интересующегося политикой. Рассматривая политическое участие в сравнительной перспективе, мы можем также обратиться к типологии Л. Милбрэта, который полагал, что его можно определить через начальную, промежуточную и активную политическую деятельность. Под начальной деятельностью он понимал «эпизодическое участие» в политической жизни, том числе участие в выборах, в политических дискуссиях и т.д. Промежуточная деятельность характеризуется постоянными контактами с официальными лицами или политическими лидерами, участием в митингах и демонстрациях, а также выражением поддержки через денежные пожертвования. Активная деятельность предполагает постоянное участие в проведении политических кампаний и выборов, или же осуществление руководства государственной или партийной структурой¹.

Ещё одной важной характеристикой отношения индивидов к политике является политическое доверие, выражающие не только их отношение к отдельным органам власти и политическим лидерам, но и к другим группам, в которых они могут совместно работать для достижения общих целей. Так, например, Марк М. Ховард называет «примечательной особенностью» «старых» демократий тот факт, что индивиды в них «имели больше времени, чтобы освоиться в демократическом пространстве и поближе познакомиться с добровольными организациями, приглядываясь к ним со стороны или становясь их членами»². В то время как «восточноевропейцы не получили опыта так называемой «позитивной свободы», выражающейся в способности

¹ См.: Milbrath L. Political participation. – Chicago, 1965. – P. 19.

² Ховард Марк М. Указ. соч. – С. 99.

реализовывать свой потенциал»¹. Иначе говоря, имея по большей части опыт принудительного гражданского участия, жители Восточной Европы выбирают «пассивную политическую позицию подданного», ограничиваясь «эпизодическим» участием в политической жизни своей страны. Если же говорить об отношении к политическим лидерам, то уровень поддержки у лидеров восточноевропейских, напротив, традиционно выше, чем у лидеров «старых» демократий, поскольку для большинства индивидов в этих странах глава государства «традиционно был, есть и будет центром консолидации, источником политического смысла и гарантом целостности страны»². Представители «старых» демократий демонстрируют невысокий уровень доверия к своим политическим лидерам, главным образом потому, что, выражаясь словами Ф. Фукуямы, в этих государствах фиксируется «рост морального индивидуализма и вытекающей из него миниатюризации общества»³. Если же оценивать ценностно-поведенческие характеристики политической культуры на уровне системы в целом, то исходя из вышесказанного, мы можем рассматривать её, либо как фрагментированную, либо как интегрированную. В первом случае между индивидами отсутствует согласие относительно базовых принципов политического устройства, во втором – степень консенсуса по большинству вопросов политического устройства является сравнительно высокой.

Кроме того, отношения индивидов к политике, демонстрирующие реакции обратной связи, получают своё выражение через такие характеристики, как отношение граждан к роли государства в жизни отдельного человека, национальная идентичность и чувство национальной гордости, уровень легитимности политических структур и лидеров, модели легитимного и нелегитимного политического поведения (от голосования до восстания), приоритетные ориентации на различные политические ценности и т.д. В этом

¹ Демократизация и парламентаризм в Восточной Европе / Отв. ред. Игрицкий Ю.И. – М., 2003. – С. 12.

² Линецкий А.В. Указ. соч. – С. 255.

³ Фукуяма Ф. Великий разрыв. – М., 2003. – С. 131.

контексте мы можем согласиться с мнением Л. Пая, который считал, что в каждой политической системе имеют место универсальные проблемы, формирующие «культурную» матрицу сравнительного анализа политических систем. К ним относятся следующие: масштабы и функции политики, концепции власти и господства, политическая интеграция, статус политики и политиков, оценочные характеристики, аффективные измерения политики, равновесие между сотрудничеством и соперничеством¹. Подходов к сопоставлению политических систем на уровне ориентаций может быть много, однако в целом подобная «культурная» матрица, с одной стороны, делает акцент на универсальном, с другой – ориентирует на выявление специфического и субстанционального в той или иной политической системе. Важно также учитывать, что, хотя в целом политическая культура определяется через медленные, постепенные изменения, бывают примеры, когда её трансформация происходит быстро и кардинально. Так, в середине XX в. политическая культура Германии «претерпела сдвиг почти мистический ... Такое впечатление, что после поражения в войне немцы проснулись другими людьми»².

Итак, анализируя структуру политической системы в объектной области сравнительного анализа, мы обозначили её институционально-процедурные (структурные) и ценностно-поведенческие (культурные) характеристики, что даёт возможность «выявлять «диагнозы» её отдельных структурных элементов, осуществлять в целом «анатомический» анализ её функционирования на основе «достоверных знаний и объективных выводов»³. В основу формирования структурно-функциональной матрицы сравнительного анализа были положены переменные конверсионного процесса и политических ориентаций субъектов политики, обозначенные Г. Алмондом и Б. Пауэллом. Следует заметить, что подобный подход некоторыми российскими политологами оценивается как имеющий выраженную пропагандистскую направленность, поскольку в

¹ См.: Ачкасов В.А. Указ. соч. – С. 163-167.

² Сравнительная политология / Под ред. Гаман-Голутвиной О.В. – М., 2015. – С. 449.

³ Федоркин Н.С. Указ. соч. – С. 40.

значительной степени превозносит достоинства западного демократического устройства. Например, Т.Н. Митрохина полагает, что введение элементов политических ориентаций в сравнительный анализ политики есть не что иное, как «инструмент идеологической борьбы», созданный в условиях противостояния капиталистического и социалистического миров, в котором абсолютизируется значение демократической западной культуры гражданственности¹. Мы же подчеркнём, что представленное видение структуры политической системы имеет в первую очередь аналитическое значение, не претендуя на роль единственно допустимого, оно повышает познавательные возможности сравнительного метода, позволяя избежать существенных искажений в результатах и выявляя эмпирические законы функционирования через обозначение постоянных взаимосвязанных структур и функций. К тому же, поскольку сравнительный анализ в политике формировался в русле именно западной политологии, логично и закономерно, что по содержанию он ориентирован на исследование демократических политических систем, каковыми является и большинство современных. Однако в целом мнение о том, что современная политическая наука, также, как и политология времён «холодной войны» не лишена идеологической составляющей, также признаётся относительно справедливым.

Рассмотрев общие методологические основы сравнительного анализа политических систем, установив, на какие теоретико-методологические подходы опирается современный сравнительный анализ, какова их эволюция, какие элементы структуры политической системы попадают в объектную область сравнительного анализа, необходимо обратиться к исследованию многообразия уровней (видов, типов, форм) сравнений и их методологических и методических особенностей, а также проанализировать эвристические возможности этого метода познания политической реальности.

¹ См.: Митрохина Т.Н. Некоторые особенности сравнительного изучения политики // Известия Саратовского университета. Серия Социология. Политология. – 2005. – Т. 5. – Вып. 1-2. – С. 78.

Глава II Методология и уровни сравнительного анализа политических систем

2.1 Методология глобальных сравнительных исследований политических систем

Сравнение в политической науке – это познавательная операция, позволяющая определить сходства и различия между сравниваемыми объектами – политическими системами. В научной сфере сопоставление позволяет осуществлять эмпирические обобщения, категоризировать исследуемые объекты, корректировать и разрабатывать теории и концепции, выполняя функцию сравнительного метода. «Особенность использования сравнительного метода в науке, – пишет О.В. Гаман-Голутвина, – заключается в сопоставлении не произвольно избранных характеристик, а существенных качеств»¹. Более того, «сравнение универсально, но только в компаративистике оно используется систематически и методически»². В научном познании сравнение всегда логично и непротиворечиво, то есть основывается на определённых методологических константах. *Методология сравнительных исследований политических систем*, исходя из общего понимания данного термина, в большей мере связана с операциями, приёмами и техниками, с помощью которых осуществляется познание политических систем, а не со знанием о политической реальности как таковой. Главная функция методологии сравнительного анализа политических систем – эвристическая, результат каждого сравнения наполняет содержанием предметную область политологии (исследований совершённых и будущих), устанавливая каузальные зависимости, систематизируя факты и связи, выявляя тенденции и закономерности, позволяя изучать политические системы не как «изолированные случаи». Иными словами, сравнение вносит изменения не только в исследовательскую стратегию, но и в результат сопоставления, а, следовательно, в получаемое знание. В этом контексте главный критерий

¹ Сравнительная политология / Под ред. Гаман-Голутвиной О.В. – М., 2015. – С. 17.

² Там же. – С. 29.

эффективности и состоятельности методологии сравнительного анализа политических систем – ответ на вопрос, в какой мере полученные результаты работы могут служить надёжным основанием политологического знания?

Искомый ответ частично объясняется положением субдисциплины «сравнительная политология» в ряду других субдисциплин политической науки. Особенность политической компаративистики, прежде всего в том, что она имеет эмпирический характер, в силу чего связывает политическую теорию и философию, нацеленных на разработку общих законов, с иными субдисциплинами, такими, как политическая социология, политическая психология и др., изучающими реальную политическую практику, являясь «теорией среднего уровня». Кроме того, *сравнение политических систем* как исследовательская стратегия *включает в себя несколько* общих для всех уровней (видов, форм) сопоставления *этапов*. Первый шаг всякого сравнения политических систем – концептуализация – она определяет общий теоретико-методологический подход к пониманию исследуемых характеристик политической системы и формирует общую схему анализа. На данном этапе устанавливается система понятий (единиц анализа), осуществляется их операционализация (превращение в переменные и индикаторы), а также формулируются рабочие гипотезы. Второй шаг сравнительного анализа – определение объектной области, в рамках которой определяются единицы наблюдения (случаи – национальные политические системы или страны) и их количество. Третий шаг – сбор эмпирических данных, осуществление необходимых измерений. Четвёртый шаг – анализ полученных эмпирических данных в соответствии с общими теоретико-методологическими установками и схемой анализа, проверка (верификация) рабочих гипотез через выявление сходств и различий между сравниваемыми случаями, поиск каузальных связей. Пятый этап – формирование выводов и итогов сопоставления через уточнение понятий, показателей, классификаций, теорий, корректировку имеющихся типологий, выявление тенденций и закономерностей.

Впрочем, организация не всякого сравнения включает указанные этапы в полном объёме. Сравнительные исследования политических систем на современном этапе характеризуются многообразием уровней (видов, типов, форм) сравнений¹, применяющихся на практике. Например, *Б.Г. Питерс выделяет пять типов сопоставлений* в сравнительной компаративистике. Первый, когда одна страна исследуется в сопоставлении с множеством других. Второй – сравнение относительно похожих институтов и процессов ряда государств. Третий – включает построение типологий групп стран на основе отличий в устройстве их политических систем. Четвертый – подразумевает статистический или описательный сравнительный анализ политических систем относительно похожих стран, в том числе по географическому признаку. И, наконец, пятый – статистический анализ всех стран с целью выделить устойчивые модели взаимоотношений в их политических системах². Данная типология основывается не только на количестве случаев, но и на постепенном переходе от качественной методологии к количественной, при движении от первого типа к пятому. Объектно-предметную область могут определять как элементы политической системы, так и система в целом, также типы сравнения отличаются тем, что часть из них ориентирована исключительно на сопоставление относительно похожих политических систем.

Р. Хейг, М. Харрон и Ш. Бреслин выделяют четыре типа сравнения в зависимости от объёма объектной области: исследование случая, сфокусированное исследование, таблица истинности, статистический анализ. И если статистический анализ исследует либо все, либо абсолютное большинство

¹ Заметим, что в специализированной литературе встречаются все четыре формулировки – уровни, виды, типы, формы, – выражающие многообразие возможностей сравнительного метода, различия между которыми устанавливаются, преимущественно, по объёму объектной области сравнения. Однако для нас наиболее адекватным представляется термин «уровни сравнения», поскольку он эквивалентен уровню абстрагирования, характерного для каждого конкретного сравнения. Абстрагирование, в свою очередь, есть атрибут всякого сравнения. По этой причине в диссертационной работе методологические различия и особенности будут устанавливаться именно между уровнями сравнения.

² Цит. по: Гаджиев К.С., Примова Э.Н. Становление и методологические принципы сравнительной политологии // Власть. – 2012. – №2. – С. 101.

случаев через «количественную оценку воздействия переменных», то исследование случая всегда направлено на «интенсивное» изучение только одной политической системы. А вот различия между сфокусированным исследованием и таблицей истинности авторы проводят не слишком чётко, указывая, что в первом случае анализируется несколько случаев и данный анализ имеет интенсивный характер, а во втором – изучается «среднее число» случаев методом «качественной оценки воздействия переменных». В целом же, по их мнению, все сравнения, можно разделить на ориентированные на случаи, и на переменные. Первые – нацелены на детальное изучение случая (случаев), определяемых некоторой категорией (например, многопартийные политические системы). Вторые – нацелены на исследования «серии» случаев, выявляя связь между определёнными характеристиками и факторами (например, между уровнем жизни населения и политическим участием)¹. И всё-таки, более обоснованным представляется деление на уровни сравнения в зависимости от количества исследуемых случаев, обозначая *три основных уровня сравнения – глобальные, бинарные сравнения и сравнительно-ориентированные исследования «случая»*. Главное отличие между ними в восхождении от статистического анализа к качественному, а, следовательно, в уменьшении уровня абстракции при интерпретации результатов сопоставления. Итак, рассмотрим методологические особенности каждого из обозначенных уровней сравнения более подробно.

Глобальные (или кросснациональные) сравнения,² в отличие от прочих, проходят все организационные стадии – от концептуализации до формирования выводов, и ориентированы на изучение всех существующих политических систем. К числу первых образцов подобных сравнений могут быть отнесены исследования политических устройств 158 древнегреческих государств-

¹ Hague R., Harrop M., Breslin S. Comparative government and politics. An introduction. – Houndmills, Basingstoke, Hampshire and London, 1998. – P. 273.

² Современная политическая компаративистика не устанавливает чёткого различия между названиями «глобальные сравнения» и «кросснациональные» сравнения, поэтому в данной работе они будут применяться как взаимозаменяемые.

полисов, предпринятые Аристотелем и группой его учеников. Сравнительный метод в изучении форм правления позволил Аристотелю осуществить их типологизацию, выделив «правильные» (монархия, аристократия и полития) и «неправильные» (тирания, олигархия и демократия) формы. В современном понимании сравнение считается глобальным, в случае если в нём «используются сопоставимые данные по двум или более обществам»¹. Однако, чаще стратегия такого сравнения всегда направлена на расширение объектной области – на увеличение числа сравниваемых систем, поэтому в строгом смысле глобальными могут называться такие сравнительные исследования, объектная область которых достаточно велика, и включает более двух случаев. В теории объектная область кросснациональных сравнений может определяться как рамками части света или объединения государств, (например, Европы, или Европейского союза), так и стремиться охватить как можно большее количество политических систем. На практике же чаще объектная область таких сопоставлений включает более чем 20-30 политических систем, но не стремится «объять весь земной шар»². На глобальном уровне система исследуется во всей полноте, со всеми основными характеристиками, но при этом с ориентацией на количественную оценку результатов сравнения с помощью строго сопоставимых данных. Отсюда, *первая*, и сущностно главная, *методологическая особенность глобальных сравнений* – единица наблюдения и анализа – вся политическая система, исследуемая преимущественно статистически. Впрочем, это не означает, что в кросснациональных сравнениях политическая система как единица анализа не рассматривается как состоящая из определённых элементов. В любом случае, на этапе концептуализации компаративист осуществляет процедуру её сегментации, осуществляя тем самым выбор переменных и индикаторов сравнения.

¹ Рэйгин Ч. Особенности компаративистики // Современная сравнительная политология: хрестоматия. – М., 1997. – С. 34.

² См. подробнее об этом: Newton K., Van Deth J. W. Foundation of comparative politics. Democracies of the modern world. – Cambridge, 2010. – P. 402.

Из вышеизложенного логично вытекает *вторая методологическая особенность глобальных сравнений* – сравнительно высокий уровень абстракции мышления при определении общего подхода к пониманию изучаемых характеристик политической системы: чем объёмнее выбирается объектная область исследования, тем выше уровень абстракции применяемой системы понятий и результатов сравнения. Абстрагирование в исследовательской стратегии определяется также качеством политических систем, включённых в объектную область: чем сильнее различаются системы, тем выше уровень абстракции используемой системы понятий. Однако в целом в глобальных сравнениях политических систем используется как стратегия максимального различия, так и стратегия максимального сходства, хотя именно в случаях максимального различия сравнение на глобальном уровне является более логичным. По этой же причине не всякое сравнение требует кросснациональной перспективы. Ведь по «большинству политических вопросов – начиная с проблемы полномочий правоохранительных органов и кончая поиском коррелятов политической активности масс – мы можем получить исчерпывающие данные, исходя из опыта собственной страны»¹. Вместе с тем ряд задач современной политической науки с необходимостью требует проверки на как можно большем количестве стран. Например, нельзя ограничиться изучением одной политической системы, анализируя такие проблемы, как устойчивость институциональных дизайнов, факторы консолидации демократии, федерализм и политические режимы, партии и избирательные системы и т.д.

Третья методологическая особенность глобальных сравнений политических систем – применение системы индикаторов, определяющих предмет и объектную область сопоставления. «Индикатор, – пишет В.А. Ядов, – это внешне хорошо различимый показатель измеряемого признака. С его

¹ Мангейм Дж., Рич Р.К. Политология. Методы исследования. – М., 1997. – С. 329.

помощью устанавливается наличие или отсутствие признака, его состояние»¹. В социально-гуманитарном знании индикаторы представляют собой «доступную для наблюдения и регистрации характеристику явления»², причём чаще всего регистрация свойства того или иного явления с помощью индикатора носит не только качественный, но и количественный характер. В глобальных сравнительных исследованиях политических систем категория «индикатор» имеет более широкое толкование. Во-первых, в сравнительных исследованиях политической реальности индикатором может быть либо сама характеристика элемента политической системы, либо некоторое её значение, либо мера изменения состояния этой характеристики, поэтому в данном случае правомернее было бы говорить не об индикаторах, а об «индикаторных понятиях». Однако в специальной литературе чаще встречается формулировка «индикатор» (варианты – переменная, критерий, параметр сравнения)³. Индикаторы в кросснациональных сравнительных исследованиях политических систем отвечают двум методологическим требованиям, сформулированным ещё теоретиками бихевиорального анализа. Первое качество – теоретическая значимость, подразумевает возможность связи и соотнесения каждого индикаторного понятия с большей частью других применяемых категорий. Иначе говоря, составляя систему индикаторов, компаративист с одной стороны, следит за её теоретической и терминологической «чистотой», с другой, – за её интересубъективностью и применимостью ко всем или большинству сравниваемых случаев. Второе качество – точность, характеризуется стремлением индикатора «относиться к одному и только одному множеству

¹ Ядов В.А. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности. – М., 1999. – С. 134.

² Зерчанинова Т.Е. Исследование социально-экономических и политических процессов. – М., 2010. – С. 141.

³ Современная сравнительная политология не устанавливает чёткого сущностного различия между этими названиями. Так, по мнению некоторых политологов «переменная» – более широкое понятие, предполагающее высокий уровень абстракции, чем понятие «индикатор», но поскольку такое мнение не является доминирующим, мы будем рассматривать их как синонимичные и близкие по значению.

свойств некоторого явления»¹. В данном случае речь идет о том, что в системе индикаторов сравнения не должно быть переменных, содержательно дублирующих друг друга. Во-вторых, в сравнительных политических исследованиях особую значимость приобретает нацеленность индикатора на выявление не только наблюдаемых значений исследуемого объекта, но и ненаблюдаемых (латентных). Эвристические цели и возможности данного различения, выражаясь словами Р. Мертона, заключаются в том, что оно помогает правильно «интерпретировать многие социальные обычаи, которые сохраняются, несмотря на то, что их явная цель точно недостижима»². В современных обществах именно политические институты имеют наибольшее количество латентных функций и дисфункций. На этом положении основывается один из важнейших постулатов сравнительного анализа политических систем – принцип функциональной эквивалентности. Суть его заключается в том, что при сравнении политики необходимо учитывать тот факт, что одна и та же функция в рассматриваемых системах может выполняться разными институциональными структурами, и что одни и те же институциональные структуры в сравниваемых политических системах могут выполнять различные функции.

Четвёртая методологическая особенность глобальных сравнений политических систем определяется объёмом объектной области и связана с их назначением, и поскольку объектная область глобальных сравнений велика, а политические системы изучаются во всей совокупности характеристик, то большинство из них направлены на типологизацию или ранжирование систем по одному или нескольким признакам. Типологизация, по выражению М. Догана и Д. Пеласси, есть процедура, задача которой «наиболее значимо объединить полученные данные»³. Иными словами, ранжируя и объединяя политические системы в группы, исследователь основывается только на постоянных взаимосвязях между элементами политической системы, получая

¹ Мангейм Дж, Рич Р.К. Указ. соч. – С. 51-52.

² Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. – М., 2006. – С. 162.

³ Доган М., Пеласси Д. Сравнительная политическая социология. – М., 1994. – С. 209.

типологии – результаты процесса типологизации. Современная политическая наука располагает достаточным количеством вариантов подобных типологий. Так, например, к их числу относится деление политических систем на первый, второй и третий миры, в котором «третий мир» включает страны, где развитие науки и технологий идёт заметно более низкими темпами. В целом, типологизация как методологический приём может быть теоретической и эмпирической. В первом случае, типология составляется, подчиняясь логике теории, где компаративист основывается на результатах предыдущих исследователей. Такая типология носит доопытный характер, подтверждаясь, опровергаясь, уточняясь, исправляясь в процессе сравнения. Во втором случае типология выступает результатом сравнения и строится преимущественно на основе собранного эмпирического материала в процессе сравнения конкретных свойств изучаемых политических систем.

К числу известных типологий политических систем относятся также их деления на западные и восточные цивилизации; развитые, развивающиеся и наименее развитые страны; долговременные (устойчивые, старые) демократии, переходные (транзитные, новые) демократии и недемократические режимы. Часто в качестве основания типологии выступают показатели экономического развития политических систем, поскольку они имеют «сравнительно одинаковый смысл во всех странах мира»¹. Р.И. Хофферберт и Д.Л. Сингранелли подчёркивают, что основные вопросы этого направления сравнительного анализа политических систем были поставлены ещё в исследованиях 1960-х годов, а расцвет их приходится на 1970-е годы. Большинство компаративистов в этом контексте пытаются найти ответ на вопрос, в какой степени различия политического курса, проводимого правительствами, определяются социально-экономическими условиями принятия решений². С тех пор и по настоящий момент проблема

¹ Доган М., Пеласси Д. Указ. соч. – С. 149.

² См.: Хофферберт Р.И., Сингранелли Д.Л. Социальная политика и управление: сравнительный политический анализ // Политическая наука: новые направления. – М., 1999. – С. 569.

экономического развития и его влияния на политическое устройство и демократический прогресс является либо главной, либо одной из составляющих в кросснациональных сравнениях. Так, Ч.Ф. Эндрейн, анализируя процесс, «в ходе которого привносимые... ценности трансформируются в те или иные приоритеты текущей политики, такие, как, например, стимулирование экономического роста или уравнивание доходов»,¹ выявляет четыре типа политических систем – бюрократическую, авторитарную, согласительную и мобилизационную, связывая особенности функционирования каждой из них с идеей социального прогресса. Применение макроэкономических показателей имеет и некоторые ограничения, которые были сформулированы ещё в рамках критики объяснительных моделей экономического неинституционализма. Их общий контекст сводится к тезису – «политическая жизнь не идентична экономической».

Большое влияние на развитие методологии глобальных сравнительных исследований политических систем оказали также широко распространенные сегодня типологии, связанные с проблемой демократии, её развития и моделей. Этот вопрос заслуживает отдельного внимания, поскольку де-факто вся «логика сравнительного анализа политических систем предстаёт как логика развития их измерителей – индексов демократии»². Таким образом, мы можем обозначить *пятую методологическую особенность глобальных сравнений политических систем* – применение индексного метода. «Индексный метод, – пишет Т.Н. Митрохина, – это один из способов перехода от абстрактного выражения качеств явления к набору конкретных показателей, полученных в результате наблюдения за изучаемым феноменом, или один из способов операционализации теоретических понятий»³. «Построение индекса заключается в сведении сложных данных в единый показатель, который

¹ Эндрейн Ч.Ф. Сравнительный анализ политических систем. Эффективность осуществления политического курса и социальные преобразования. – М., 2000. – С. 8.

² Сморгун Л.В. Сравнительная политология. – СПб., 2012. – С. 11.

³ Митрохина Т.Н., Баскакова Ю.М. Индексный анализ в сравнительной политологии // Современное общество: человек, власть, экономика. – Саратов, 2002. – С. 108.

отражает значение понятия полнее, чем любой из его компонентов»¹. В политической науке выделяется три основных типа построения индексов – аддитивные, мультипликативные и взвешенные. Первые состоят из данных одной и той же базовой переменной, но включенных в различной мере. Вторые – отражают меры различных сторон элемента политической системы и не допускают суммирования. Третьи – основываются на данных, которые, прежде чем стать единым показателем, нуждаются во «взвешивании» через соотнесение с эталоном. В таком случае говорят, что данные подвергаются «преобразованию» в целях получения более точного результата сравнения, с минимальными признаками искажения. В целом же, преобразование данных в глобальных сравнениях осуществляется с помощью стандартизации – процедуры, посредством которой учитываются все возможные расхождения между сравниваемыми случаями в рамках определенного набора переменных. Так, например, сравнивая степень милитаризации расходов бюджета стран, исследователь стандартизирует данные, переводя их в процентное отношение к валовому национальному продукту². В индексных измерениях исследователь может опираться на данные различной природы, в том смысле, что степень их надёжности неодинакова. Практика показывает, что показатели надёжности убывают в таких данных, как переписи, официальная статистика, опросы общественного мнения, анализ публикаций, событийная информация, экспертные опросы.

Современные индексы демократии настолько многообразны, что могут позволить себе комбинацию данных различной природы в сочетании со сложной логикой и формой построения. Вместе с тем, в конечном итоге все они выстраивают политические системы по шкале, фиксирующей их приближённость к сформированному в рамках индекса «демократическому идеалу». Условно среди индексов демократии можно выделить *обобщённые и субстанциальные* (термины Л. В. Сморгунова). Обобщённые индексы

¹ Мангейм Дж., Рич Р.К. Указ. соч. – С. 303.

² См.: Там же. – С. 303-310.

ориентированы на учёт максимально возможного комплекса характеристик. Так, например, индекс институциональной демократии Т. Гарра (проект Polity 4)¹ сосредотачивает внимание на анализе формальных институтов, операционализируя понятие «демократия» через характеристики исполнительной власти и политического участия, не связывая перспективы её развития ни с чем, кроме особенностей политического устройства. В нём «в анализ включаются такие переменные, которые выполняют сходные функции и имеют похожую структуру»², что делает его с процедурной точки зрения достаточно понятным. Более широкую трактовку предлагает индекс качества демократии Democracy Ranking Association (The Democracy Ranking the quality of democracy 2014)³. В нём раскрываются такие переменные, как политическая система, экономическая система, гендерное равенство, образование, здравоохранение и окружающая среда. На уровне методологии можно заметить некоторые общие тенденции, отличающие обобщённые демократические индексы. Во-первых, центральным вопросом в них остаётся вопрос о власти и политическом контроле, а не, например, о соотношении экономического и демократического успехов. Так, например, Сингапур традиционно рассматривается в них как страна, далёкая от «демократического идеала», хотя и имеет высокие экономические показатели, стремится к социальному равенству и практикует устойчивое развитие. Кроме того, во-вторых, такие индексы по большей части основываются на данных экспертных опросов, что делает актуальной проблему надёжности результатов сопоставления. И, наконец, в-третьих, часть из них имеет комплексную методологию, не предлагая в своей методике новых актуальных переменных, а лишь применяя

¹ См. подробнее о методологии индекса институциональной демократии Т. Гарра на официальном сайте проекта: <http://www.systemicpeace.org/polity/polity4.htm>.

² Мельвиль А.Ю. Как измерять и сравнивать уровни демократического развития в разных странах? (По материалам исследовательского проекта «Политический атлас современности»). – М., 2008. – С. 44.

³ См. подробнее о методологии индекса качества демократии Democracy Ranking Association (The Democracy Ranking the quality of democracy 2014) на официальном сайте проекта: http://democracyranking.org/?page_id=831.

оригинальную аналитическую модель исследования вторичной информации (например, индекс качества демократии Democracy Ranking Association).

Субстанциальные индексы в этом отношении являются в большей степени оригинальными («авторскими»), поскольку имеют более низкий уровень обобщённости, не стремясь охватить весь комплекс основных демократических характеристик, связывая успех демократического развития с одним или двумя параметрами, которые признают центральными. Одним из первых сосредоточил своё внимание на индексном измерении демократического развития Ф. Картрайт. Он видел свою задачу в дополнении исследования демократии С. Липсета, показавшего зависимость между условиями благосостояния граждан, их образованностью, уровнями индустриализации и урбанизации и режимными характеристиками политической системы¹. В исследовании Ф. Картрайта каждая нация попадает в условный «континуум развития», позволяющий сравнивать её с любой другой нацией в мире². Через такие переменные, как политический плюрализм и влияние оппозиции, реализация права избирать и быть избранным, он исследует институциональный дизайн национальных политических систем, сосредотачивая внимание, прежде всего, на государственных институтах – законодательных и исполнительных органах, а также политических партиях.

Современные компаративисты предлагают более сложные субстанциальные индексные решения, к числу подобных примеров можно отнести индекс демократизации Т. Ванханена и индекс трансформации Ф. Бернтельсманна. Разрабатывая индекс демократизации, Т. Ванханен и его коллеги предпринимают ряд исследовательских проектов³, в которых в

¹ См.: Zahra F. Arat Democracy and economic development: modernization theory revisited // Comparative Politics. – Vol.21. – №1. – P. 21-36.

² См.: Cutright Ph. National political development: measurement and analysis // Empirical democratic theory / Ed. by Cnudde Ch., Neubauer D. – Chicago, 1969. – P. 195.

³ См. подробнее: Vanhanen T. The emergence of democracy: a comparative study of 119 states, 1850-1979. – Helsinki, 1984; Vanhanen T. The process of democratization: a comparative study of 147 states, 1980-1988. – N.Y., 1990; Vanhanen T. Prospects of democracy: a study of 172 countries. – N.Y., 1997; проект «Демократия и мир: северная модель», апробировано исследование «Демократизация в 2000 г.: каузальный анализ 170 стран» (2000-2002 гг.).

качестве главного фактора, объясняющего, почему одна политическая система более демократична, чем другая, выделяется распределение ресурсов в системе. Так, если ресурсы распределены в политической системе между несколькими общественными группами, то они получают возможность распределять и власть, если же большая часть ресурсов сконцентрирована у одной группы, то она получает властную монополию, и, следовательно, такая политическая система может быть охарактеризована как «автократическая». Ресурсы, по мнению Т. Ванханена, трактуются предельно широко и включают в себя такие переменные, как количество населения, занятого в индустриальном секторе экономики, количество собственников земли, уровень урбанизации, и, что особенно важно – процент грамотных относительно общего числа жителей, а также количество студентов высших учебных заведений на 100 тысяч жителей страны. Более того, непосредственная зависимость между интеллектуальным потенциалом¹ и уровнем развития демократии в политических системах с точки зрения Т. Ванханена является универсальной, и не зависит от их культурных, экономических, исторических и прочих характеристик. Априори «нации с высоким средним IQ имеют более высокие доходы на душу населения, что позволяет им обеспечить лучшее питание, образование и медицинское обслуживание для детей, а эти меры в свою очередь, увеличивают интеллект детей»². Формула расчёта индекса демократизации Т. Ванханена точна и проста, включает в себя две основных переменных – уровень конкуренции и уровень электорального участия. Первый фиксируется через процент голосов или мест в парламенте, полученных всеми политическими партиями относительно партии-доминанта. Второй – через количество человек, действительно принявших участие в выборах по отношению к общему количеству населения. Эти показатели перемножаются между собой и делятся

¹ Заметим, что в исследовании «Демократизация в 2000 г.: каузальный анализ 170 стран» (2000-2002 гг.) Т. Ванханен использует в качестве переменной показатель национального IQ, отражающий средние показатели интеллектуального потенциала населения.

² Раштон Ф. Рецензия на книгу Ричарда Линна и Тату Ванханена «IQ и глобальное неравенство» // *Personality and Individual Differences*. – 2006. – Т.41. – С. 985.

на сто. Корреляция между показателями уровня национального IQ и степенью демократизации является наиболее уязвимым для критики положением индекса демократизации Т. Ванханена. Впрочем, проведённые замеры показывают обоснованность её обозначения и согласованность показателей, в том числе и по национальной линии. Если европейские нации имеют средний показатель IQ в пределах 92-102, то представители наций Суб-Сахарной Африки имеют IQ не выше 73, что не может соответствующим образом не отражаться на развитии демократических процедур в этих политических системах¹.

Индекс трансформации Ф. Бернтельсманна, разработанный немецкими политологами, позволяет осуществлять «сравнительный анализ уровня развития демократии и рыночной экономики, а также качества политического управления в 119 странах мира»². Из названия индекса следует, что он ориентирован на политические системы «переходного типа» – находящиеся в стадии трансформации. Методология построения индекса включает как количественные показатели, так и качественные оценки. Так, статусный индекс (Status Index) представляет собой среднее арифметическое между числовыми показателями прогресса в политическом и экономическом развитии, в общей сложности включает 32 переменные. Индекс управления (Management Index) включает 6 индикаторов, характеризующих развитие гражданского общества и сложность процесса управления³. В итоге «вся аналитическая информация, входящая в индекс трансформации Р. Бернтельсманна, включает в себя почти 7000 отдельных оценок»⁴. По мнению разработчиков, высокие эвристические возможности индекса определяются стремлением учесть большое количество не только политических, но и социально-экономических характеристик сравниваемых политических систем.

¹ Раштон Ф. Указ. соч. – С. 985.

² Мельвиль А.Ю. Указ. соч. – С. 54.

³ См. подробнее о методологии индекса трансформации Р. Бернтельсманна на официальном сайте фонда Р. Бернтельсманна: <http://www.bti-project.de/index/>.

⁴ Доннер С., Хартман Х. Индекс трансформации: введение // Свободная мысль. – 2010. – №7. – С. 9.

Российские политологи также разработали субстанциальный индекс развития демократии – *индекс институциональных основ демократии*, созданный коллективом специалистов под руководством А.Ю. Мельвиля. Политологи, опираясь на опыт коллег и предшественников, убеждаются, что не может существовать универсальных моделей развития политических систем, напротив, политическое развитие – процесс разновекторный, требующий большого количества измерений. Уделяя внимание операционализации понятий, при разработке методологии индекса, авторы не стремились трактовать демократию слишком широко, или излишне узко. В первом случае политическая система считается демократической, если таковым является не только её система управления, но и черты политической культуры, традиции, политическое участие, что делает предмет сравнения размытым. Во втором – демократия трактуется в традициях Й. Шумпетера как «определённый тип институционального устройства для достижения законодательных и административных политических решений»¹. Иначе говоря, исходя из понимания демократии как «режима с определёнными процедурами и неопределёнными результатами»² и опираясь на два базовых параметра – соревновательность и включённость, разработчики применяют такие переменные индекса институциональных основ демократии, как возраст непрерывной минимальной электоральной традиции, специфика парламентской конкуренции и конкуренции при формировании исполнительной власти, доля женщин в нижней палате парламента³.

Анализируя методологию субстанциальных индексов демократии, замечаем, что, во-первых, «коэффициенты корреляции между различными мерами демократии в целом достаточно высокие, что свидетельствует о приблизительно одинаковом наполнении предложенных индексов»⁴. Хотя в

¹ Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия. – М., 1995. – С. 322.

² Пшеворский А. Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке. – М., 2000. – С. 28-33.

³ См.: Мельвиль А.Ю. Указ. соч. – С. 70-84.

⁴ Сморгун Л.В. Указ. соч. – С. 267.

каждом из них выявляется индексная доминанта, например, уровень IQ, развитие гражданского общества и т.д. Во-вторых, субстанциальные индексы развития демократии стремятся к увеличению своей объектной области, и в этом отношении приближаются к обобщённым измерениям. Если первые из них включали чуть более двадцати стран (например, индекс демократического действия Д. Нейбауэра), то на современном этапе их объектная область достигает, в среднем, ста пятидесяти стран. В-третьих, в большинстве из них логика операционализации категории «демократия» включает переход от формальной её стороны (через преимущественно институциональное измерение) к неформальной (через процессуальные и поведенческие измерения). В-четвёртых, процедура и формула расчёта индексов демократии всё более усложняется, включая в себя большие объёмы аналитической информации и простых количественных оценок. В-пятых, разнообразие методологии индексов развития демократии, а вместе с ними и глобальных сравнений политики свидетельствует о постоянном совершенствовании этой области сопоставлений политических систем.

Возвращаясь к разговору о *методологических особенностях глобальных сравнений политических систем*, фиксируем *шестую*, которая одновременно является их неоспоримым методологическим преимуществом: глобальные сравнения способны «проследивать сопутствующие изменения на материале значительного количества различных контекстов»¹. Глобальные сравнения ставят целью получение широких обобщений, претендующих на роль закономерностей политического знания, роль глобальных тенденций. Значительное число исследуемых случаев способствует тому, что «запутывающие картину» показатели фактически «вымываются» из аналитического ракурса, когда другие, «потенциально значимые для объяснения» изучаемых характеристик системы, переменные остаются под контролем компаративиста². Такая возможность позволяет компаративисту

¹ Сравнительная политология / Под ред. Гаман-Голутвиной О.В. – М., 2015. – С. 77.

² Там же. – С. 77.

генерализировать полученные выводы на широкую совокупность структур, функций или систем в целом, а также преодолевать так называемый «изоляционизм» в политической науке. Кроме того, в этом контексте глобальные сравнения имеют тесную связь с иными уровнями сопоставления, определяя их объектную область через выявление отклоняющихся случаев, то есть являющихся исключением из общей закономерности, что делает возможным сравнение не на глобальном, а на среднем уровне, где оно имеет выраженный качественный характер.

Итак, глобальные сравнения политических систем позволяют осуществлять статистический анализ большого количества как различающихся, так и сходных между собой национальных политических моделей. Методологическая значимость данного уровня сравнений заключается в том, что случаи исследуются не «изолированно», а с учётом большого количества «контекста». Большинство глобальных сравнений нацелено на ранжирование и классификацию политических систем посредством индексного метода, который позволяет сводить в единый показатель несколько характеристик, в совокупности наиболее полно отражающих значение предмета сравнения, и сформированных одинаково в каждой из сопоставляемых систем. Подобный методологический подход относится к «переменно-ориентированным». Опираясь на количественную методологию, кросснациональные сравнения политических систем также сталкиваются с фундаментальными проблемами всех количественных исследований. К их числу относятся такие, как несводимость реального объекта сравнения к комбинации переменных, ограниченность выбора исследуемых случаев, надёжность применяемых данных, некорректная концептуализация и интерпретация. Вместе с тем, только глобальные сравнения позволяют получать обобщения высокого уровня абстракции, обновляя политическую теорию и практику. Менее широкие обобщения формируются на уровне бинарных сравнений, методология и методика которых будет рассмотрена далее.

2.2 Методология бинарных сравнительных исследований политических систем

Бинарное сравнительное исследование политических систем направлено на выявление общего и особенного в развитии двух национальных систем политики. Данная исследовательская стратегия имеет широкое применение, и, по выражению М. Догана и Д. Пеласси, является «самой обычной», но не лишённой ряда методологических сложностей. И, первая из них, как и в глобальных сравнениях, лежит в области ответа на вопрос: какие страны включить в объектную область исследования? Кажется, что искомое решение столь очевидно, что не заслуживает специального обсуждения. Однако представляется необходимым оспорить эту точку зрения. Проблема заключается в том, что в отличие от уровня глобальных сравнений, где по большому счёту количество сравниваемых случаев не подлежит жёсткому ограничению, в бинарных сравнениях компаративист может выбрать только две страны. Ограничение объектной области сравнения двумя странами, с одной стороны, может рассматриваться как достоинство, с другой, – как недостаток данного уровня сопоставлений. И если в первом случае мы отмечаем относительную простоту и сравнительно невысокую трудоёмкость бинарной стратегии, то во втором, подчёркиваем, что часто «сравнение одних пар стран представляет интерес, тогда как других даёт лишь малозначащие результаты»¹. Причём на глобальном уровне сравнения полученные следствия могут быть малозначимы для половины, или даже для большинства изучаемых политических систем, в бинарных сравнениях неверное определение объектной области исследования, скорее всего, приведёт к полной несостоятельности полученных результатов.

В связи с этим *первой важной методологической особенностью бинарных сравнений политических систем* является точное определение объектной области исследования. Что же оказывает влияние на определение объектной области в сопоставлениях бинарного уровня? Ответ прост:

¹ Доган М., Пеласси Д. Указ. соч. – С. 180.

поскольку данные сравнения ограничены рамками двух политических систем, то первым и самым важным фактором, определяющим, что это будут за системы, является предмет исследования. Это свидетельствует о том, что на уровне бинарных сравнений, также как и на уровне сравнений глобальных, организация работы начинается с процедур концептуализации и сегментации. Определяя общий подход к пониманию изучаемых характеристик, компаративист вырисовывает предмет сравнения, выявляя соответствующую систему переменных, и всё более ограничивая объектную область, пока она не очертится рамками двух подходящих случаев. Кроме того, в бинарных сравнениях, определяя предметную область анализа, исследователь в меньшей степени претендует на всеохватываемость структур и процессов политической системы, акцентируя внимание на более конкретных её характеристиках, что также способствует естественному ограничению объектной области сравнения. В этом отношении бинарные сравнения значительно больше ориентированы на исследование внутрисистемного «контекста», чем глобальные, выражаясь языком Э. Дюркгейма, социальные факты в них анализируются не только как объективно данные, но и как выражения ценностей, лежащих в основе достигнутого согласия между субъектами политики. В целом качественная ориентация бинарных сравнений позволяет «выявить тонкие каузальные механизмы, которые сложно изучать на значительных массивах данных, предлагая сложные комбинированные объяснения политических явлений и процессов»¹.

Рэйгин Ч., Берг-Шлоссер Д., де Мёр Ж. в своей статье «Политическая методология. Качественные методы» называют такое ограничение «*сферой гомогенности*», в которой случаи должны быть сопоставимы в чётко определённых измерениях, а, значит, в «достаточной степени походить друг на друга». Исследователи также замечают, что в ходе сравнения пределы сферы гомогенности могут меняться в процессе установления сходств и различий

¹ Сравнительная политология / Под ред. Гаман-Голутвиной О.В. – М., 2015. – С. 78.

между анализируемыми политическими системами¹. Иначе говоря, в бинарных сопоставлениях сравниваемые системы должны соответствовать определённым «пределам разнообразия». Так, например, рассматривая вопрос о соотношении рыночной экономики и демократии, можно выделить как минимум две политические системы – Сингапура и Китая, которые попадают в особую группу. Они демонстрируют, что можно долго следовать курсу свободного рынка и сохранять при этом авторитарный режим, что доказывает невозможность линейной траектории развития, ведущей исключительно к демократии и рыночной экономике, как полагали теоретики ранних концепций модернизации. Кроме того, гомогенность часто определяется через естественные ограничения в пространстве и времени, определяющие сопоставимость анализируемых случаев. В первом случае речь идёт о сопоставлении стран, представляющих один географический регион. Во втором – о кросс-темпоральных сравнениях, в которых либо сравнивается одна политическая система, но в разное время, либо сопоставляются две системы, но в разные периоды исторического развития. Однако включение временной переменной порождает дополнительные методологические проблемы, центральной среди которых является проблема сравнимости. Это также свидетельствует о том, что не всякое кросс-темпоральное сопоставление целесообразно, и позволяет получить научно значимые результаты.

Продолжая тему определения объектной области в сопоставлении двух политических систем, мы замечаем, что наибольшую эффективность метод бинарного сравнения получает при применении к странам, «имеющим сходные контекстуальные особенности, даже если цель анализа состоит в том, чтобы выявить различия, существующие между ними в одной и более специфических областях»². Отсюда вытекает *вторая методологическая особенность бинарных сравнений политических систем*, заключающаяся в том, что наибольшую эффективность такие сравнения получают в случае, если в них

¹ См.: Рэйгин Ч., Берг-Шлоссер Д., Мёр Ж. де. Политическая методология: качественные методы // Политическая наука: новые направления. – М., 1999. – С. 732-733.

² Доган М., Пеласси Д. Указ. соч. – С. 179.

рассматриваются относительно похожие политические системы. С. Липсет в этой связи замечает, что политические системы в бинарных сравнениях могут характерно различаться, но данное отличие всегда должно иметь отношение к предмету анализа¹. Так, например, определяя в качестве предмета исследования успехи в искоренении бедности и повышении уровня благосостояния граждан, компаративист точно выберет страны, наиболее преуспевшие в этом компоненте, но, выражаясь словами С. Липсета, «характерное различие» между этими государствами будет в том, какими путями они пришли к этому социально-экономическому успеху. Исходя из такой методологической установки, для бинарного сравнения могут быть выбраны политические системы, отличающиеся по тем или иным характеристикам от большинства других систем, но объединённые с ними в одну группу на основе конкретных критериев. Этот тезис раскрывает главное преимущество бинарных сопоставлений политических систем в сравнении с прочими: в них не упускается ни общее, ни особенное. «Сравнение двух стран, – замечают М. Доган и Д. Пеласси, – естественно, повышает интерес к каждой из них, и, что особенно важно, здесь подчёркиваются их главные характеристики и самобытность... Во многих случаях этот метод может также способствовать лучшему пониманию общих явлений»². На бинарном уровне компаративист получает возможность фиксировать переменные различного уровня, институционально-процедурного (структурного) или ценностно-поведенческого (культурного), что не всегда допускается, когда объектная область сравнения достаточно широка. Кроме того, сравниваемые страны, представляя собой иллюстрации, имеющие индивидуальные особенности, но относящиеся к общему широкому теоретическому обобщению, позволяют дополнить это обобщение новым знанием, углубив понимание причинно-следственных связей между элементами системы. В целом же стратегия, ориентированная на применение наиболее похожего дизайна на уровне

¹ См.: Lipset S. The social requisites of democracy revisited. 1993 Presidential address // American sociological review. – 1994. – Vol. 59. – №1. – P. 153-213.

² Доган М., Пеласси Д. Указ. соч. – С. 177.

бинарного сравнительного анализа политических систем наиболее эффективна ещё и потому, что дизайн наиболее различных систем, скорее всего не позволит получить результат одинаково значимый для обоих сопоставляемых случаев. Более того, такой результат не может быть генерализирован на прочие схожие случаи, не вошедшие в объектно-предметную область конкретного сравнения.

Третья методологическая особенность бинарного сравнения политических систем определяется его целью, которая может быть направлена либо на поиск сходных черт, либо на поиск различий. Даже несмотря на то, что при сравнении двух стран анализируются относительно похожие политические системы, организация сравнения будет различаться в зависимости от того, на чём делает акцент компаративист – на различиях, или на сходствах систем. Так, например, исследователи могут заняться изучением форм политического участия среди молодёжи в двух выбранных странах континентальной Европы, чтобы выявить общие черты, присущие демократиям этого региона. Или же компаративисты могут выбрать предметом сравнения авторитарные режимы, выявляя различия между ними, как двумя в основном похожими политическими системами. В первом случае система индикаторов сравнения должна быть выстроена таким образом, чтобы установить определённое сходство между сравниваемыми системами, во втором случае, так, чтобы выявить особенности двух стран, лучше объяснить причинные взаимосвязи. Иначе говоря, в данных ситуациях компаративист изначально ставит разные цели, имеет разные отправные мотивы и формулирует разные гипотезы в том смысле, что первая направлена на признание различия и выявление сходства, во втором случае – на признание сходства и выявление различия.

Четвертая методологическая особенность бинарных сравнений политических систем, впрочем, справедливая и для других уровней сопоставления, заключается в том, что сравнивая две относительно похожие политические системы, исследователь, акцентируя внимание на интересующих его характеристиках, может предполагать «нейтрализацию» других характеристик для того чтобы качественно проанализировать параметры,

определяющие предмет сравнения. Если на уровне глобальных сравнений такое допущение не так заметно ввиду объёмной объектной области и претензии на обобщенность результатов, то на уровне бинарных сравнений оно всегда более явно. По этой причине компаративисту необходимо точно определять объект и предмет исследования, какие характеристики политических систем он анализирует, а какими условно пренебрегает. Важно, что при сопоставлении двух стран предмет будет определять объект, а не наоборот. Так, например, сравнивая Великобританию и Японию как островные государства и индустриально развитые страны, исследователь может рассматривать в качестве нейтральных культурные различия между этими государствами. Однако, вероятнее всего, именно культурные различия и будут играть роль «характерных отличий», определяющих пути достижения индустриальных успехов двух стран. В этом примере религиозно-культурные влияния будут относимы к эффективным критериям отбора случаев для объектной области сравнения. Данная методологическая особенность восходит идеям Дж. Милля, утверждавшего, что ограничение числа сравниваемых переменных позволяет увидеть воздействие тех факторов, которые определяют предмет анализа, поскольку всякое научное исследование состоит, прежде всего, в объяснении следствий и их причин¹. Иными словами, стремясь получить научно значимые и убедительные выводы, компаративист с необходимостью производит тщательный отбор подлежащих сопоставлению элементов политической системы, а, только затем выбирает страны, подходящие для анализа под сформированный набор переменных.

Продолжая тему объектной области и предмета сопоставительного анализа, отмечаем *пятую методологическую особенность бинарных сравнений политических систем*, которая заключается в том, что в них сходство двух стран не всегда определяется их географическим положением. С первого взгляда, такая закономерность кажется очевидной, однако на практике бинарному сравнению чаще всего подлежат страны, определяемые именно

¹ Милль Дж. Ст. Система логики. – М., 1899. – С. 733.

географической близостью. Такая стратегия называется региональной и имеет как достоинства, так и недостатки, однако все-таки, по общему мнению компаративистов, признаётся наиболее простым в методологическом отношении видом бинарного сравнения. Близкое расположение двух стран на карте мира определяет схожесть не только их географических, но, и культурных, экономических, политических и прочих условий. Эти условия компаративист принимает как константы, не просто «нейтрализуя» их, а, скорее, и вовсе игнорируя. Такой принцип отбора случаев для определения объектной области сравнения помогает решить ряд методологических проблем, которые неизбежно возникают перед компаративистом, например, такие, как проблема сравнимости, проблема концептуальной эквивалентности. Вместе с тем, как отмечает В.А. Ачкасов, главный методологический риск заключается в том, что «исследователь, выбирая географически и культурно близкие страны, абстрагируется от фактора их взаимного влияния (или влияния одной страны – лидера региона), а это иногда в решающей степени определяет их подобие».¹ Кроме того, важно, ограничивая область исследования географическими рамками, концептуально (теоретически и методологически) ориентироваться на глобальные проблемы и закономерности (тенденции), не оставаясь только лишь в рамках региона. В противном случае, велика вероятность того, что результаты будут малозначимы как в теоретическом, так и в практическом плане. Кроме того, не всегда государства, близкие по географическим характеристикам, близки по экономическим, культурным и политическим. Так, например, соседство Таиланда и Филиппин не даёт достаточных оснований для проведения аналогий между ними. Или же, анализируя страны Западной (или Восточной) Европы как наиболее часто сравниваемые объекты, несмотря на индивидуальные особенности этих государств, географическая близость (а для некоторых и общее прошлое) позволяет исследователю предполагать, что они обладают значительным сходством. В то время как де-факто сопоставление двух систем этих регионов часто не даёт ожидаемых впечатляющих

¹ Ачкасов В.А. Сравнительная политология. – М., 2011. – С. 32.

результатов, поскольку в данном случае именно географическая близость делает их индивидуальные особенности заведомо очевидными.

По этой причине, с точки зрения методологии сравнения похожесть политических систем должна определяться не только географическим положением, но и институционально-процедурными (структурными) или ценностно-поведенческими (культурными) характеристиками. Часто, либо те, либо другие недооцениваются компаративистами, что в итоге искажает результаты сопоставления. Так, если мы сравниваем страны с пропорциональной избирательной системой, то определяем их похожесть на институционально-процедурном уровне, если же мы сопоставляем средиземноморские государства, то ориентируемся не только на их географическую близость, но и на культурную общность. «Исторические факторы сохраняют значение, – замечает Р. Инглхарт, – и преобладающие в обществе ценностные ориентации являются продуктом взаимодействия движущих сил модернизации и сдерживающего влияния традиций».¹ Более того, среди государств, существовавших и существующих на карте мира можно найти те, которые географически не являются соседями, но имеют сходные институциональные и культурные черты. Данное утверждение будет справедливым, например, для Германии и Японии середины прошлого столетия – периода второй мировой войны. Однородная объектная область сравнения на институционально-процедурном или на ценностно-поведенческом уровне позволяет оставить вне предметной области такие переменные, которые не обеспечивают сущностного дифференцирования политических систем. Так, например, понятие «многопартийная система» в применении к государствам Суб-Сахарной Африки оказывается неопределённым, чтобы на его основе можно было выбрать две страны для сопоставления политических ситуаций. Иными словами, в бинарных сравнениях общность политических систем на институционально-процедурном или ценностно-поведенческом уровне даёт

¹ Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: последовательность человеческого развития. – М., 2011. – С. 16.

возможность компаративисту анализировать системы более глубоко, особенно в случае если сама однородность не является самоцелью исследователя.

Компаративисты также отмечают, что исследователю не всегда бывает просто различать институционально-процедурный (структурный) и ценностно-поведенческий (культурный) уровни сопоставления, поскольку в большинстве случаев сходство на одном из них приводит к похожести стран и на другом. Так, например, говоря о политической культуре, большая часть политологов не ограничивает её только сферой сознания. Политическая культура трансформирует политическое поведение настолько сильно, что проявляется не только в представлениях о политической системе, политическом процессе и политическом курсе, но и в относительных устойчивых моделях поведения субъектов политики, в институциональном дизайне. При этом в бинарных сравнениях, имея возможность исследовать глубоко, компаративист всё-таки вынужден выбирать, на чём делать акцент, из каких переменных формировать предмет сравнения: структурных или культурных? Нередко бывает и так, что объединяющая политические системы характеристика может являться единственным основанием, определяющим их похожесть, что вместе с тем не означает, что эти системы не могут стать объектами бинарного сравнения. В таком случае сравнение всегда будет происходить в той точке, где сходство пересекается с различием. Такая стратегия бинарных сопоставлений позволяет компаративистам сконцентрироваться на индивидуальных особенностях сравниваемых стран, исследуя их как «особые» наиболее различающиеся (контрастные) случаи.¹ Так, например, сравнение Франции и Китая, как политических систем запада и востока, позволяет компаративисту анализировать данные случаи как различные. В этом контексте необходимо подчеркнуть, что у стратегии «наибольшего различия» есть одно важное методологическое преимущество. Она позволяет получать действительно «сильные» в теоретическом и практическом плане обобщения в том смысле, что выявляет только те измерения, которые имеют значение и производят

¹ Доган М., Пеласси Д. Указ. соч. – С. 200.

искомое изменение. «Если какой-то фактор одинаково действует в совершенно разных странах, – замечает Г.В. Голосов, – это должен быть действительно важный фактор»¹. Общая стратегия и организация такого сравнения также в целом понятна, поскольку нацелена на максимально объективное объяснение наличия у случаев идентичных характеристик. Кроме того, как замечает В.А. Ачкасов, «принцип максимального различия систем позволяет лучше контролировать факторы, способные исказить результаты, и потому он обеспечивает и большую надёжность полученных результатов»².

С исторической точки зрения *сравнения контрастных политических систем* связаны со становлением теории модернизации, которая делает акцент на проблемах формирования политических институтов в условиях экономического роста. Причём в этом контексте большинство бинарных сравнений акцентировало внимание на внутрисистемных изменениях с течением времени, а большинство глобальных сравнений не учитывало временные параметры в силу широты объектной области. По этой причине, выбирая контрастные политические системы для бинарного сравнения сегодня, необходимо чётко определить предмет сравнения, поскольку противопоставляя системы друг другу, мы можем увидеть, как по-разному протекают в них те или иные сходные процессы, например, артикуляция и агрегирование интересов, формирование и реализация политического курса и другие. Стоит также отметить, что по такому принципу строятся многие бинарные сравнительные исследования политической системы современной России и западных демократий (чаще всего американской), однако, в данном случае, разводя политические системы как более или менее демократичные, исследователь не должен толковать эти категории излишне широко. Такое упрощение приведёт к неубедительным выводам, поскольку результат сопоставления демонстрирует преувеличение различий. Кроме того, в целом стратегия бинарного сравнения контрастных стран не сводится только к выделению наиболее очевидных

¹ Голосов Г.В. Сравнительная политология. – СПб., 2001. – С. 50.

² Ачкасов В.А. Указ. соч. – С. 33.

отличий. В них исследователь акцентирует внимание на каузальных связях между зависимыми (рассматриваемыми как следствие) и независимыми (рассматриваемыми как влияющие условия и факторы) переменными. Причём, как подчёркивают А. Пшеворский и Г. Тьюн, в бинарных сравнениях зависимые переменные не должны объясняться исключительно с помощью макросоциальных, потому что зависимые переменные всегда характеризуют внутрисистемные процессы. Так, например, политологи замечают, что валовой национальный продукт на душу населения не может в полной мере объяснять такую зависимую переменную, как показатели грамотности. Макросоциальные переменные будут более эффективны в понимании фиксируемых различий между двумя системами, но с учётом внутрисистемной специфики¹. Сравнивая контрастные политические системы, компаративисту необходимо учитывать, что эти различия могут быть нейтрализованы, в случае если он использует слишком большое число переменных. По этой причине более эффективно сосредоточиться на одном-двух индикаторах, особенно значимых для обеих сравниваемых стран и вскрывающих причинно-следственные связи различий между ними. Вместе с тем, стратегии наиболее похожих случаев и контрастных стран можно совместить. Например, Д. Колье исследуя политические процессы в Латинской Америке, сначала выбрал восемь стран по принципу их наибольшего сходства, затем из восьми выделил две наиболее отличающиеся для более детального сопоставления².

В добавление к проблеме выбора дизайна бинарного сравнительного исследования политики, необходимо отметить ещё одну – *шестую методологическую особенность бинарных сравнений политических систем* – их ориентация одновременно на макросоциальный и средний уровни концептуализации и результатов сопоставления. Хотя в целом бинарные сравнения относятся к «среднему», ориентированному на случай (а не на переменную) уровню сравнительного анализа. Необязательное отношение к

¹ См.: Рэйгин Ч. Указ. соч. – С. 35.

² См.: Collier D. The comparative method: two decades of change // Comparative political dynamics global research perspectives. Ed. by Rustov D., Erickson K. – N.Y., 1991. – P. 17.

данной рекомендации может быть проиллюстрировано, например, тем, что большинство зарубежных сравнений российской политической системы и любой другой из современных западных демократий, фактически преувеличивают различия между странами, опираясь в объяснениях на макросоциальные переменные, и не останавливая внимание на причинно-следственных связях этих различий. Особенно это характерно для анализа, проведённого такими авторами, как З. Бжезинский, Э. Качинс, Д. Биллингтон и др. Фактически, в подобных сопоставлениях Россия предоставляется как «недемократическая» политическая система, ожидающая возможности «состояться в демократии». Выводы таких сравнительных исследований, как правило, сводятся к тому, что России необходимо осуществить ряд политических преобразований для того чтобы встать на демократический путь развития. В качестве аргументов обычно выдвигаются такие тезисы, как «согласно опросам общественного мнения, россияне ценят демократию», «в современной России произошла смена поколений», «сильные примеры сопредельных государств»¹. Однако опросы общественного мнения на протяжении уже почти пятнадцати лет также показывают, что большинство россиян даже на психологическом уровне склонны к патернализму. Так, например, сравнивая экстернальность и личные особенности граждан в двух культурах – немецкой и русской, российские исследователи обнаружили, что у русских в отличие от немцев обнаруживается сочетание экстернальности и ориентации на группу. Это фактически означает подсознательную готовность и стремление россиян к появлению харизматического лидера, правителя «сильной руки», а также к признанию за государством решающей роли в жизнедеятельности всей общественной системы².

Говоря об ориентации на макросоциальный уровень концептуализации, следует ещё раз сказать об опасности расширительного толкования

¹ См.: Баталов Э.Я. Проблема демократии в американской политической мысли XX века (из истории политической философии современности). – М., 2010. – С. 336-337.

² См.: Рукавишников В.О. Качество российской демократии в сравнительном измерении // Социологические исследования. – 2003. – №5. – С. 168.

применяемых категорий, определяющих общий подход к пониманию сравниваемых характеристик двух политических систем. Многие современные политологи отмечают, что наибольшую опасность в этом отношении имеют понятия, связанные с режимными характеристиками, например, «демократия» и «тоталитаризм». Выступая как контрастные, они могут быть определены недостаточно конкретно, упрощая процедуры анализа и сравнения. Например, режимы большевизма и нацизма не всегда следует рассматривать как случаи однородной группы – группы тоталитарных режимов, а, следовательно, один из них не может быть выбран как представитель группы тоталитарных режимов для сравнения с контрастной системой – либеральной демократией. «При всей сложности и спорности этой проблемы, приходится констатировать, – отмечает К.С. Гаджиев, – что фашизм и большевизм имеют как точки соприкосновения концептуального и типологического характера, так и расхождения»¹. Толкование демократии также не поддаётся однозначному пониманию. «Эта проблема усугубляется тем, – замечает В.А. Ачкасов, – что, с одной стороны, существовало несколько отличающихся друг от друга исторических форм демократии и в разные эпохи слово «демократия» имело разное содержание, с другой – создано множество теоретических (идеальных) моделей демократии»². В этой связи, сопоставляя две демократические системы, исследователь либо использует уже существующую модель демократии, выражая её через конкретные индикаторы, либо формирует собственную систему переменных, опираясь на опыт предшественников. В целом, сравнивая демократические политические системы, только чётко сформулированная система индикаторов позволяет избежать неоднозначности полученных результатов.

Ранее также отмечалось, что в сравнительных исследованиях особую роль играет избранный компаративистом предмет сравнения, определяющий его объектную область, что становится особенно важно, когда она ограничена двумя политическими системами. В этом отношении необходимо отметить, что

¹ Гаджиев К.С. Сравнительная политология. – М., 2012. – С. 280.

² Ачкасов В.А. Указ. соч. – С. 148.

достаточно часто в этой роли выступают характеристики политического режима. В предыдущем параграфе мы рассмотрели несколько индексов развития демократии, которые фиксируют политический режим как предмет сопоставления и анализа на уровне глобальных сравнений. В бинарных исследованиях компаративист также сталкивается с дополнительными сложностями, поскольку не ставит себе цели ранжирования политических систем, или составления типологий. На уровне бинарных сравнений типологии по большей части лишь уточняются, но не составляются, а определяя предмет исследования, компаративист исходит из имеющихся типологий и классификаций. В этом и заключается главная методологическая «ловушка» для бинарных сравнений. Политические режимы, даже определённые в современной политической науке, подвержены быстрым и многообразным изменениям, поэтому в полном смысле слова мы не можем говорить об их чёткой типологии, особенно когда речь идёт о сравнительном исследовании. Политический режим существует в данном случае скорее как средство научного анализа и сопоставления, а не как обобщение характеристик реально существующих государственных образований. В целом же, политические режимы «фиксируют определённый способ взаимодействия элементов политической системы, взаимоотношений между властью, обществом и личностью»¹. Отечественные политологи А.Ю. Мельвиль и Д.К. Стукал отмечают, что сравнивая политические системы на предмет режимных изменений, «при всех структурно благоприятных предпосылках и структурно-неблагоприятных ограничителях действия политических акторов способны в решающих ситуациях определять реальную направленность и характер траекторий политических трансформаций и режимных изменений»². Иными словами, институционально-процедурные (структурные) трансформации

¹ Ровдо В.В. Сравнительная политология. В 3 ч. – М., 2007. – Ч. 2. – С. 68.

² Мельвиль А.Ю., Стукал Д.К. Условия демократии и пределы демократизации. Факторы режимных изменений в посткоммунистических странах: опыт сравнительного и многомерного статистического анализа // Политические исследования. – 2011. – №3. – С. 180-181.

рассматриваются как макросоциальные независимые переменные, а действия политических акторов (или ценностно-поведенческие факторы) рассматриваются как зависимые внутрисистемные переменные, значение которых особенно важно при сопоставлении двух систем, предполагающем более глубокий уровень анализа.

Таким образом, *анализ политических изменений* в предметной области бинарных сравнительных исследований политических систем, во-первых, не должен абсолютизировать институциональные характеристики, во-вторых, должен сочетать макросоциальный и «средний уровень» анализа. Так, А. Пшеворский замечает, что с методологической точки зрения, изучая политические изменения – переходы, «отправным пунктом является предшествующий авторитарный статус-кво и социальные условия, которые способствовали его возникновению»¹. Далее устанавливаются корреляции между «исходным» и «конечным» состояниями систем, сопоставляются результаты. Находя эти связи, компаративист обращается к традиции, к ценностно-поведенческим аспектам политической реальности, устанавливая связь прошлого и настоящего. В этом контексте П. Штомпка подчёркивает, что в научном исследовании традиция всегда фиксируется на двух уровнях – материальном и идеальном (или психологическом), которые взаимодополняют друг друга. На материальном уровне – это институты, процедуры и артефакты в целом, передаваемые из поколения в поколение. На идеальном уровне – переживания, воспоминания и представления, определяемые человеческой памятью и способностью к коммуникации². С методологической точки зрения, сравнивая политические системы, особенно на уровне бинарных сравнений, необходимо рассматривать каждый институт, процесс или поведение как сформировавшиеся под влиянием предшествующего. «Нередко для того чтобы постичь суть какого-нибудь объекта, – пишет П. Штомпка, – нужно хотя бы немного разбираться в тех символах, нормах, ценностях и правилах, которые

¹ Пшеворский А. Указ. соч. – С. 139.

² См.: Штомпка П. Социология социальных изменений. – М., 1996. – С. 85-86.

придают ему смысл»¹. Или же, говоря о методологии сравнительного изучения политических изменений в бинарных сравнениях, мы замечаем, что исследователь фактически применяет «событийную стратегию» анализа, при которой «невозможно построить объяснительные модели политических феноменов, которые хоть и являются «серийными», но каждое из которых возникает по-своему, в неожиданном сочетании условий и действий»². В этом отношении всякая политическая система рассматривается с одной стороны, как уникальная, с другой – открытая и «находящаяся во времени», а, следовательно, «впитывающая» влияния окружения, своего прошлого и настоящего.

В этом отношении, бинарные сравнения в большей степени, чем кросснациональные, *ориентированы на метод описания*, что можно назвать *седьмой методологической особенностью бинарных сравнений политических систем*. Описательный метод в бинарных сравнениях с необходимостью требует чётких предметных границ объектов исследования, в соответствии с которыми описываются и объясняются заданные характеристики сравниваемых политических систем. Так, ранее замечалось, что характеризуя политическую систему через элементы её структуры, анализируя институциональные составляющие, компаративист изучает законодательно закреплённые правила принятия политических решений, их влияние на формирование и реализацию политического курса. Сравнительный анализ процессов артикуляции интересов акцентирует внимание на системе представительства интересов, а также роли и значении групп интересов и давления в развитии институтов гражданского общества. Агрегирование интересов в сравнительной перспективе рассматривается через анализ избирательной и партийной систем, а также включает в себя вопросы рекрутирования, лидерства и взаимодействия элитных групп. Ценностно-поведенческие элементы структуры политической системы

¹ Штомпка П. Указ. соч. – С. 87.

² Сморгун Л.В. Событийное политическое знание и его значение для сравнительной политологии // Политические исследования. – 2011. – №1. – С. 129.

сравниваются с помощью таких индикаторов, как степень легитимности институтов и лидеров, состояние национальной идентичности, формы политического участия и осознание индивидуальных политических ролей и т.д. Впрочем, описание в бинарных сравнениях является лишь одним из применяемых методов, не исключая других – наблюдения, анализа, синтеза и др.

Завершая анализ методологии бинарных сравнений, следует также отметить, что из стран Западной Европы и Северной Америки наиболее часто объектами бинарных сравнений становятся политические системы США и Великобритании, США и Канады, США и России, Великобритании и Франции, Франции и Италии. Так, например, сравнивая политические системы США и Великобритании, компаративисты делают акцент на роли парламента в определении политического курса, замечая, что «в отличие от Соединённых Штатов правительство Соединённого Королевства может провести через парламент фактически любой законопроект»¹. В свою очередь, сравнивая политические системы Франции и Великобритании, компаративисты традиционно делают акцент на том, что Великобритания исторически поступательно двигалась к современной демократии, в то время как Франция прошла через революции и перевороты. В этом контексте Д.И. Аптер замечает, что в большинстве сравнений двух стран Великобритания выступает как прообраз стабильной унитарной парламентарной демократии, Франция трактуется как нестабильная демократия, Соединённые Штаты сочетают достоинства федерализма и местного самоуправления.² Отдельную группу «парных» сопоставлений составляют политические системы Восточной Европы и Латинской Америки.

Итак, бинарные сравнительные исследования политических систем – метод познания, отличающийся менее высоким уровнем абстрагирования и нацеленный на сопоставление политических систем, не радикально

¹ Ровдо В.В. Сравнительная политология. В 3 ч. – М, 2008. – Ч. 2. – С. 83.

² См.: Аптер Д. И. Сравнительная политология: вчера и сегодня // Политическая наука: новые направления. – С. 365.

различающихся между собой. В любом случае фиксируемые отличия между системами должны иметь отношение к предмету анализа, поскольку для «минимального числа случаев необходимо определять максимальную степень гетерогенности»¹. Логика подобного дизайна заключается в том, что при схожести всех характеристик, кроме одной, мы предполагаем, что она наиболее значима. И чем в большей степени подобны сравниваемые системы, тем больше вероятность того, что исследователь обнаружит переменную, которая приводит к отличающемуся результату. В целом полученные выводы бинарных сравнений должны быть соотносимы с глобальными тенденциями как на стадии концептуализации и операционализации понятий, так и в процессе интерпретации результатов сравнения. Особенность бинарной стратегии заключается ещё и в том, что она ориентируется на метод описания, нацеленный на поиск сходств и различий между двумя системами без необходимости применения процедуры стандартизации. Кроме того, бинарные сопоставления, относимые к среднеуровневым исследованиям, всегда в большей степени учитывают «субъективную сторону» политики, чем сравнения глобального уровня, ориентированные на статистический (индексный) анализ. В любом случае ограничение объектной области сравнения двумя политическими системами является не «ограничивающим» эвристические возможности фактором, а следствием проведённой подготовительной работы, направленной на реализацию стратегических целей компаративиста. В целом, анализируемые в работе бинарные сравнения называются прямыми, поскольку объектами сравнения в них являются либо сразу две страны, либо одна, но зафиксированная в разные периоды времени, а, следовательно, имеющая отличное устройство политических систем. Если же объектом изучения является одна страна, то речь идёт об ином уровне сравнения – уровне сравнительно-ориентированного исследования случая, методология и методика которого будет рассмотрена далее.

¹ Рэйгин Ч., Берг-Шлоссер Д., Мёр Ж. де. Указ. соч. – С. 732.

2.3 Методология сравнительно-ориентированного исследования «случая» (одной политической системы)

Мы выделяем *сравнительно-ориентированное исследование случая*¹ как самостоятельный уровень сопоставления политических систем, не принимая его как косвенную форму бинарного сравнения, рассматривая в качестве самостоятельной исследовательской стратегии, позволяющей получить такие результаты сравнения, которых нельзя достичь другими методами и на других уровнях сопоставления. Объектом исследования на данном уровне является только одна политическая система (или отдельный элемент её структуры), но рассматривается она всегда в сравнении с другими системами или системой. Исторически, этот метод становится фундаментом для многих компаративистов, проверяющих таким образом достоверность выдвигаемых гипотез лишь в конце 1960-х годов, в то время как до этого было распространённым мнение, что «конкретные исследования одного случая не имеют никакой научной значимости, по крайней мере для политической компаративистики»². Вместе с тем, в политической науке в целом метод исследования случая применялся ещё в тот период, когда политическая компаративистика существовала в качестве дисциплины «сравнительное правление», то есть на рубеже XIX-XX столетий. В этом контексте становятся закономерными вопросы, в чём заключается специфика исследовательской стратегии «case-study» в отношении сравнительного анализа политических систем? Какие же «случаи» могут анализироваться в политической компаративистике как самостоятельные и сравнительно-ориентированные?

Традиционно под сравнительно-ориентированным исследованием случая понимают анализ национальной политической системы, рассматриваемой в пространственно-временном контексте, имеющем индивидуальный характер, и

¹ Следует отметить, что в специализированной литературе термин «исследование случая (case-study)» употребляется в разных вариантах: исследование единичного (отдельного, конкретного, индивидуального, частного) случая», «исследование ситуаций» и др. Мы не акцентируем внимание на различиях между этими вариантами, воспринимая их как синонимы, но относящиеся к сфере сравнительного анализа политических систем.

² Ровдо В.В. Сравнительная политология. В 3 ч. – М., - 2007. – Ч. 1. – С. 40.

проявляемым через сопоставление с другими системами или системой. По мнению А. Лейпхарта в сравнительной политологии можно обозначить пять основных видов изучения случая. Первый – объяснительное изучение случая, где для анализа конкретного примера используется разработанная и в целом признанная теория. Второй – случай исследуется для формирования ряда рабочих гипотез. Третий – случай анализируется в целях постановки вопросов или проверки теории. Четвёртый – случай изучается для полного закрепления теории. Пятый – случай исследуется как отклоняющийся¹. В данной классификации не ясно, где находится «сравнительный контекст» случаев, поскольку каждый из них с одинаковой вероятностью может быть или не быть сравнительным. Р. Хейг, М. Харроп и Ш. Бреслин предлагают иной вариант типологии исследования случая в сравнительной политической науке. Они выделяют случаи репрезентативные, прототипические, девиантные, решающие и архетипичные. Первые – типичны для группы стран. Вторые – станут типичными в будущем. Третьи – являются исключением из общего ряда. Четвёртые – нацелены на верификацию гипотез и теорий в менее благоприятных условиях. Пятые – нацелены на создание новой категории в политической науке². В этой типологии случаи рассматриваются в сравнительном контексте, но цель исследования случая каждый раз меняется. И если прототипические и архетипичные сравнительно-ориентированные случаи встречаются в современной политической компаративистике не так часто, то репрезентативные, девиантные и решающие случаи являются широко применимыми. Так, примером прототипического и архетипичного случая одновременно в сравнительной политологии может служить исследование М. Дюверже Пятой Республики во Франции, результатом которого стало появление понятия «полупрезидентская система».

Впрочем, вне зависимости от того, с каким видом сравнительно-ориентированного случая сталкивается исследователь, все они имеют ряд

¹ Lijphart A. Comparative politics and the comparative method // American political science review. – 1971. – Vol. 65. – P. 691-693.

² Hague R., Harrop M., Breslin S. Op. cit. – P. 277.

методологических особенностей, первая из которых заключается в том, что выбор объекта исследования определяется стратегической целью компаративиста. Это, казалось бы, очевидное замечание, на самом деле имеет принципиальное значение. Скажем так, мы можем рассматривать политическую систему Беларуси как демократию постсоветского пространства – этот случай будет в значительной мере репрезентативным (типичным). А если мы анализируем политическую систему Беларуси как модель западной демократии – случай будет в значительной мере девиантным (отклоняющимся). Иначе говоря, изучая модель политической системы как типичную для группы стран, компаративист делает акцент на её индивидуальных особенностях, не забывая при этом о сходствах. Если же мы анализируем политическую систему как пример отклоняющегося случая, то в первую очередь ищем ответы на вопрос, почему данная система функционирует так, а не иначе, какие факторы привели к изменениям во взаимосвязях элементов структуры системы? В этом отношении стоит также отметить, что сравнительно-ориентированное исследование типичного случая в большей степени описательно, ориентировано на результат, объясняющий широкий спектр похожих феноменов, тогда как сравнительно-ориентированное изучение отклоняющегося случая в большей мере аналитично, нацелено на поиск причинно-следственных связей, объясняющих «особость» случая. Необходимо также подчеркнуть, что на практике в большей степени изучаются случаи девиантные или же случаи, не обладающие достаточной степенью изученности, нацеленные на получение уникальных знаний о конкретной политической системе или отдельном её элементе.

Вторая методологическая особенность сравнительно-ориентированного исследования случая должна ответить на вопрос, может ли считаться подлинно сравнительным данный вид исследований, и какова роль сравнительного контекста в таком исследовании? Отвечая, большинство компаративистов склоняется к мнению, что «специфика таких исследований как раз в том и состоит, что они включают данные по одной стране в широкий сравнительный

контекст, выявление которого не рассматривается как самостоятельная исследовательская задача».¹ Если выявление сравнительного контекста не находится в ряду самостоятельных задач исследователя, то становится непонятным, зачем вообще тогда его применять? Ответ на этот вопрос также достаточно прост. Если исследователь хочет подчеркнуть уникальность изучаемой политической системы, не потеряв при этом в надёжности полученных выводов, он рассматривает данный случай подробно, но в соотношении с другими, похожими или отклоняющимися. Так, Дж. Мангейм и Р. Рич отмечают, что сравнительный контекст компаративисту нужен хотя бы потому, что в противном случае результаты исследования будут «культурно обусловленными», поскольку «каждая страна обладает своими уникальными особенностями, которые могут вызвать смещения в результатах исследования»². Политологи приводят соответствующие примеры, связанные с изучением механизма формирования политических предпочтений или нежелания участвовать в выборах. Рассматривая факторы, влияющие на политическую активность избирателей, располагая данными одной страны, мы, скорее всего, придём к выводам, пригодным для объяснения только этого случая. Например, в Соединённых Штатах Америки зависимость между социально-экономическим положением избирателя и его политической активностью выражена менее ярко, чем, скажем, в Великобритании, Франции или Германии, что, в первую очередь, объясняется культурно-историческими причинами³. В этой связи мы фиксируем *вторую методологическую особенность сравнительно-ориентированного исследования «случая» (политической системы)*, которая заключается в том, что сравнительная перспектива не является самоцелью исследователя, но остаётся важным методологическим инструментом, позволяющим решить проблему получения знания с высокой степенью объективности и надёжности. Иначе говоря, сравнительный контекст в исследовании случая необходим тогда, когда простое

¹ См., например: Голосов Г.В. Указ. соч. – С. 42.

² Мангейм Дж, Рич Р.К. Указ. соч. – С. 328.

³ См.: Там же. – С. 328-330.

описание структуры (или отдельных её элементов) конкретной политической системы не даст нам нужного уровня понимания причинно-следственных связей, не позволит объяснить их и предсказать дальнейший ход развития событий. В этом отношении Г. Алмонд замечает, что сравнительно-ориентированные исследования случая позволяют не только глубоко погрузиться в исследуемый случай, выявляя его особенности, но и на сравнительном фоне составить детальную «историю болезни» и изучить каждое звено каузального процесса¹.

Кроме того, исходя из принципа системности, всякая система, в том числе политическая может быть изучена только в сравнительном контексте, поскольку «изучая только свою страну, невозможно выявить в ней разнообразие».² Сравнительная перспектива помогает исследователю «увидеть более широкий круг политических альтернатив и высвечивает достоинства и недостатки нашей политической жизни».³ В этом отношении роль сравнения в политических исследованиях сопоставима с ролью эксперимента в естественных науках, и многие политологи называют сравнение «эксперимент-замещающим методом». «И эксперимент, и сравнение, – пишет М.В. Ильин, – строятся на том, что исследователь методически, то есть неукоснительно соблюдая собственные «внутренние» правила – метод, соотносит (сопоставляет, ставит в один ряд, воссоздает) «внешние» дескриптивные данные для проверки внешних же правил – умозрений научной теории, морали, идеологии или даже веры, житейского здравого смысла».⁴ Различие же, состоит в том, что в отличие от эксперимента, сравнение всегда происходит после совершения анализируемых событий, поэтому компаративист не может напрямую влиять на события и изменять их течение. Таким образом, *третья*

¹ См.: Алмонд Г., Пауэлл Дж. Б., Стром К., Далтон Р. Сравнительная политология сегодня. Мировой обзор. – М., 2002. – С. 70.

² Митрохина Т.Н. Некоторые особенности сравнительного изучения политики // Известия Саратовского университета. Серия Социология. Политология. – 2005. – Т. 5. – Вып. 1-2. – С. 79.

³ Алмонд Г., Пауэлл Дж. Б., Стром К., Далтон Р. Указ. соч. – С. 69.

⁴ Ильин М.В. Основные методологические проблемы сравнительной политологии // Политические исследования. – 2001. – №6. – С. 144.

методологическая особенность сравнительно-ориентированного исследования «случая» (политической системы) заключается в том, что здесь компаративист должен в большей степени сохранять «ценностную нейтральность», чем на уровне глобальных и бинарных сравнений.

Проблема «ценностной нейтральности» приобретает особую актуальность на уровне сравнительно-ориентированного исследования случая потому, что исследователь, анализируя одну политическую систему, прежде всего посредством описания, имеет больше возможностей занять позицию «сочувствующего участника» или «экспериментатора», чем, когда объектная область его исследования включает несколько случаев, и оно имеет статистический характер. Более того, в определённых случаях нежелание (или невозможность) компаративиста более глубоко проанализировать тот или иной элемент политической системы также может привести к необъективным результатам исследования. Так, например, анализируя роль и значение оппозиции в формировании политического курса, исследователь может опираться только на анализ ряда нормативных правовых актов, исходя из того, что в современных политических системах не может быть заметного разрыва между буквой закона и реальной политической практикой. Хронологически проблема «ценностной нейтральности» уходит к истокам теоретико-методологических дискуссий, в русле которых сформировалась сравнительная политология как самостоятельная субдисциплина, и остаётся обсуждаемой по настоящий момент. Предложенный бихевиоралистами постулат об объективности научного познания был подвержен критике со стороны неинституционалистов, которые также впоследствии эту проблему не преодолели. Вместе с тем сегодня, как подчеркивает Д. Истон, «объективность в большей степени является функцией социальной организации научного процесса и его политического и экономического контекста, чем идеологические предпочтения одного или ряда исследователей»¹. Заметим, что необъективность

¹ Истон Д. Будущее постбихевиоральной фазы в политической науке // Политическая наука. – 2000. – №4. – С. 110.

сравнительного процесса может также проявляться и на уровне отбора случаев. Выбирая политическую систему как объект сравнительно-ориентированного исследования случая, исследователь может руководствоваться субъективными причинами, например, такими, как близкое знакомство с культурой страны, наличие большого количества данных по стране, или личная симпатия и т.д. Стратегически неверный выбор случая приводит к искажениям в результатах анализа, поэтому выбирая политическую систему для case-study в сравнительном контексте необходимо помнить (иметь в виду) аналогичные (параллельные) случаи, на основе которых впоследствии будет формироваться сравнительный контекст case-study.

Четвёртая методологическая особенность сравнительно-ориентированного исследования «случая» (политической системы) актуальна и для уровня бинарных сравнений, поскольку предполагает, что выводы, полученные в результате case-study, с одной стороны, должны быть соотносимы с более широкими теоретическими обобщениями, с другой – не могут быть обобщены для соответствия большому количеству политических систем. Данный тезис не теряет своей значимости ни в ситуации, если речь идёт о сравнительно-ориентированном исследовании типичного (репрезентативного) случая, ни в ситуации, если мы исследуем случай отклоняющийся (девиантный). Так, С. Верба замечает, что «каждый отдельный случай правомерно объяснять только на основе общих гипотез. Всё остальное не поддаётся контролю и поэтому является бесполезным»¹. В этом отношении важно помнить о том, что часто исследование случая служит дополнительным (или основным) способом верификации глобальной теории (или серии гипотез), имеющей предварительный характер. В соответствии с этим case-study не может игнорировать общие объяснительные модели, поскольку служит для их проверки, но и не может получить выводы с высокой степенью обобщённости, поскольку лишь развивает общие положения теории через конкретный пример. Или, выражаясь словами М. Догана и Д. Пеласси, «обеспечивает возможность

¹ Цит. по: Доган М., Пеласси Д. Указ. соч. – С. 168.

перенесения одного отдельного опыта на другой»¹. Причём в данном случае «перенесение опыта» не означает «обобщение (генерализацию) выводов», поскольку перенесение может быть частичным, с учётом специфики другого случая, обобщение же такого учёта не подразумевает. В этих тезисах раскрывается функциональное значение case-study в сравнительном анализе политических систем, поскольку для того чтобы «сформулировать проникающие в суть гипотезы для статистической проверки, нужна, прежде всего, та глубина, которую обеспечивает исследование конкретных случаев»². Вместе с тем «детализированное объяснение, ориентированное на конкретный случай, может дать лучшие результаты даже тогда, когда это объяснение не выходит на уровень обобщений»³. Так, например, рассматривая характер посткоммунистических режимов на примере отдельных случаев, исследователь может получить характеристики механизма смены политической власти, определить соотношение формальных и неформальных институтов политического режима и т.д. И все они не могут быть обобщены до уровня общетеоретических описаний, однако, при изучении вопроса трансформации посткоммунистических режимов наиболее эффективным будет именно метод case-study, поскольку только он даёт возможность получить «детализированное объяснение», раскрывающее уникальность каждого случая.

Теория в политической науке не только ставит проблему, которую необходимо исследовать, но и формирует рамки, ограничивающие наблюдение политической реальности и систематизирующее его. «Теории обычно формулируются в относительно абстрактной форме, систематизирующей эмпирические наблюдения, что позволяет увидеть смысл в разрозненной информации»⁴. Сравнительно-ориентированное исследование случая даёт возможность проверить теоретическую модель, рассматривая её в реальной ситуации, поскольку всякая теория дополняется или искажается

¹ Доган М., Пеласси Д. Указ. соч. – С. 171.

² Алмонд Г., Пауэлл Дж. Б., Стром К., Далтон Р. Указ. соч. – С. 70.

³ Рэйгин Ч., Берг-Шлоссер Д., Мёр Ж. де. Указ. соч. – С. 742.

⁴ Алексеева Т.А. Современные политические теории. Опыт Запада. – М., 2000. – С. 18.

(опровергается) только посредством увеличения примеров её практического применения. В этом отношении исследование случая метод более эффективный, чем сопоставление нескольких стран, поскольку результат каждого наблюдения является независимым. Так, например, верифицируя постулаты теории партий и партийных систем, нельзя не проанализировать такие её проявления, как, бюрократизация, электоральные эффекты и их влияние на становление партий, финансирование политических партий. Подобные вопросы рассматриваются методом case-study на примерах отдельных государств, поскольку велика вероятность того, что они специфичны и демонстрируют «отклонения» от общей теоретической модели. Таким образом, метод сравнительно-ориентированного исследования случая позволяет прояснить общую объяснительную модель, дополняя её примерами национальных политических систем. В этом контексте *пятая методологическая особенность сравнительно-ориентированного исследования «случая» (политической системы)* указывает на то, что в case-study политическая система исследуется как самостоятельная, но существующая в рамках реального социетального окружения. Иначе говоря, каждый случай рассматривается как отдельный, а каждое case-study имеет отличную стратегическую цель в общем количестве случаев. Случай выступает как иллюстрация (пример), на котором можно верифицировать ту или иную рабочую гипотезу, а влияние окружения (других случаев) может выявляться через сравнительный контекст. Данные тезисы справедливы не только для отклоняющегося (девиантного) случая, но и для типичного (репрезентативного).

Шестая методологическая особенность сравнительно-ориентированного исследования «случая» (политической системы) выражается в том, что этот метод имеет качественную ориентацию, цифры в нём могут применяться, либо выражая сравнительный контекст, либо иллюстрируя тенденции развития системы. В этом отношении исследование случая во многом опирается на постулаты упоминаемого ранее конструктивизма,

поскольку всякое изучение случая «в значительной мере нагружено контекстуальным содержанием»¹. По этой причине важной характеристикой case-study как качественного метода анализа политической системы является нацеленность на уникальность случая, с возможностью перенесения части выводов на другие случаи. Более того, часто исследуемые политические системы служат иллюстрацией того, что «если теория работает в этом случае, то она работает всегда»². Отсюда также логично, что роль компаративиста в case-study возрастает именно на этапе интерпретации результатов. Дж. Мангейм и Р. Рич, выделяя обязательные требования к теориям в политической науке, указывают, что они должны быть верифицируемы, логически непротиворечивы, доступны, экономичны и иметь общий характер. Доступность теории заключается в том, что коллеги, ознакомившись с ней, должны иметь возможность использовать её для объяснения других случаев и заниматься проверкой вытекающих из неё гипотез.³ Для исследования случая требование доступности выводов также является одним из ключевых. В этом отношении дополнительную сложность составляет тот факт, что большинство компаративистов, предпочитающих метод сравнительно-ориентированного исследования случая, в процессе описания и анализа часто обращаются к трудам своих коллег. Или, в более широком ракурсе, опираются на анализ вторичных данных.

В сравнительно-ориентированном изучении случая анализ публикаций и ранее проводимых исследований по интересующей проблеме имеет широкое распространение в силу доступности этих работ и возможности проанализировать изложенные в них экспертные мнения. Кроме того, в будущем такое сравнительное исследование, «опирающееся на научный вклад разных специалистов, может помочь совместным усилиям учёных,

¹ Сморгун Л.В. Сравнительная политология в поисках новых методологических ориентаций: значат ли что-либо идеи для объяснения политики? // Политические исследования. – 2009. – №1. – С. 118-129.

² Сравнительная политология / Под ред. Гаман-Голутвиной О.В. – М., 2015. – С. 89.

³ См.: Мангейм Дж, Рич Р.К. Указ. соч. – С. 49.

направленным на решение конкретной проблемы»¹. Однако эти публикации могут содержать противоречивые выводы по проблеме, что значительно затрудняет для компаративиста их интеграцию в новое исследование. Так, например, в сравнительном изучении демократизации в развивающихся странах Л. Даймонд, Х. Линц и С. Липсет определили шесть оценочных состояний политических режимов – от полного и прогрессирующего успеха демократии до её провала или фактического отсутствия. И, несмотря на то, что у их коллег политологов нет серьёзных оснований для сомнений в надёжности этой градации, в целом она имеет субъективный характер, и выводы этих ученых не во всём совпадают с результатами других исследований по демократизации. Необходимо также подчеркнуть, что проблема интеграции результатов актуальна не только для анализа публикаций, но и для анализа других форм вторичных данных – данных статистики, опросов общественного мнения, экспертных опросов, событийной информации и т.д. В этом смысле именно на этапе анализа и интерпретации данных начинается «качественная» работа политолога, «исход которой в большей мере зависит от качества анализа и подготовки исследователей, глубины знаний и тонкости понимания конкретных случаев»². По выражению Ч. Рейгина, компаративист, ориентирующийся на исследование случая, фактически не просто интерпретирует, а прибегает к интерпретациям истории. В данном случае его исследование теряет эмпирический характер, а становится направленным на «разрешение проблем смысла и герменевтики». На уровне отдельного случая политолог получает возможность формулировать «ограниченно применимые исторические обобщения», которые одновременно объективно допустимы и учитывают «обуславливающую роль контекста и налагаемые им ограничения». В данной ситуации интерпретативный характер исследования случая восходит к идеям М. Вебера, отвечающим на проблему объективности и «ценностной

¹ Доган М., Пеласси Д. Указ. соч. – С. 168.

² Рэйгин Ч., Берг-Шлоссер Д., Мёр Ж. де. Указ. соч. – С. 740.

нейтральности» компаративиста¹. Стоит отметить, что сравнительно-ориентированное исследование случая (или элемента структуры политической системы) может основываться и на анализе первичных данных, полученных посредством опроса (интервью), наблюдения или эксперимента. Такая стратегия в исследовании случая также имеет свои достоинства и недостатки. Однако и здесь вопрос о компетентности исследователя не теряет своей актуальности, поскольку проблема неточной трактовки полученных данных также остаётся значимой. Кроме того, в целом в исследовании случая нельзя оценивать трактовку результатов как «правильную» или «неправильную» уже потому, что метод, имея качественную ориентацию, основывается на мнении компаративиста, и, де-факто, разрабатывается с тем, чтобы вызвать дискуссии, обратить внимание коллег политологов на изучаемый предмет.

Стоит также подчеркнуть особую роль сравнительно-ориентированного исследования отклоняющегося (девиантного) случая. В контексте того, что большинство обобщений в политической науке имеет не универсальный, а вероятностный характер, именно анализ отклоняющихся случаев, позволяет дополнять, уточнять или даже опровергать теорию, вводя «ограничения в её истинность». Так, установленная в 1950-е годы М. Дюверже закономерность о соотношении между характером избирательной системы и числом партий в парламенте, может быть ограничена примерами отдельных стран. При исследовании отклоняющегося случая политическая система также рассматривается как самостоятельная, но не изолированная от реального социетального окружения. Политолог К. Гиртц называет такую исследовательскую стратегию «толстым описанием»². Наиболее ярким примером такой работы он называет труд А. де Токвиля «Демократия в Америке»³, который и сегодня является хрестоматийным примером этого вида исследований.

¹ См.: Рейгин Ч. Указ. соч. – С. 33-34.

² Цит. по: Ачкасов В.А. Указ. соч. – С. 34.

³ См.: Токвиль А. де Демократия в Америке // Пер. с фр. Олейника В.П., Орловой Е.П., Малаховой И.А. и др. – М., 1992.

Работу А. де Токвиля можно назвать сравнительно-ориентированным изучением случая потому, что он фактически проводил параллели между американской и французской политической культурой, но не осуществлял их бинарное сравнение: «Нет ничего важнее для Франции, чем постижение великой тайны, на которой основан успех Америки»¹. Познавая политическую систему Соединённых Штатов, А. де Токвиль глубже постигал особенности устройства французской политической системы. Ещё одним классическим примером подобного исследования служит работа С. Липсета «Американская демократия в сравнительной перспективе»². Причём сравнительный контекст в ней также не является главной целью автора, а, служит средством повышения надёжности выводов и инструментом, подкрепляющим прогностические возможности предпринятого анализа. С. Липсет акцентирует внимание на нескольких элементах структуры американской политической системы, ставящих под вопрос «управляемость» американской демократии, которые рассматривает в кросс-темпоральном ракурсе. Так, он отмечает такие негативные тенденции, как ослабление роли политических партий, усиливающиеся недоверие электората к политическим лидерам, снижение избирательной активности граждан, неспособность американских политических институтов быстро реагировать на происходящие изменения и т.д.³. При этом в сравнении он замечает, что ни одна из установившихся демократий не застрахована от подобных явлений. Например, в Италии и Франции партийные системы также претерпевают изменения. Подобные выводы для 1990-х годов (статья опубликована в 1994 году) можно назвать в определённой мере сенсационными. Однако полученные результаты, по мнению С. Липсета, не свидетельствуют о том, что американская демократия не эффективна или находится в упадке, поскольку большинство американцев «верят, что живут в самом лучшем обществе». Аппелируя к работе А. де Токвиля, С. Липсет

¹ Токвиль А. де Указ. соч. – С. 8.

² См., например: Липсет С. Американская демократия в сравнительной перспективе. – М., 1997. – С. 157-172.

³ См: Липсет С. Указ. соч. – С. 157-172.

констатирует, что будущее Америки в развитии не политических, а гражданских институтов, поэтому следует активно восстанавливать общественные союзы и связи¹.

Среди более современных работ, включающих сравнительно-ориентированные исследования случаев, можно отметить труды литовского политолога В.В. Ровдо от 2008 года². Однако в отличие от работ А. де Токвиля и С. Липсета, выводы которых преимущественно опирались на включённое наблюдение и глубинное интервью, анализ В.В. Ровдо основывается на изучении работ коллег-политологов. Рассматривая политические системы нескольких стран – США, Великобритании, Франции, Германии, Японии, Китая, России и Белоруссии как отдельные случаи, автор делает важные практические замечания относительно таких актуальных проблем, как ограничение программ социальной политики, интеграция трудовых мигрантов, обострение экологических проблем, угроза международного терроризма и т.д. Это позволяет сделать вывод, что на современном этапе предметная область сравнительно-ориентированных исследований случая всё более расширяется, включая, как, ставшие уже традиционными вопросы институциональной структуры политических систем и сравнительного исследования политических культур, так и обозначенные выше специфические вопросы.

Итак, сравнительно-ориентированное исследование «случая» (политической системы) – метод анализа, в котором сравнительная перспектива, не являясь самоцелью исследователя, остаётся методологическим инструментом, повышающим объективность и надёжность результатов сопоставления. Case-study как исследовательская стратегия позволяет получать детализированное знание, способствующее развитию концептов и теории. Исследование случая имеет качественную ориентацию, при этом по своей сути и описательно, и аналитично одновременно, поскольку опирается либо на полевые исследования (анкетирование, интервьюирование, экспертный опрос,

¹ См.: Липсет С. Указ. соч. – С. 172.

² См.: Ровдо В.В. Сравнительная политология. В 3 ч. – М., - 2007. – Ч. 2,3.

наблюдение и т.д.), либо на изучение вторичных данных. Наиболее часто применяются стратегии типичного (репрезентативного) и отклоняющегося (девиантного) сравнительно-ориентированного случая, также исследование часто имеет интерпретативный характер, в котором для объяснения случая используется уже разработанная теория. Кроме того, важной характеристикой case-study в сравнении с другими исследовательскими уровнями, является то, что этот метод в большей степени зависит от стремления компаративиста к ценностной нейтральности, поскольку всякий анализируемый случай культурно обусловлен. Таким образом, каждый из уровней сравнения в значительной степени уникален, прежде всего, с точки зрения соотношения в нем теоретических, методологических и эмпирических аспектов политики. Если глобальные сравнения позволяют получать результаты высокого уровня обобщения, совершенствуя и развивая концептуальные средства политической науки, то бинарные и сравнительно-ориентированные изучения случаев корректируют и детализируют результаты обобщений глобального уровня, взаимно предполагая друг друга. В этой связи для всех уровней сопоставления обозначаются общие методологические и методические проблемы, определяющие развитие метода сравнения политических систем и его познавательного потенциала как инструмента изучения политической реальности. Рассмотрим их более подробно.

2.4 Эвристические возможности сравнительного анализа политических систем

Определяя суть сравнительного метода в исследованиях политики, М.В. Ильин демонстрирует: «При сопоставлении вещи или явления «ставятся рядом». Затем они «делаются равными» – сравниваются. При этом выделяются сходства – «перемещения в одно место» – и совпадения – «наложения друг на друга», равно как и различия – «умножение ликов», то есть масок, обликов

чего-то единого»¹. Данный тезис в языковой форме раскрывает широко применяемое определение сравнительного метода – выявление общего и особенного в изучаемых явлениях. История сравнительной политологии показывает, что компаративный анализ политики стал возможен только на таком этапе, когда политическая наука накопила достаточное количество знаний о различных аспектах политических взаимодействий – о политических институтах, режимах, процессах, культурах, традициях, интересах, поведении и т.д. Иными словами, прогресс в развитии политической компаративистики как самостоятельной субдисциплины неразрывно связан с бихевиоральной революцией и становлением системного и структурно-функционального подходов. Они способствовали укреплению идеи о возможности объективного знания о политике через сравнимость структурных, культурных и функциональных составляющих национальных политических систем. Изучив структуру элементов политической системы в объектной области сравнительного анализа и проанализировав методологические особенности трёх основных уровней сравнений политических систем, мы имеем возможность обозначить основные методологические и методические (гносеологические) проблемы сравнительного анализа политических систем. И в этом отношении мы приближаемся к исследованию центральной проблемы современной сравнительной политологии – выявление границ применимости сравнительного метода и определение его эвристических возможностей.

Первой, и, пожалуй, наиболее дискуссионной, является *проблема состоятельности макросравнений политических систем и определения объектной области сравнительного исследования политических систем*. Заметим, что проблема сложносоставная, вторая часть которой – проблема сравнимости двух и более политических объектов – вытекает из первой её части, отвечающей на вопрос, можно ли говорить о сравнительных исследованиях политических систем как о самостоятельном виде

¹ Ильин М.В. Сравнительная политология: научная компаративистика в системе политического знания // Политические исследования. – 2001. – №4. – С. 164.

исследования? Единого мнения среди представителей политологического научного сообщества по решению этой проблемы на настоящий момент не существует. Так, говоря о состоятельности сравнительных исследований политических систем на глобальном уровне, А. Макинтайр замечает, что государства и общества настолько уникальны, что «любая попытка выделить в них сопоставимые элементы ведёт к упрощению реальности, заметно обесценивающему выводы из кросснационального сравнения»¹. Кроме того, ещё одним препятствием, ограничивающим возможности формирования обобщений, объединяющих сравниваемые случаи, является, как замечает Э. О'Хэр, тот факт, что «в условиях явных различий во времени и пространстве подлинно универсальные теории существовать не могут»². С противоположной точки зрения смотрит на проблему состоятельности сравнительного анализа политических систем структурный функционализм, полагая, что общая концептуальная схема общества, выраженная через категорию «политическая система», позволяет преодолеть культурные и прочие отличия объектов сравнения и делает их «сопоставимыми».

Противоречивость мнений даёт возможность проанализировать ситуацию. Во-первых, всякое сравнение включает абстрагирование, следовательно, макроединица анализа (общество, государство, политическая система) выступает в сравнительном исследовании не как разновидность данных, а как «метатеоретическая категория», или единица анализа. Данные выражают единицу наблюдений, а единица анализа применяется только на первой и последней стадиях – концептуализации и объяснения результатов сравнения, где сначала устанавливается общий подход к пониманию изучаемых характеристик, а, в завершении, выявляются закономерности и связи между сравниваемыми обществами. «Каждая область эмпирического исследования, – замечает Ч. Рэйгин, – может быть определена с помощью рассматриваемых случаев («единиц»), характеристик этих случаев («индикаторов, переменных»),

¹ Цит. по: Голосов Г.В. Указ. соч. – С. 45.

² O'Hear A. Introduction to the philosophy of science. – Oxford, 1989. – P. 43.

и количественных параметров процесса наблюдения за каждой единицей («число наблюдений»)¹. Сравнение есть «метатеоретический акт», отличающий компаративистов от некомпаративистов, и включающий прямое, эмпирическое использование абстрактных макросоциальных единиц.²

Во-вторых, при определении объектной области сравнения исследователь может использовать либо стратегию, ориентированную на дизайн наиболее похожих единиц, либо на дизайн наиболее различающихся единиц, руководствуясь поставленными целями и задачами. Де-факто компаративист может, как выделить одну главную каузальную переменную, объединяющую ограниченное число случаев на глобальном уровне, так и попытаться включить в область исследования все существующие политические системы через применение как можно большего количества индикаторов сравнения. На практике же всё чаще сопоставляются политические системы, нерадикально отличающиеся друг от друга, что в значительной мере решает проблему определения объектной области сравнения. Так, например, результаты сравнительного анализа политических систем западных демократий и «молодых» африканских государств можно во многом спрогнозировать, не приступая к детальному исследованию, так как в этих политических системах политическое взаимодействие получает практически (но не юридически) отличающиеся формы. Вместе с тем сравнение «старых» и «новых» демократических политических систем (западных демократий или демократий постсоветского пространства) с содержательной точки зрения, напротив, приобретает высокую степень результативности, поскольку внутреннее устройство этих систем одновременно имеет как общие, так и существенно различающиеся черты. В таких сравнениях исследователь ориентируется на принцип функциональной эквивалентности, выявляя, почему идентичные структуры выполняют в сравниваемых системах неодинаковые функции. Говоря об объёме объектной области, заметим, что всё большее

¹ Рэйгин Ч., Берг-Шлоссер Д., Мёр Ж. де. Указ. соч. – С. 731.

² Рэйгин Ч. Указ. соч. – С. 36.

распространение получают «сравнительно-исторические исследования небольшого числа стран с акцентом на качественных, а не количественных методах»¹.

Следующая проблема в большей степени актуальна для глобального уровня сравнительных исследований политических систем, и называется, выражаясь словами А. Лейпхарта, *«мало случаев, много переменных»*. Эта проблема специфична именно для политологии и во многом определяет неоднозначное отношение научного сообщества к глобальным сравнительным исследованиям политических систем. Формулировка её такова: всякое сравнительное исследование предполагает анализ на основе выделения большого количества параметров, поскольку общественная и политическая жизнь чрезвычайно многообразны. При этом, несмотря на обилие в современном мире суверенных государств (случаев), политологу по большей части сложно сформировать представительную, репрезентативную выборку в целях достижения более объективного отражения изучаемых политических проблем. Иначе говоря, в идеальном варианте исследователь должен увеличивать количество случаев, одновременно уменьшая число переменных, что трудновыполнимо на практике. Для решения этой проблемы предлагается несколько стратегий, часть из которых направлена на увеличение числа случаев, часть – на уменьшение количества переменных. Так, увеличить число случаев можно посредством глобальных статистических сравнений, в которых случай есть совокупность точных количественных переменных, исследуемых с помощью корреляционного анализа. К примеру, на заре становления глобальных сравнений – в 1960-е – малый объём объектной области исследования и вовсе считался своего рода «дурным тоном», по причине чего компаративисты старались его увеличить всеми возможными способами, – как пространственно, так и хронологически. Сегодня же большие объёмы объектной области сравнения применимы на уровне индексов развития демократии. Минимизировать количество переменных можно через сравнение

¹ Сморгунув Л.В. Указ. соч. – С. 56.

подобных по большей части параметров государств, например, западные демократии, постсоветские республики, североевропейские демократии и так далее. Такие сравнения допускают, что значительная часть характеристик сравниваемых единиц идентичны друг другу, в силу чего они выпадают из исследовательского ракурса, уступая место другим, более значимым переменным. Мы замечали, что такая исследовательская стратегия также широко применима в современной сравнительной политологии. Это свидетельствует о том, что, с одной стороны, универсального варианта решения данной методологической проблемы на данный момент не сформировано, с другой, – что она не относится к числу неразрешимых противоречий. Более того, по выражению П. Мэра и М. Догана, следует говорить не просто о расхождении во мнениях, а о сформировавшихся двух научных традициях (школах) сравнения политических систем, каждая из которых имеет как весомые достоинства, так и заметные познавательные ограничения.

Третья методологическая проблема была сформулирована ещё в середине прошлого столетия сторонниками методологии политического бихевиоризма: на пике бихевиоральной революции распространённым было мнение о том, что исследования политической реальности могут и должны быть «свободными от ценностей». Сейчас мы обозначаем эту проблему в более широком ракурсе и называем её – *проблема интерпретации результатов исследования*. В условиях роста популярности качественных сравнений она становится особенно актуальной. Сопоставляя, и оценивая степень объективности и надёжности интерпретации результатов сравнения политических систем, исследователь должен ответить на вопрос: «Удалось ли нам сохранить тесную связь между теорией и исследованием, с одной стороны, и реальной политической деятельностью – с другой?»¹. В этом контексте важно то, что, во-первых, достижение объективности и надёжности в интерпретации данных в сравнительных исследованиях политических систем напрямую зависит от пошаговой организации процедуры сравнительного анализа. Политические

¹ Мангейм Дж. Б., Рич Р.К. Указ. соч. – С. 36-37.

феномены становятся единицами сравнения только в рамках той или иной теоретической концепции. Ввиду чего очевидно, что искажения могут возникнуть и на начальном этапе исследования, когда компаративист устанавливает систему понятий и теоретико-методологические основы интерпретации данных, и на этапе объяснения результатов сравнения, когда реальная политическая практика с необходимостью требует внесения коррективов в модель и способы интерпретации, проверяя тем самым их эвристическую ценность.

Во-вторых, в современной науке проблема объективности результатов сравнения трансформируется в проблему их *интерсубъективности* (или одинаковопонимаемости). «Неотъемлемым условием корректного использования сравнительного метода, – пишет М.Х. Фарукшин, – является требование, чтобы проблема, которую ставит исследователь, поддавалась изучению в рамках различных культур... каждое понятие, которое используется в сравнительном исследовании, должно иметь одинаковое содержание в контексте разных культур»¹. Проблема интерсубъективности актуальна ещё и потому, что сравнительный анализ существует в условиях методологического плюрализма, многообразия теоретико-методологических подходов, концепций и аналитических схем. Как же может быть определена интерсубъективность в сравнительных исследованиях политики? Фактически она основывается на двух типах понимания: результат сравнительного политического исследования должен быть не только непосредственно понятен, но и объяснён. Это означает, что исследователь раскрывает мотивы социально-политического поведения, причём мотив понимается как «определённое смысловое единство (или единство смысла действия), которое представляется достаточным в качестве причины изучаемого социального действия»². В сравнительном анализе политики мы фактически заменяем категорию «мотив» на понятие «функция», что даёт возможность относить этот тип исследования к разряду

¹ Фарукшин М.Х. Сравнительная политология и сравнительный метод // Методологические проблемы политической науки. – Казань, 1996. – С. 15.

² Семёнов В.Е. Анализ и интерпретация данных в социологии. – Владимир, 2009. – С. 57.

«телеологических объяснений, в которых события, действия, факты становятся понятны лишь через соотнесение с их последствиями»¹. В-третьих, исходя из положений системного подхода к исследованию и сравнению политических систем, уже сам принцип системности является фактором, позволяющим исследователю максимально приблизиться к интерсубъективности результатов сравнения. Так, Г. Лассуэлл замечает, что «для правильного истолкования какого-либо действия и события... необходимо взглянуть на него в самом широком смысловом контексте»².

Говоря о проблеме «ценностной нейтральности» исследователя, в первую очередь заметим, что она актуальна не только для политической компаративистики. В сравнительных исследованиях политики она приобретает особое значение по той причине, что большинство исследовательских вопросов и задач в ней по своей сути оценочны. Сравнительная политология, как и любая другая наука, не должна отвечать на поставленные вопросы через субъективное мнение, но «её сила в том, что она может представить факты для формирования мнения людей – непрофессионалов политики»³. Так есть ли решение у проблемы «ценностной нейтральности» компаративиста? По большому счёту она может быть решена только двумя способами – либо научное сообщество меняет своё к ней отношение, не акцентируя излишнее внимание, поскольку сама по себе она никогда не исчезнет. Второй вариант – возможность перехода к методологическому принципу, обозначенному ещё бихевиоралистами первого поколения, – научному реализму⁴. На практике каждое научное исследование социальной действительности предполагает, что учёный занимает позицию «стороннего наблюдателя», а не «сочувствующего участника». Так и в сравнительном анализе политики для того чтобы понять «как функционирует политическая система, необходимо встать на позицию стороннего наблюдателя,

¹ Семёнов В.Е. Указ. соч. – С. 31.

² Алюшин А.Л. Гарольд Лассуэлл о природе политической реальности // Политические исследования. – 2006. – №5. – С. 161.

³ Newton K. And Van Deth J. W. Foundation of comparative politics. Democracies of the modern world. – Cambridge, 2010. – P. 5.

⁴ См.: Сморгун Л.В. Указ. соч. – С. 62.

созерцающего происходящее «сверху»¹. В реальности же добиться абсолютной «ценностной нейтральности» исследователя практически невозможно, поскольку влияние ценностей на проводимые исследования осуществляется неумышленно. Это позволяет сделать вывод о том, что требование «ценностной нейтральности» скорее относится к разряду внутренних стремлений каждого учёного, заинтересованного в объективности результатов сравнения, а не к категории обязательных методологических принципов сравнительных исследований политики. «Задача политолога состоит в том, – справедливо подчёркивает К.С. Гаджиев, – чтобы выявить пути достижения наибольшего совпадения между миром сущего и миром должного»². Характер современной научной и жизнедеятельности, не всегда позволяющий исследователю отличить ценность от факта (особенно в политической сфере), делает обоснованным и актуальным заявление, что «политологи в целом, и политические теоретики особенно, не намерены больше не критически придерживаться обязательного различия факта и ценности, господствовавшего в социальных науках среди нескольких поколений»³. Иначе говоря, сравнительные исследования политических систем не могут относиться к числу абсолютно «ценностно-нейтральных» уже потому, что они в значительной мере связаны с пониманием и анализом целей политического поведения индивидов, а там, где имеет место толкование целей, всегда имплицитно присутствуют и ценности, но это не ставит под сомнение их методологическую состоятельность.

Ещё одно актуальное методологическое свойство сравнительного анализа политических систем лежит в области ответа на вопрос о том, *насколько методология сравнительных исследований политики должна опираться на строгие процедурные требования?* Данное предложение также сформировано в рамках теории политического бихевиоризма, закономерно породив противоречия не только среди специалистов в области методологии

¹ Эндрейн Ч.Ф. Указ. соч. – С. 27.

² Гаджиев К.С. Указ. соч. – С. 57-58.

³ Алмонд Г. Политическая наука: история дисциплины // Политическая наука: новые направления. – С. 99.

сравнительного анализа политики, но и представителей других областей социогуманитарного знания. Так, например, неопозитивисты склоняются к мысли, что все гуманитарные дисциплины не выдерживают тест на научную достоверность¹. С другой стороны, имеет место мнение, что подлинно научной дисциплиной является только та область знания, которая имеет сложную методологическую основу, а проблему высоких научных стандартов процедуры сравнения следует рассматривать под иным углом, в зависимости от степени профессионализма учёного-компаративиста. Способен ли он правильно применить совокупность процедур и методик сравнительного исследования политических систем? Отвечая на этот вопрос, неинституционалисты заключают, что даже «добросовестный и вооружённый научными методами наблюдатель не имеет всё необходимое и достаточное, чтобы судить об истинных мотивах человеческого поведения»². Иначе говоря, оказавшись в разных институциональных условиях, индивид проявляет себя по-разному, поэтому наблюдаемое поведение интерпретируется не только непосредственно, но и с учётом контекста – политической системы, институциональных условий, и психофизиологических характеристик самого индивида. И даже строгие процедурные стандарты не позволяют исследователю учесть и объективные, и субъективные составляющие политического поведения индивида.

Если же исходить из утверждения, согласно которому формальная и неформальная стороны социально-политической реальности в принципе познаваемы, то строгая процедура анализа и сравнения в полной мере соотносится с требованием интерсубъективности результатов исследования. Обладая необходимым уровнем образования и профессионализма и опираясь на строгие процедурные стандарты методологии сравнительного анализа политических систем, исследователь сможет правильно применить и добиться ценных, с научной и практической точки зрения, результатов работы. Однако на настоящий момент такая процедура описана, пожалуй, только в теории и

¹ См., например: Карнап Р. Преодоление метафизики логическим анализом языка // Аналитическая философия: становление и развитие (антология). – М., 1998. – С. 85.

² Цит. по: Голосов Г.В. Указ. соч. – С. 32.

методологии политического бихевиоризма. В целом же сравнительные исследования политических систем опираются на верифицируемые обобщения и квантифицируемые данные, отводя значимую роль политической теории и отталкиваясь от результатов исследования других социально-гуманитарных наук. Иными словами, сегодня процедурные стандарты сравнительного анализа политических систем включают как общие мировоззренческие установки, так и конкретные эмпирические методики политического бихевиоризма, структурно-функционального, неинституционального и других подходов к исследованию политики, знание которых и позволяет политологу осуществлять сравнительный анализ. Кроме того, компаративист имеет возможность выбора соответствующей методологии и методики исследования в зависимости от поставленных целей, причём в социально-гуманитарном знании, в отличие от естественнонаучного, теории и методики не сменяются радикально с течением времени, а сосуществуют и взаимодополняют друг друга.

В тесной связи с предыдущей методологической проблемой могут также рассматриваться две последующие, выделяемые многими компаративистами в самостоятельные вопросы, мы же рассмотрим их в совокупности и назовём *проблемы концептуальной эквивалентности и универсальности аналитических категорий*. Частично эта проблема была проанализирована ранее. Заметим, что задача достижения концептуальной эквивалентности («travelling problem») в большей степени характерна для качественно ориентированных сравнительных исследований политических систем (бинарных сравнений и case-study), а достижения универсальности аналитических категорий – для количественных (глобальных сравнений). Особенно остро в качественных исследованиях обозначена проблема лингвистической эквивалентности – эквивалентности языковых структур при переводе речи или текстового массива. Так, Г. Лебон замечает: «Точный перевод выражений какого-нибудь языка, особенно если дело идёт об исчезнувшем народе, – вещь совершенно невозможная»¹. Проблема несовместимости базовых политологических категорий во многом

¹ Лебон Г. Психология народов и масс. – М., 2014. – С. 269.

обусловлена не только лингвистическими, но и философскими традициями разных стран¹. Однако, существует и противоположное мнение, что в целом «эквивалентность можно соблюсти, если обращать внимание скорее на эквивалентность идей, а не слов...»². Эквивалентность идей в принципе достижима, поскольку люди каждого поколения получают «известную сумму средних понятий, которые делают их похожими друг на друга, и притом до такой степени, что когда они уже лежат под тяжестью веков, то по их художественным, философским и литературным произведениям мы узнаём эпоху, в которую они жили»³. Данное утверждение в равной степени применимо не только к сфере искусства, но и к сфере науки. Для сравнительных исследований политики проблемы концептуальной эквивалентности и универсальности аналитических категорий могут быть специфичны в том плане, что эквивалентность в большинстве случаев представляется, прежде всего, как функциональная эквивалентность, характеризующая «сходные отношения между похожими объектами в различных контекстах»⁴. В данном случае подчёркивается важность не только синонимичной (одинаковой) интерпретации, но и последующей операционализации. Универсальность же подразумевает, что аналитические категории могут быть приложимы к различным культурным, экономическим, историческим и прочим контекстам изучаемых объектов. В глобальных сравнительных исследованиях проблема универсальности аналитических категорий особенно актуальна для индексов демократии, и может быть разрешима через мониторинговые сравнения, ориентированные на непрерывный процесс наблюдения, регистрации и измерения состояний сравниваемых объектов. В то время как проблема концептуальной

¹ См.: Мошелков Е.Н. Метод сравнительного анализа в исследованиях истории политической мысли: основные проблемы // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. – 2002. – №5. – С. 5-19.

² Сморгун Л.В. Указ. соч. – С. 55.

³ Лебон Г. Указ. соч. – С. 132.

⁴ Сравнительная политология / Под ред. Гаман-Голутвиной О.В. – М., 2015. – С. 35.

эквивалентности наиболее оптимально решается, как говорилось выше, через нахождение функциональных эквивалентов.

Следующая методологическая проблема сравнительных исследований политических систем – *соотношение качественных и количественных ориентаций в исследовании*, а также вопрос *о допустимости количественного измерения характеристик политической системы* (проблема измерения). В сравнительном анализе политические системы (случаи) рассматриваются как целостности, подлежащие сопоставлению с применением совокупности переменных – индикаторов, выявляющих их внутрисистемную специфику. Такая исследовательская стратегия тяготеет к качественной традиции. При этом сравнительная политическая наука, как всякая другая «сравнительная», базируется на общей установке о потенциальной возможности количественного измерения характеристик изучаемых политических систем. Так, на уровне глобальных сравнений применяется ряд индексов, расчёт которых включает сведение сложных данных в единый показатель, который отражает значение понятия полнее, чем любой из его составляющих в индивидуальном порядке. Ранжирование политических систем в рамках линейных значений индекса позволяет исследователю перейти от предположений к утверждениям. Однако большая часть индексов и индикаторов представляет собой категориальные переменные, что показывает сочетание количественной и качественной ориентаций в индексных методах. В целом же сравнительный метод исследования политических систем позволяет сочетать количественную и качественную методологию при сохранении общей качественной ориентации и без ущерба по отношению к получению подлинно научных результатов сравнения. «Такая ориентация, – подчёркивает Ч. Рэйгин, – и отличает сравнительный метод от статистической методологии, применяемой в общественных науках»¹.

Вместе с тем следует отметить, что использование количественных данных в сравнительном исследовании политических систем имеет и

¹ Рэйгин Ч. Указ. соч. – С. 49.

некоторые гносеологические и методологические ограничения. Во-первых, получение объективных значений количественных данных не всегда является возможным в силу различного рода причин – недоступность источников, недостоверность данных источников и прочее. Во-вторых, не всякое индексирование является надёжным с точки зрения предъявляемых ими требований обоснованности измерения и оценки. В-третьих, некоторые сравниваемые политические проблемы сами накладывают ограничения на выбор эмпирических средств их выражения и исследования. Так, например, выводы, сделанные на основе экспертного и массового опроса о состоянии демократии в сравниваемых политических системах, скорее всего, будут существенно отличаться друг от друга, поскольку компетентность в вопросах демократического развития у «рядового» респондента и эксперта будет существенно отличаться. В этом случае исследователь либо изменяет задачи сравнения (конкретные вопросы) таким образом, чтобы они удовлетворяли основным требованиям количественных методов, либо обращается к качественным методикам. И, наконец, в-четвёртых, применяемые количественные индикаторы сравнения часто определяются через ценностные предпочтения исследователя, что приводит к недостоверности и необъективности результатов сравнения. Указанные недостатки индексов, рейтингов, статистических данных опросов общественного мнения и прочих источников данных как инструментов верификации теоретических положений с необходимостью должны учитываться в сравнительных исследованиях политических систем, но, тем не менее, это не делает их применение невозможным, иначе статистические сравнительные исследования просто перестали бы существовать как самостоятельные.

Ещё одной методологической проблемой сравнительных исследований политических систем является так называемая *«проблема Гэлтона»*, которая ставит во главу угла вопрос о том, можем ли мы считать избранные единицы анализа (национальные политические системы) в полном смысле самостоятельными, или необходимо при их сравнении учитывать

многочисленные внешние воздействия? Данная методологическая проблема была впервые озвучена ещё в 1889 году английским антропологом Ф. Гэлтоном, который полагал, что недооценка внешних воздействий на исследуемые объекты может привести к ситуации, в которой компаративист начнет видеть и фиксировать связь между признаками, не находящимися в непосредственной функциональной зависимости друг с другом. Заметим, что Ф. Гэлтон имел в виду, прежде всего, учёт «социокультурной диффузии» в этнографических и антропологических исследованиях. В сравнительном анализе политических систем эта проблема стала актуальна позднее, во второй половине XX века и фактически привела к появлению двух исследовательских стратегий, о которых говорилось ранее, – сравнение единиц, либо во многом похожих по своему внутреннему устройству, либо, напротив, противоположных по большинству характеристик. Причём в «обоих случаях влияние внешних условий рассматривалось как преодолённое, так как сравнение опиралось на контроль за внешним контекстом»¹. Кроме того, с методологической точки зрения национальная политическая система как единица анализа и общая концептуальная схема общества позволяет если не преодолеть, то максимально минимизировать культурные и прочие отличия объектов сравнения, поскольку их влияние всегда проверяется и контролируется компаративистом.

Многие исследователи, например, Э. О’Хэар, к числу важнейших дискуссионных гносеологических проблем сравнительного анализа политических систем относят также *его индуктивную (или дедуктивную) ориентацию*. Он замечает, что «выдвижение и проверка универсальных теорий является лишь частью цели науки»², и поэтому сравнительные исследования политических систем тяготеют к индуктивному подходу, опираясь на классические постулаты индуктивизма Дж. Милля, где «индукция есть процесс, при помощи которого мы заключаем, что то, что истинно относительно

¹ Сморгунов Л.В. Указ. соч. – С. 60.

² O’Hear A. Op.cit. – P. 43.

нескольких индивидуумов класса, истинно также относительно всего класса»¹. Однако, де-факто, подобная постановка проблемы не может быть отнесена к разряду актуальных гносеологических вопросов, поскольку возвращает нас к более фундаментальной проблеме сравнений политических систем – к теоретически обоснованному выбору сопоставляемых случаев и индикаторов сравнения. К тому же, при выборе индуктивного (или дедуктивного) подхода значительную роль играют формулируемые исследователем цели сравнения. В любом случае процесс сопоставления «должен включать долгосрочную обратную связь между гипотезами и понимание сложной модели их причинности»². На практике же достаточно часто используются как индуктивные алгоритмы, где отдельные случаи объединяются общей теорией, так и дедуктивные, когда исходным пунктом анализа выступает общетеоретическое знание.

Итак, основные проблемы сравнительного анализа политических систем как инструмента изучения политической реальности находятся в области методологии. Среди них можно выделить вопросы, относящиеся как ко всей социогуманитарной сфере (например, проблема «ценностной нейтральности» исследователя), так и специфичные, характерные только для сравнительных исследований политики (например, проблема «мало случаев, много переменных»). Проведённый анализ показывает, что современная сравнительная политология готова предложить действенные стратегии, позволяющие если не решить их полностью, то минимизировать искажения результатов сопоставления. Так, например, увеличивая или уменьшая объём объектной области, компаративист ориентируется, прежде всего, на критерии и переменные, концептуально соответствующие общему подходу к пониманию исследуемых характеристик системы. Включение или исключение того или иного случая может существенно исказить результаты исследования, но компаративист имеет возможность контролировать этот процесс, предполагая

¹ Милль Дж. Ст. Указ. соч. – С. 229-230.

² Рэйгин Ч., Берг-Шлоссер Д., Мёр Ж. де. Указ. соч. – С. 744.

возможные деформации. Кроме того, адекватная интерпретация методологических ограничений сравнительного анализа политики во многом зависит от «методологической культуры» компаративиста, его общей эрудиции. Вышесказанное позволяет также сформулировать вывод о том, что обозначенные методологические и методические проблемы сравнения в политической науке не умаляют его достоинств, хотя бы потому, что получаемые объяснения результатов сравнений носят *не универсальный, а вероятностный характер*. В широком плане значимость сравнительного анализа весома ещё и потому, что он является единственным инструментом верификации политического знания, применяя не простое описание, а сопоставление и объяснение причинно-следственных связей между элементами структуры политической системы. Ориентация на сравнение действительно делает политическую компаративистику статусно-автономной, совпадающей по объекту с политической наукой (мир политики), но отличающейся от неё по предмету и методу, выраженному через методологию сравнения, который только в политической компаративистике применяется методически и на постоянной основе.

Заключение

История становления компаративизма как метода научного исследования в политической науке показывает, что, при сохранении значения и роли теории, центральной в ней является проблема метода. Методология сравнительного анализа политических систем прошла в развитии три качественных этапа. Первый: до 1950-х годов сравнения политики основывались на сравнительно-историческом и сравнительно-правовом описании политических институтов. В этот период сравнительные исследования соответствуют субдисциплине «сравнительное правление», а реальная политическая практика практически не входит в рамки научного поиска. Ситуация меняется только к первой половине XX века, когда в поле зрения политологов попадают такие структуры, как политические элиты, политические партии, заинтересованные группы и др. Впрочем, проводимые среднеуровневые исследования были ограничены в пространстве, в том плане, что включали только несколько ведущих на тот момент времени стран мира – США, Великобритания, Германия, Франция, Россия.

Открыв новые эмпирические «горизонты», но, не имея теоретической согласованности и надёжных способов проверки достоверности собранной информации, сравнительные исследования политики оказываются в ситуации методологического кризиса, в преодолении которого большую роль сыграл период «межвоенных десятилетий». Так, представители Чикагской школы политологии активно отстаивают идею о необходимости изучения реальной политической жизни. Эта идея окончательно формируется и утверждается в рамках бихевиоральной революции 1950-1960 гг., которая ориентирует сравнительные исследования на макроуровень – уровень политических систем, рассматриваемых в категориях ролей, структур и функций, начиная тем самым второй этап становления методологии сравнительных исследований политики. Изменив предметную область сравнительных исследований, бихевиоральная революция предложила также новые методологические идеи и методические приёмы. Опираясь на постулаты позитивизма, политический бихевиоризм

адаптировал их для задач политической науки и сравнительного анализа политических систем. Кроме того, он привнёс в политологию целый ряд конкретных методик и техник, основанных на принципах квантифицируемости, верифицируемости, и стремящихся к высокой познавательной эффективности.

С концептуальной точки зрения постулаты политического бихевиоризма нашли своё воплощение в системном и структурно-функциональном теоретико-методологических подходах к исследованию и сравнению политики. Положения системного подхода в политологии сформулированы Д. Истоном, положения структурно-функционального – Г. Алмондом, который, отталкиваясь от идей и терминологии Т. Парсонса, переносит их в сферу политического и определяет в качестве предмета исследования не государство с его «стандартным» набором задач, а политическую систему. Причём политическая система рассматривается на двух основных уровнях – институционально-процедурном (структурном) и ценностно-поведенческом (культурном), посредством анализа функций (латентных и явных) и дисфункций элементов системы. Однако идеи политического бихевиоризма господствовали относительно недолго, и уже начиная с 1970-х гг. начинается третий этап: сравнительные исследования политики вновь становятся преимущественно среднеуровневыми, направленными на исследование политических (государственных и негосударственных) институтов, но уже понимаемых как «правила игры», организующие политические взаимоотношения, а не просто формальные учреждения с законодательно закреплённым перечнем компетенций. В этой связи сегодня сравнение политических систем как исследовательская стратегия, несмотря на обширный методологический и методический инструментарий и сформированную в целом теоретическую основу, тяготеет к плюралистической методологии, в которой ни один из теоретико-методологических подходов не может претендовать на исключительность или универсальность. При этом в силу естественных процессов, связанных, прежде всего, с глобализацией идей в науке, зона теоретико-методологического согласия все более расширяется, структурно-

функциональные (макро-) и неоинституциональные (микро-) ориентации – сближаются. В этом контексте мы можем говорить о наступлении нового этапа в развитии сравнительной политологии и сравнительного анализа, когда оформляются новые методологические подходы (например, конструктивизм), которые, сосуществуя со «старыми», позволяют исследователю выбирать тот, который в большей степени решает поставленные им задачи и проверяет сформулированные гипотезы. В целом, сравнительная политология сегодня реорганизуется, фундаментальные теоретические знания становятся всё более востребованными, а научные методы получают всё большее признание, изменяясь в соответствии с изменениями самого объекта исследования – политической системы.

Рассматривая политическую систему в объектной области сравнительного анализа, мы акцентируем внимание на её институционально-процедурных (структурных) и ценностно-поведенческих (культурных) характеристиках, которые в совокупности характеризуют структуру политической системы. Структура политической системы есть совокупность принципов построения социально-политических связей и отношений между политическими субъектами, находящимися в конкретных условиях места и времени по отношению друг к другу. Выделяя элементы структуры политической системы, мы можем применять различные варианты деления, в зависимости от степени соответствия задачам сравнения политических систем. В частности, исходя из «функциональной матрицы» политической системы Г. Алмонда и Б. Пауэлла, в работе определены следующие элементы структуры политической системы – формирование политической системы; формирование альтернативных вариантов политического курса; формирование политического курса; реализация политического курса; осуществление «обратной связи». Кроме того, рассматривая структуру политической системы через характеристики политической культуры, мы исследуем также элемент ценностных ориентаций субъектов политического взаимодействия. Аналитические возможности такой трактовки структуры политической

системы в целом позволяют исследовать политическую систему и как целостный феномен, и разделяя её на сегменты, определяющие предмет сравнения более точно, делая достижимым получение качественных результатов сопоставления.

На современном этапе методология сравнительного анализа политических систем характеризуется многообразием уровней сравнения. Однако среди компаративистов нет единого мнения о том, какие именно уровни сопоставления политических систем можно обозначить как самостоятельные. Изучив существующие мнения, мы решили исходить из одного критерия – количества исследуемых случаев – и обозначить три основных уровня сравнения – глобальные, бинарные сравнения и сравнительно-ориентированное исследование «случая» (одной политической системы), каждый из которых имеет определённые методологические и методические особенности. Так, глобальные сравнения политических систем, опираясь преимущественно на количественную методологию, ориентированы не только на сопоставление похожих систем, но и радикально различающихся. Кроме того, поскольку единицей наблюдения и анализа на глобальном уровне служит вся политическая система, методология сравнения основывается на индексном методе, позволяющем сводить в единый показатель несколько характеристик, в совокупности наиболее полно отражающих значение предмета сравнения. В этой связи в глобальных сравнениях формулируемые выводы имеют высокий уровень обобщения и теоретической значимости. Бинарные сравнения политических систем, напротив, более эффективны при сравнительном исследовании наиболее подобных случаев. Результаты бинарных сравнений политических систем менее абстрактны, в них не упускается ни общее, ни особенное, и при этом соотносимы с глобальными тенденциями. Сравнительно-ориентированные исследования случая отличаются тем, что в них сравнительная перспектива не является самоцелью исследователя, а выступает как методологический инструмент, повышающий объективность и надёжность результатов исследования. Основная задача

сравнительно-ориентированного исследования случая – «проиллюстрировать», дополнить или опровергнуть существующую теорию примерами национальных политических систем (случаев), которые могут быть типичными в группе стран, или, напротив, отклоняющимися, но в целом рассматриваемыми как уникальные.

Исследование методологии сравнения политических систем на разных уровнях показывает, насколько разнообразен её методический арсенал, включающий количественные и качественные методы, применяемые для сопоставления разного количества случаев. В этой связи обозначается ряд общих методологических проблем, характеризующих сравнительный анализ политических систем как инструмент изучения политической реальности. Так, одной из наиболее дискуссионных является проблема состоятельности макросравнений политических систем и определения объектной области сравнительного исследования политических систем. Исследователь может включать в объектную область как максимально похожие, так и максимально различающиеся случаи, однако при любой стратегии отбор случаев основывается на соответствующем теоретическом и сущностном критерии. Проблема «мало случаев, много переменных» также акцентирует внимание исследователя, с одной стороны, на вопросах отбора единиц наблюдения и анализа, с другой, – отбора объяснительных переменных. Для разрешения этой дилеммы компаративист может либо увеличивать объектную область, либо сокращать число объяснительных переменных. Проблема интерпретации результатов исследования (интерсубъективности и ценностной нейтральности исследователя) сформулирована теоретиками бихевиорального подхода, но актуальна не только для политической компаративистики, а для всей социогуманитарной сферы научного познания. Сегодня же согласованным мнением можно признать следующее: требование «ценностной нейтральности» скорее относится к разряду внутренних стремлений каждого учёного, заинтересованного в объективности результатов сравнения, а не к категории обязательных методологических принципов сравнительных исследований

политики. Особое место в ряду методических проблем занимает вопрос о соотношении качественных и количественных ориентаций в исследовании и допустимости количественного измерения характеристик политической системы (проблема измерения). Практика сравнений показывает, что в большинстве случаев в них качественная и количественная ориентации эффективно сочетаются без ущерба по отношению к получению подлинно научных результатов сравнения. Кроме того, к числу дискуссионных могут быть отнесены такие вопросы, как строгие процедурные стандарты сравнительных исследований политики, концептуальная эквивалентность («travelling problem») и универсальность аналитических категорий, возможность рассмотрения национальных политических систем как самостоятельных единиц исследования (проблема Гэлтона), индуктивная (дедуктивная) ориентация сравнений политических систем, на решение каждой из которых политическая компаративистика также предлагает действенные стратегии.

Таким образом, мы рассматриваем сравнительную политологию как статусно-автономную субдисциплину, опирающуюся на обширную теоретико-методологическую основу, разнообразие количественных и качественных методов и включающую разные уровни сравнения, объектом которых является политическая система в целом или её структурно-функциональные элементы. Сравнения политики на современном этапе получают большое эвристическое, прогностическое и практическое значение, определяя будущее всей политической науки на несколько ближайших десятилетий. Вместе с тем перспективными направлениями разработок остаются как общие методические проблемы сравнения, так и отдельные методологические особенности уровней и видов сравнений, наиболее часто практикуемых в научных дискуссиях.

Библиография

Официальные источники

1. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12.12.1993. С изм. и доп. от 30.12.2008 ФКЗ-№6 и ФКЗ-№7 // Российская газета. – 2009. – №7.
2. ФЗ-№20 «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации». Принят ГД ФС РФ 22.02.2014 // Российская газета. – 2014. – №45.

Монографии и сборники

3. Алексеева Т.А. Современные политические теории. Опыт Запада. – М.: РОССПЭН, 2000. – 479 с.
4. Алексеев Н.Н. Науки общественные и естественные в историческом взаимоотношении их методов. Очерки по истории и методологии общественных наук. Ч. 1. – М.: Типография Московского университета, 1912. – 294 с.
5. Алкер Х. Политическая методология: вчера и сегодня // Политическая наука: новые направления / Под ред. Гудина Р.И., Клингеманна Х.-Д. Науч. ред. рус. изд. Шестопаля Е.Б. – М.: Вече, 1999. – С. 766-778.
6. Алмонд Г. «Отдельные столики»: школы и секты в политической науке // Политическая наука на рубеже веков: проблемно-тематический сборник. Гл. ред. Пивоваров Ю.С. – М.: РАН ИНИОН, 2000. – С. 63-76.
7. Алмонд Г. Политическая наука: история дисциплины // Политическая наука: новые направления / Под ред. Гудина Р.И., Клингеманна Х.-Д. Науч. ред. рус. изд. Шестопаля Е.Б. – М.: Вече, 1999. – С. 69-112.
8. Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура: политические установки и демократия в пяти странах. – М.: Мысль, 2014. – 500 с.
9. Алмонд Г., Пауэлл Дж. Б., Стром К., Далтон Р. Сравнительная политология сегодня: мировой обзор. – М.: Аспект Пресс, 2002. – 537 с.
10. Антанович Н.А. Теория политических систем. – Минск: ТетраСистемс, 2008. – 208 с.

11. Аптер Д.И. Сравнительная политология: вчера и сегодня // Политическая наука: новые направления / Под ред. Гудина Р.И., Клингеманна Х.-Д. Науч. ред. рус. изд. Шестопал Е.Б. – М.: Вече, 1999. – С. 361-386.
12. Ачкасов В.А. Сравнительная политология. – М.: Аспект Пресс, 2011. – 400 с.
13. Байме К. фон. Политическая теория: эмпирическая политическая теория // Политическая наука: новые направления / Под ред. Гудина Р.И., Клингеманна Х.-Д. Науч. ред. рус. изд. Шестопал Е.Б. – М.: Вече, 1999. – С. 495-506.
14. Баскакова Ю.М., Митрохина Т.Н. Моделирование политической реальности: количественные и качественные аспекты. – Саратов, 2005. – 124 с.
15. Баскакова Ю.М. Некоторые возможности применения системного подхода в сравнительных исследованиях // V Всероссийский конгресс политологов: сборник тезисов. – М., 2009. – С. 390-391.
16. Баталов Э.Я. Политическая культура современного американского общества. – М.: Наука, 1990. – 256 с.
17. Баталов Э.Я. Проблема демократии в американской политической мысли XX века (из истории политической философии современности). – М.: Прогресс-Традиция, 2010. – 376 с.
18. Берталанфи К.Л. фон. История и статус общей теории систем // Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник. – М.: Наука, 1973. – С. 20-37.
19. Берталанфи К.Л. фон. Общая теория систем – критический обзор // Исследования по общей теории систем. Сборник переводов. – М.: Прогресс, 1969. – С. 23-82.
20. Берталанфи К.Л. фон. Общая теория систем – обзор проблем и результатов // Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник. – М.: Наука, 1973. – С. 30-54.

21. Бессонов Б.Н. Философия политики. Книга III «Властные факторы в политической системе общества». – М.: Луч, 1993. – 241 с.
22. Блауберг И.В. Проблема целостности и системный подход. – М.: Эдиториал УРСС, 1997. – 450 с.
23. Боришполец К.П. Методы политических исследований. – М.: Аспект Пресс, 2005. – 221 с.
24. Бьюкенен Дж. Сочинения. – М.: Таурис Альфа, 1997. – Т. 1. – 560 с.
25. Василенко И.А. Сравнительная политология. – М.: Юрайт: Высшее образование, 2015. – 376 с.
26. Ваславский Я.И. Конституционные условия для демократии: сравнительный анализ. – М.: МГИМО-Университет, 2008. – 192 с.
27. Вебер М. Объективность социально-научного и социально-политического познания // Вебер М. Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990. – С. 345-414.
28. Вебер М. Основные социологические понятия // Вебер М. Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990. – С. 455-491.
29. Вебер М. Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990. – С. 644-705.
30. Вейнгаст Б. Политические институты с позиций концепции рационального выбора // Политическая наука: новые направления / Под ред. Гудина Р.И., Клингеманна Х.-Д. Науч. ред. рус. изд. Шестопад Е.Б. – М.: Вече, 1999. – С. 181-204.
31. Власихин В.А. Судебная власть в политической системе США // Политическая система США: актуальные измерения / Отв. ред. Червонная С.А., Васильев В.С. – М.: Наука, 2000. – 286 с.
32. Гаджиев К.С. Сравнительная политология. – М.: Экономика, 2012. – 398 с.
33. Галаганова С.Г., Фролова М.А. Современная западная политическая теория: основные парадигмы исследования. – М.: Издательство МГУ, 1993. – 143 с.

34. Гельман В.Я. Трансформация в России: политический режим и демократическая оппозиция – М.: МОНФ, 1999. 240 с.
35. Голосов Г.В. Сравнительная политология. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2001. – 368 с.
36. Гончаров П.К. Политическая система российского общества: теория и практика постсоветского транзита. – М.: Издательство Национального института бизнеса, 2008. – 662 с.
37. Гофман Б. Теория Даунса и перспективы развития политэкономии // Политическая наука: новые направления / Под ред. Гудина Р.И., Клингеманна Х.-Д. Науч. ред. рус. изд. Шестопаля Е.Б. – М.: Вече, 1999. – С. 673-684.
38. Гражданское и политическое в российских общественных практиках / Под ред. Патрушева С.В. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. – 525 с.
39. Далтон Р. Сравнительная политология: микроповеденческий аспект // Политическая наука: новые направления / Под ред. Гудина Р.И., Клингеманна Х.-Д. Науч. ред. рус. изд. Шестопаля Е.Б. – М.: Вече, 1999. – С. 330-344.
40. Даль Р. Демократия и её критики / Под ред. Ильина М.В. – М.: РОССПЭН, 2003. – 576 с.
41. Даль Р. Полиархия: участие и оппозиция. – М.: Издательство ГУ ВШЭ, 2010. – 288 с.
42. Двадцать лет реформ глазами россиян: опыт многолетних социологических замеров / Под ред. Горшкова М.К., Крумма Р., Петухова В.В. – М.: Весь Мир, 2011. – 328 с.
43. Дегтярёв А.А. Основы политической теории. – М.: Высшая школа, 1998. – 238 с.
44. Демократизация и парламентаризм в Восточной Европе / Отв. ред. Игрицкий Ю.И. – М.: ИНИОН РАН, 2003. – 264 с.

45. Демчук А.Л. Лекции по сравнительной политологии. – М.: Университетская книга, 2007. – 164 с.
46. Дмитриев А.В. Политическая социология США. Очерки. – Л.: Ленинградский государственный университет, 1971. – 84 с.
47. Доган М., Пеласси Д. Сравнительная политическая социология или как сравнивать государства: Стратегии в сравнительных политических исследованиях. – М.: Социально-политический журнал, 1994. – 272 с.
48. Дюверже М. Политические партии. – М.: Академический Проект; Гаудеамус, 2013. – 544 с.
49. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. – М.: Наука, 1991. – 575 с.
50. Дюркгейм Э. Социология. Её предмет, метод, предназначение. – М.: Канон, 1995. – 350 с.
51. Желтов В.В. Сравнительный метод в политологии. – Кемерово, 2008. – 356 с.
52. Желтов В.В. Сравнительная политология. – М.: Академический Проект, 2008. – 648 с.
53. Зазнаев О.И. Основы сравнительной политологии. – Казань, 2009. – 80 с.
54. Заславская Т.И., Ядов В.А. Социальные трансформации в России в эпоху глобальных изменений // Социология и общество: пути взаимодействия. Материалы пленарного заседания Всероссийского социологического конгресса 21 октября 2008 года / Под ред. Осипова Г.В., Горшкова М.К. – М.: Вече, 2010 – 144 с.
55. Зерчанинова Т.Е. Исследование социально-экономических и политических процессов. – М.: Логос, 2010. – 304 с.
56. Зяблюк Н.Г. Общественные интересы в политическом процессе США. – М.: Институт Соединённых Штатов Америки и Канады, 2004. – 124 с.
57. Ильин М.В., Сморгунов Л.В. Основные направления развития политологии в XX веке // Политическая наука на рубеже веков:

- проблемно-тематический сборник. – М.: ИНИОН РАН, 2000. – С. 109-145.
58. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: последовательность человеческого развития. – М.: Новое издательство, 2011. – 464 с.
59. Институциональная политология: современный институционализм и политическая трансформация России / Под ред. Патрушева С.В. – М.: ИСП РАН. – 2006. – 600 с.
60. Ирхин Ю.В. Социология культуры. – М.: Экзамен, 2006. – 525 с.
61. Исаев Б.А. Теория партий и партийных систем. – М.: Аспект Пресс, 2008. – 367 с.
62. Истон Д. Категории системного анализа политики // Политология: хрестоматия. Сост. Василик М.А., Вершинин М.С. – М.: Гардарики, 2000. – С. 319-331.
63. Истон Д. Политическая наука в Соединённых Штатах: прошлое и настоящее // Современная сравнительная политология: хрестоматия / Под ред. Гельмана В.Я., Голосова Г.В. – М.: МОНФ, 1997. – С. 9-30.
64. История современной зарубежной философии: компаративистский подход. – СПб.: Издательство «Лань», 1998. – Т. 1. – С. 3-75.
65. Карнап Р. Преодоление метафизики логическим анализом языка // Аналитическая философия: становление и развитие (антология) / Под ред. Грязнова А.Ф. – М.: Дом интеллектуальной книги. Прогресс-Традиция, 1998. – С. 69-89.
66. Карпова Н.В. Социология политической культуры современной России. – М.: ООО НИЦ «Инженер», 2012. – 168 с.
67. Категории политической науки: очерки / Под ред. Фарукшина М.Х. – Казань: Центр инновационных технологий, 2007. – 254 с.
68. Кистяковский Б.А. Социальные науки и право. Очерки по методологии и социальных наук и общей теории права. – М., 1916. – С. 374-389, 405-406.

69. Конт О. Общий обзор позитивизма. – М.: Издательство «ЛИБРОКОМ», 2011. – 296 с.
70. Кун Т. Структура научных революций. – М.: Прогресс, 1977. – 300 с.
71. Лебон Г. Психология народов и масс. – М.: Социум, 2014. – 379 с.
72. Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах: сравнительное исследование / Под ред. Салмина А.М., Каменской Г.В. – М.: Аспект Пресс, 1997. – 287 с.
73. Лейпхарт А. Конституционные альтернативы для новых демократий // Политология: хрестоматия. Сост. Василик М.А., Вершинин М.С. – М.: Гардарики, 2000. – С. 421-436.
74. Линецкий А.В. Российские институты политического представительства в условиях радикальных общественных трансформаций. Опыт сравнительного анализа. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2008. – 375 с.
75. Липсет С. Американская демократия в сравнительной перспективе // Современная сравнительная политология: хрестоматия / Под ред. Гельмана В.Я., Голосова Г.В. – М.: МОНФ, 1997. – С. 203-219.
76. Липсет С. Политическая социология // Американская социология: перспективы, проблемы, методы / Под ред. Осипова Г.В. – М.: Прогресс, 1972. – С. 341-359.
77. Луман Н. Изменение парадигмы в системной теории // Современная зарубежная социология (70-80-е гг.). – М.: ИНИОН РАН, 1993. – С. 196-210.
78. Малиновский Б. Научная теория культуры. – М.: ОГИ (Объединённое Гуманитарное Издательство), 2005. – 184 с.
79. Мангейм Дж., Рич Р. Методы политических исследований. – М.: Издательство «Весь мир», 1997. – 544 с.
80. Мельвиль А.Ю. Как измерять и сравнивать уровни демократического развития в разных странах? (По материалам исследовательского проекта

- «Политический атлас современности»). – М.: МГИМО-Университет, 2008. – 135 с.
81. Меркель В., Круассан А. Формальные и неформальные институты в дефектных демократиях // Повороты истории. Постсоциалистические трансформации глазами немецких исследователей: в 2 т. Науч. ред. Гельман В.Я. – СПб., М., Б., 2003. – Т. 1. – С. 246-289.
82. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура / Науч. ред. Каганова З.В. – М.: АСТ МОСКВА, 2006. – 873 с.
83. Милль Дж. Ст. Система логики. – М., 1899. – 259 с.
84. Миронюк М.Г. Мир политической науки. Книга 2. Персоналии. – М.: Просвещение, 2005. – 559 с.
85. Митрохина Т.Н., Баскакова Ю.М. Индексный анализ в сравнительной политологии // Современное общество: человек, власть, экономика. – Саратов, 2002. – С. 108-116.
86. Митрохина Т.Н. Методология политической компаративистики. – Саратов. – 2008. – 228 с.
87. Михайлова О.В. Сравнительная политология. – М.: Юрайт, 2015. – 309 с.
88. Михалёва Г.М. Российские партии в контексте трансформации. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 352 с.
89. Мокшин В.К. Власть и человек в политической системе современной России. – Архангельск: Поморский государственный университет им. М.В. Ломоносова, 2007. – 394 с.
90. Мощелков Е.Н. История философии права в университетском образовании России (XIX – начало XX в.). – М.: МАКС Пресс, 2011. – 232 с.
91. Мэр П. Сравнительная политология: общие проблемы // Политическая наука: новые направления / Под ред. Гудина Р.И., Клингеманна Х.-Д. Науч. ред. рус. изд. Шестопап Е.Б. – М.: Вече, 1999. – С. 309-329.
92. Никишенков А.А. История британской социальной антропологии. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2008. – 496 с.

93. Новгородцев П.И. О задачах современной философии права [1902] // Новгородцев П.И. Сочинения. – М.: Раритет, 1995. – С. 315-316.
94. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. – М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. – 190 с.
95. Норт Д. Понимание процесса экономических изменений. – М.: Издательство Государственного университета Высшей школы экономики, 2010. – 256 с.
96. Ожиганов Э.Н. Моделирование и анализ политических процессов. – М.: РУДН, 2009. – 189 с.
97. Острогорский М.Я. Демократия и политические партии. – М.: РОССПЭН, 1997. – 640 с.
98. Панов П.В. Институты, идентичности, практики: теоретическая модель политического порядка. – М.: РОССПЭН, 2011. – 230 с.
99. Парсонс Т. О социальных системах / Под ред. Чесноковой В.Ф., Белановского С.А. – М.: Академический Проект, 2002. – 831 с.
100. Парсонс Т. Система координат действия и общая теория систем действия. Функциональная теория изменения. Понятие общества // Американская социологическая мысль / Под ред. Добренькова В.И. – М.: Издательство МГУ, 1996. – С. 464-480.
101. Парсонс Т. Система современных обществ / Под ред. Ковалёвой М.С. – М.: Аспект Пресс, 1998. – 270 с.
102. Перегудов С.П. Политическая система России в мировом контексте: институты и механизмы взаимодействия. – М.: РОССПЭН, 2011. – 431 с.
103. Пивоваров Ю.С. Политическая культура: методологический очерк. – М.: ИНИОН РАН, 1996. – 80 с.
104. Пивоваров Ю.С. Русская политика в её историческом и культурном отношении. – М.: РОССПЭН, 2006. – 168 с.
105. Политическая культура: теория и национальные модели / Отв. ред. Гаджиев К.С. – М.: Интерпракс, 1994. – 351 с.

106. Политический атлас современности: опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств / Рук. авт. колл. Мельвиль А.Ю. – М.: МГИМО-Университет, 2007. – 272 с.
107. Попова О.В. Политический атлас и прогнозирование. – М.: Аспект Пресс, 2011. – 464 с.
108. Пшеворский А. Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке. – М.: РОССПЭН, 2000. – 320 с.
109. Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. – М.: Республика, 1998. – 413 с.
110. Ровдо В.В. Сравнительная политология. В 3 ч. – М.: ООО «Вариант», 2007. – Ч. 1. – 294 с.
111. Ровдо В.В. Сравнительная политология. В 3 ч. – М.: ООО «Вариант», - 2007. – Ч. 2. – 372 с.
112. Ротстайн Б. Политические институты: общие проблемы // Политическая наука: новые направления / Под ред. Гудина Р.И., Клингеманна Х.-Д. Науч. ред. рус. изд. Шестопап Е.Б. – М.: Вече, 1999. – С. 149-180.
113. Рукавишников В.О., Халман Л., Эстер П. Политическая культура и социальные изменения: международные сравнения. – М.: Совпадения. – 1998. – 367 с.
114. Рэйгин Ч., Берг-Шлоссер Д., Мер Ж. де. Политическая методология: качественные методы // Политическая наука: новые направления / Под ред. Гудина Р.И., Клингеманна Х.-Д. Науч. ред. рус. изд. Шестопап Е.Б. – М.: Вече, 1999. – С. 729-745.
115. Рэйгин Ч. Особенности компаративистики // Современная сравнительная политология: хрестоматия / Под ред. Гельмана В.Я., Голосова Г.В. – М.: МОНФ, 1997. – С. 31-51.
116. Рэдклифф-Браун А. Структура и функция в примитивном обществе. Очерки и лекции. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001. – 304 с.

117. Семёнов В.Е. Анализ и интерпретация данных в социологии. – Владимир: Издательство Владимирского государственного университета, 2009. – 132 с.
118. Сергеевич В.И. Задача и метода государственных наук. Очерки современной политической литературы. – М.: Издательство «Москва. Типография Грачёва и К^о», 1900. – 244 с.
119. Сморгун Л.В. Сравнительная политология. – СПб.: Питер, 2012. – 448 с.
120. Социальные факторы консолидации российского общества: социологическое измерение / Под ред. Горшкова М.К. – М.: Новый хронограф, 2010. – 256 с.
121. Спенсер Г. Основания социологии // Западно-европейская социология XIX века: тексты / Под ред. Добренькова В.И. – М.: Издание Международного Университета Бизнеса и Управления, 1996. – С. 279-321.
122. Сравнительная политология / Под ред. Гаман-Голутвиной О.В. – М.: Аспект Пресс, 2015. – 752 с.
123. Старостин Б.С. Проблема модернизации: история и современность // Модернизация и национальная культура: материалы теоретического семинара Международного фонда социально-экономических и политологических исследований (Горбачёв-Фонда). – М.: Издательство «Апрель 85», 1995. – С. 8-21.
124. Технология власти (философско-политический анализ) / Отв. ред. Соколова Р.И. – М.: ИФРАН, 1995. – 163 с.
125. Теория и практика демократии. Избранные тексты / Под ред. Иноземцева В.Л. и Капустина Б.Г. – М.: Ладомир, 2006. – 462 с.
126. Токвиль А. де. Демократия в Америке / Пер. с фр. Олейника В.П., Орловой Е.П., Малаховой И.А. и др. – М.: Прогресс, 1992. – 554 с.
127. Уайтхед Л. Сравнительная политология: исследования по демократизации // Политическая наука: новые направления / Под ред.

- Гудина Р.И., Клингеманна Х.-Д. Науч. ред. рус. изд. Шестопал Е.Б. – М.: Вече, 1999. – С. 345-360.
128. Фарукшин М.Х. Современный федерализм: российский и зарубежный опыт. – Казань: Издательство Казанского университета, 1998. – 336 с.
129. Фарукшин М.Х. Сравнительная политология и сравнительный метод // Методологические проблемы политической науки. – Казань: Издательство ФЭН, 1996. – С. 5-14.
130. Фукуяма Ф. Великий разрыв. – М.: АСТ, 2003. – 476 с.
131. Фукуяма Ф. Сильное государство: управление и мировой порядок в XXI веке. – М.: АСТ МОСКВА, 2010. – 222 с.
132. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. – М.: Прогресс-Традиция, 2004. – 480 с.
133. Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века. – М.: РОССПЭН, 2003. – 368 с.
134. Ховард Марк М. Слабость гражданского общества в посткоммунистической Европе. – М.: Аспект Пресс, 2009. – 191 с.
135. Хофстедтер Р. Американская политическая традиция и её создатели. – М.: Наука, 1992. – 432 с.
136. Хофферберт Р.И., Сингранелли Д.Л. Социальная политика и управление: сравнительный политический анализ // Политическая наука: новые направления / Под ред. Гудина Р.И., Клингеманна Х.-Д. Науч. ред. рус. изд. Шестопал Е.Б. – М.: Вече, 1999. – С. 570-588.
137. Чилкот Р. Теории сравнительной политологии. В поисках парадигмы. – М.: Весь мир, 2001. – 559 с.
138. Шамшурин В.И. Консерватизм и свобода. – Краснодар: «Глагол», 2003. – 476 с.
139. Шестопал Е.Б. Политическая психология. – М.: Инфра-М, 2002. – 448 с.
140. Шилз Э. Общество и общества: макросоциологический подход // Американская социология: перспективы, проблемы, методы / Под ред. Осипова Г.В. – М.: Прогресс, 1972. – С. 341-359.

141. Штомпка П. Социология социальных измерений. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 416 с.
142. Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия. – М.: Экономика, 1995. – 540 с.
143. Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. – М.: Аспект-Пресс, 1999. – 416 с.
144. Эндрейн Ч.Ф. Сравнительный анализ политических систем. Эффективность осуществления политического курса и социальные преобразования. – М.: Издательство «Весь Мир», 2000. – 320 с.
145. Ядов В.А. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности. – М.: Добросвет, 1999. – 596 с.
146. Яшкова Т.А. Сравнительная политология. – М.: Дашков и К°, 2015. – 607 с.

Статьи в периодических изданиях

147. Агошкова Е.Б., Ахлибининский Б.В. Эволюция понятия системы // Вопросы философии. – 1998. – №7. – С. 170-179.
148. Алюшин А.Л. Гарольд Лассуэлл о природе политической реальности // Политические исследования. – 2006. – №5. – С. 158-170.
149. Антанович Н.А. Индексы как измерительный инструмент в политологии // Вестник Брестского университета. Серия 1. Философия, политология, социология. – 2010. – №1. – С. 51-59.
150. Баскакова Ю.М. Над метафорами и индикаторами (об одном из применений системного подхода в политическом моделировании) // Моделирование в социально-политической сфере. – 2009. – №1(3). – С. 32-41.
151. Баталов Э.Я. Политическая культура России сквозь призму civic culture // Pro et Contra. – 2002. – №3. – С. 7-22.
152. Баталов Э.Я. Советская политическая культура // Общественные науки и современность. – 1994. – №6. – С. 60-70.

153. Безвизонная Е.В. Методология системного исследования политической системы // Политика и общество – 2009. – №4(58). – С. 34-42.
154. Безвизонная Е.В. Системно-синергетическая модель политической системы // Политические исследования. – 2009. – №3. – С. 113-122.
155. Бойцова О.Ю. «Нормативизм» как инструмент демаркации в современной западной политологии // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. – 2004. – №1. – С. 21-33.
156. Бойцова О.Ю. Политическая наука в XX веке: общие характеристики и основные этапы становления // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. – 2001. – №1. – С. 5-18.
157. Бойцова О.Ю. Становление политической науки и теоретико-методологические дискуссии конца XIX – начала XX вв. // SCHOLA-2007: сборник научных статей философского факультета МГУ / Под ред. Моцелкова Е.Н., Ширинянца А.А. – М.: Издатель Воробьев А.В., 2007. – С. 113-122.
158. Ветренко И.А., Седашов Е.А. Интерес как фактор устойчивости в системах корпоративного и плюралистического политического взаимодействия // Вестник Омского университета. – 2011. – №3. – С. 292-295.
159. Гаджиев К.С., Примова Э.Н. Становление и методологические принципы сравнительной политологии // Власть. – 2012. – №2. – С. 97-102.
160. Галиев М.Т. О реализации системного подхода к исследованию политического процесса // Политика и общество. – 2009. – №12(66). – С. 35-39.
161. Гельман В.Я. Институциональное строительство и неформальные институты в современной российской политике // Политические исследования. – 2003. – С. 6-25.

162. Гришин Н.В. Избирательная система как институт артикуляции политических интересов общества // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2013. – №2. – С. 42-49.
163. Девятко И.Ф. От теории социетальной эволюции к анализу глобального общества: альтернативные интерпретации и перспективы синтеза // Россия реформирующаяся. Ежегодник. Отв. Ред. М.К. Горшков. – Вып. 7. – М.: Институт социологии РАН, 2007. – С. 82-110.
164. Доннер С., Хартман Х. Индекс трансформации: введение // Свободная мысль. – 2010. – №7. – С. 11-20.
165. Ефременко Д.В., Мелешкина Е.Ю. Теория модернизации о путях социально-экономического развития // Социологические исследования. – 2014. – №6. – С. 3-12.
166. Золотарёва Е.В. Политическая социология: к проблеме дисциплинарного статуса // Вестник Московского университета. Серия 18. Политология и социология. – 2004. – №4. – С. 88-104.
167. Ильин М.В. Основные методологические проблемы сравнительной политологии // Политические исследования. – 2001 – №6. – С. 140-155.
168. Ильин М.В. Сравнительная политология: научная компаративистика в системе политического знания // Политические исследования. – 2001. – №4. – С. 162-175.
169. Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Политические исследования. – 1997. – №4. – С. 6-32.
170. Ирхин Ю.В. Достижения и ограничения бихевиоризма и постбихевиоризма // Социально-гуманитарные знания. – 2009. – №1.
171. Ирхин Ю.В. Политическая наука в США // Социально-гуманитарные знания. – 2004. – №6. – С. 95-112.
172. Истон Д. Будущее постбихевиоральной фазы в политической науке // Политическая наука. – 2000. – №4. – С. 100-113.
173. Истон Д. Новая революция в политической науке // Социально-политический журнал. – 1993. – №8. – С. 115-128.

174. Казанцев А.А. Политическая наука: проблема методологической рефлексии // Политические исследования. – 2001. – №6. – С. 51-63.
175. Камалов М.М. Системный структурный функционализм Габриэля Алмонда как методология сравнительного политического анализа // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. – 1997. – №6. – С. 70-79.
176. Ковалевский М.М. Историко-сравнительный метод в юриспруденции и приемы изучения истории права // Российский журнал сравнительного права. – 2002. – №2. – С. 165-178.
177. Короткова Н.В. Г.Д. Лассуэлл. Методология исследования проблем политики // Политическая наука. – 2000. – №4. – С. 155-177.
178. Короткова Н.В. Разработка Г.Д. Лассуэллом методов политического психоанализа // Социально-политический журнал. – 1998. – №4. – С. 193-209.
179. Костенко В.И. Методологические подходы к исследованию современной российской политической культуры // Право и государство: теория и практика. – 2008. – №2. – С. 143-147.
180. Краснов М.А. Конституционная модель «отеческого попечения» // Отечественные записки. – 2007. – №6. – С. 80-85.
181. Куппаева Б.Т. Проблематика сравнительной политологии // Austrian Journal of Humanities and Social Sciences. – 2015. – №1-2. – С. 121-125.
182. Лассуэлл Г. Как интегрировать науку, мораль и политику // Социально-политические науки. – 1990. – №11. – С. 84-95.
183. Лассуэлл Г. Принцип тройного действия: ключ к анализу социальных процессов // Социологические исследования. – 1994. – №1. – С. 135-143.
184. Лебедева М.М., Мельвиль А.Ю. Сравнительная политология, мировая политика, международные отношения: развитие предметных областей // Политические исследования. – 1999. – №4. – С. 130-140.
185. Лейпхарт А. Конституционные альтернативы для новых демократий // Политические исследования. – 1995. – №2. – С. 136-146.

186. Линц Х. Опасности президентства // Пределы власти. – 1994. – №2-3. – С. 3-24.
187. Малинова О.Ю. «Политическая культура» в российском и англо-американском научном дискурсе // Политическая наука: исследования политической культуры: современные состояния / Гл. ред. Пивоваров Ю.С. – М.: ИНИОН РАН, 2006. – №3. – С. 7-30.
188. Мельвиль А.Ю. Ещё раз о сравнительной политологии и мировой политике // Политические исследования. – 2004. – №5. – С. 114-119.
189. Мельвиль А.Ю. Опыт теоретико-методологического синтеза структурного и процедурного подходов к демократическим транзитам // Политические исследования. – 1998. – №2. – С. 6-38.
190. Мельвиль А.Ю., Стукал Д.К. Условия демократии и пределы демократизации. Факторы режимных изменений в посткоммунистических странах: опыт сравнительного и многомерного статистического анализа // Политические исследования. – 2011. – №3. – С. 164-182.
191. Мельвиль А.Ю., Стукал Д.К., Миронюк М.Г. «Царь горы», или почему в посткоммунистических автократиях плохие институты // Политические исследования. – 2013. – №2. – С. 125-143.
192. Мерриам Ч. Новые аспекты политики // Социально-политический журнал. – 1996. – №5. – С. 141-142.
193. Миронюк М.Г., Тимофеев И.Н., Ваславский Я.И. Универсальные сравнения с использованием количественных методов анализа (обзор прецедентов) // Политические исследования. – 2006. – №5. – С. 39-57.
194. Митрохина Т.Н. Идеальный тип как инструмент методологии сравнительного исследования // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. – 2004. – №2. – С. 88-92.
195. Митрохина Т.Н. Некоторые особенности сравнительного изучения политики // Известия Саратовского университета. Серия Социология. Политология. – 2005. – Т. 5. – Вып. 1-2. – С. 74-81.

196. Митрохина Т.Н. Экстраполяция познавательных систем как специфическая особенность методологии политической науки // Известия Саратовского университета. Серия Социология. Политология. – 2007. – Т. 7. – Вып. 1. – С. 55-59.
197. Мощелков Е.Н. Метод сравнительного анализа в исследованиях истории политической мысли: основные проблемы // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. – 2002. – №5. – С. 5-19.
198. Оберемко О.А. Чикагская традиция и политическая наука Г. Лассуэлла // Социально-политические науки. – 1990. – №11. – С. 113-123.
199. Пай Л. Незападный политический процесс // Политическая наука. – 2003. – №2. – С. 66-85.
200. Патрушев С.В. Институционализм в политической науке: этапы, течения, идеи, проблемы // Политическая наука. – 2001. – №2. – С. 149-189.
201. Пляйс Я.А. О генезисе, предмете и современном состоянии политической науки в России // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. – 2005. – №1. – С. 9-32.
202. Прохоренко И.Л. О методологических проблемах анализа современных политических пространств // Политические исследования. – 2012. – №6. – С. 68-80.
203. Раштон Ф. Рецензия на книгу Ричарда Линна и Тату Ванханена «IQ и глобальное неравенство» // Personality and Individual Differences. – 2006. – Т.41. – С. 983-985.
204. Рукавишников В.О. Качество российской демократии в сравнительном измерении // Социологические исследования. – 2003. – №5. – С. 30-41.
205. Самсонова Т.Н. Концепция «правлящего класса» Г. Моски // Социологические исследования. – 1994. – №10. – С. 176-187.

206. Самсонова Т.Н. Ч. Мерриам: у истоков создания «новой науки о политике» // Социально-политический журнал. – 1996. – №5. – С. 154-162.
207. Сартори Дж. Искажение концептов в сравнительной политологии (I) // Политические исследования. – 2003. – №3. – С. 67-77.
208. Смирнов М.М. К вопросу о системных основах разработки общей теории политики // Пространство и время. 2010. – №1. – С. 41-44.
209. Смирнов М.М. Неосистемная политология: поздний системный структурный функционализм // Научные ведомости БелГУ. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. – 2010. – №14. – С. 202-207.
210. Смирнов М.М. Теоретико-методологические истоки теорий системного структурно-функционального анализа // Социология власти. – 2010. – №1. – С. 82-87.
211. Сморгун Л.В. Проблема методологического синтеза в современной сравнительной политологии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. – 2011. – Вып. 1. – С. 76-85.
212. Сморгун Л.В. Событийное политическое знание и его значение для сравнительной политологии // Политические исследования. – 2011. – №1. – С. 122-133.
213. Сморгун Л.В. Сравнительная политология в поисках новых методологических ориентаций: значат ли что-либо идеи для объяснения политики? // Политические исследования. – 2009. – №1. – С. 118-129.
214. Фадеева Л.А. Проблема идентичности в сравнительной политологии // Политические исследования. – 2011. – №1. – С. 134-139.
215. Федоркин Н.С. Методологический потенциал сравнительных исследований политических систем // Пространство и время. – 2013. – №3(13). – С. 36-43.
216. Хайнеман Р.А. Введение в политическую науку // Политическая наука. – 2000. – №4. – С. 43-57.

217. Челлен Н. О политической науке, её соотношении с другими отраслями знания и об изучении политического пространства // Политические исследования. – 2005. – №2. – С. 115-127.
218. Чиркин В.Е. Глобальные модели политической системы современного общества: индикаторы эффективности // Государство и право. – 1992. – №5. – С. 82-90.
219. Шабров О.Ф. Системный подход и моделирование: общие принципы и специфика применения в политической сфере // Моделирование в социально-политической сфере. – 2007. – №1. – С. 12-20.
220. Шамшурин В.И. Человек и государство в русской философии естественного права // Вопросы философии. – 1990. – №6. – С. 132-140.
221. Шмиттер Ф. Неокорпоративизм // Политические исследования. – 1997. – №2. – С. 14-22.
222. Шутов А.Ю. Типология политических процессов (социокультурный контекст) // Вестник Московского университета. Серия 12. Социально-политические исследования. – 1994. – №2. – С. 28-40.

Авторефераты диссертаций

223. Митрохина Т.Н. Методология сравнительного изучения политики: автореф. дисс. док-ра полит. наук. – Саратов, 2005. – 46 с.
224. Смирнов М.М. Контент-системный подход в политическом моделировании: автореф. дисс. док-ра полит. наук. – М., 2013. – 51 с.

Иностраные источники

225. Almond G. Comparative political systems // The Journal of politics. – Vol. 18. – 1956. – №3. – P. 391-409.
226. Blondel J. Then and now: comparative politics // Political studies. – 1999. – Vol. 47. – №1. – P. 152-160.
227. Bollen K.A. Liberal Democracy: validity and method factors in cross-national measures // American Journal of Political Science. – 1993. – №37(4). – P. 1207-1230.

228. Collier D. The comparative method: two decades of change // Comparative political dynamics global research perspectives. Ed. by Rustov D., Erickson K. – N.Y.: Harper Collins, 1991. – P. 7-31.
229. Cutright Ph. National political development: measurement and analysis // Empirical democratic theory / Ed. by Cnudde Ch., Neubauer D. – Chicago: Markham Publishing Company, 1969. – P. 193-209.
230. Downs A. An economic theory of democracy. – N.Y., 1957. – 210 p.
231. Deutch K. The nervs of government: models of political communication and control. – N.Y., 1963. – 316 p.
232. Easton D. The analysis of political structure. – N. Y., 1990. – 336 p.
233. Freeman E. Comparative politics. – L., 1873. – 522 p.
234. Johnson J. Conceptual problems as obstacles to progress in political science. Four decades of political culture research // J. of theoretical polit. – L., 2001. – Vol. 15. – №1. – P. 87-115.
235. Hague R., Harrop M., Breslin S. Comparative government and politics. An introduction. – Houndmills, Basingstoke, Hampshire and London: The Macmillan Press, 1998. – 317 p.
236. Kenneth B., Laver M. The dimensionality of political space: epistemological and methodological considerations // European Union Politics – 2012. – №13(2). – P. 194-218.
237. Lasswell H.D. Language of politics: studies in quantitative semantics. – Cambridge: M.I.T. Press, 1949. – 398 p.
238. Linz J., Stepan A. Problems of democratic transition and consolidation. Baltimore and London: The John Hopkins University Press, 1996. – 504 p.
239. Lijphart A. Comparative politics and the comparative method // American political science review. – 1971. – Vol. 65. – P. 682-693.
240. Lipset S.M. Political man. The social bases of politics. – N.Y., 1960. – 432 p.
241. Lipset S. The social requisites of democracy revisited. 1993 Presidential address // American sociological review. – 1994. – Vol. 59. – №1. – P. 1-22.

242. Macridis R. Introduction: The history, functions and typology of parties // Political parties: Contemporary trends and ideal. – N.Y., 1967. – 268 p.
243. Macridis R., Burg S., Introduction to comparative politics. Regimes and change. – N.Y.: Harper Collins, 1991. – 230 p.
244. March J. G., Olsen J. P. Rediscovering institutions. – N.Y.: The Free Press, 1989. – 227 p.
245. March J.G., Olsen J.P. The new institutionalism: organizational factors in political life // American political science review. – Wash., D.C., 1984. – Vol. 78. – №3. – P. 734-749.
246. Newton K., Van Deth J. W. Foundation of comparative politics. Democracies of the modern world. – Cambridge: Cambridge University Press, 2010. – 439 p.
247. O’Hear A. Introduction to the philosophy of science. – Oxford: Clarendon Press, 1989. – 256 p.
248. Rosenbaum W.A. Political culture: basic concepts in political science. – N.Y., 1975. – 181 p.
249. Stepan A. On the tasks of democratic opposition // Diamond L., Plattner M. (ads.) The global resurgence of democracy. – Baltimore and London: Johns Hopkins University Press, 1993. – 336 p.
250. Vanhanen T. Prospects of democracy: a study of 172 countries. – N.Y.: Routledge, 1997. – 374 p.
251. Vanhanen T. The emergence of democracy: a comparative study of 119 states, 1850-1979. – Helsinki: Societas scientiarum fennica, 1984. – 168 p.
252. Vanhanen T. The process of democratization: a comparative study of 147 states, 1980-1988. – N.Y.: Crane Russak, 1990. – 326 p.
253. Verba S. Some dilemmas in comparative research // World politics: a quarterly journal of international relations. – 1967. – Vol. 20. – №1. – P. 66-99.
254. Zahra F. Arat Democracy and economic development: modernization theory revisited // Comparative Politics. – Vol.21. – №1. – P. 21-36.

Интернет-ресурсы

255. Polity IV Project: Political Regime Characteristics and Transitions, 1800-2012 // Официальный сайт проекта «Polity IV»: <http://www.systemicpeace.org/polity/polity4.htm>.
256. Press Freedom Index 2011/2012 // Официальный сайт международной неправительственной организации Репортеры без границ (Reporters Without Borders): <http://en.rsf.org/press-freedom-index-2011-2012,1043.html>.
257. Индекс демократии стран мира (The Democracy Index) // Официальный сайт британского центра исследований The Economist Intelligence Unit: http://www.eiu.com/public/topical_report.aspx?campaignid=Democracy0115.
258. Индекс качества демократии неправительственной организации Democracy Ranking Association // Официальный сайт неправительственной организации Democracy Ranking Association: http://democracyranking.org/?page_id=831.
259. Индекс трансформации Р. Бернтельсманна (Transformationsindex BTI 2014) // Официальный сайт фонда Р. Бернтельсманна: <http://www.bti-project.de/index/>.
260. О' Доннелл Г. Делегативная демократия [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://polit.msk.su/library/dem/odonnell.html#_ftn1.
261. Рейтинг стран мира по уровню демократии – информация об исследовании // Официальный сайт Центра гуманитарных технологий: <http://gtmarket.ru/ratings/democracy-index/info>.
262. Эллис Э. Новые коалиции, новые парламенты [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.polisportal.ru/files/File/puvlication/Starie_publicacii_Polisa/E/199_3-6-7-Ellis_Novie_koalicii_novie_parlamenti.pdf.

